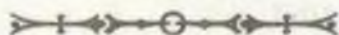

81.2
Т-19

М. А. Таривердиева

ОТ ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКИ К ЛАТИНСКИМ ТЕКСТАМ

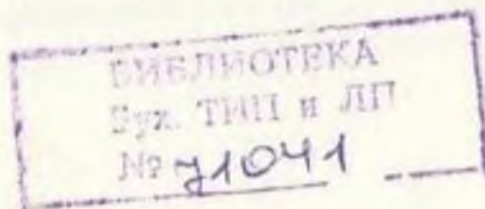
(Латинское предложение: форма и смысл)

Москва

Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС

1997

ББК 81.2 Лат-93
Т 19

Рецензенты: Кафедра классической филологии Московского государственного лингвистического университета (зав. кафедрой проф. В. Н. Ярхо); докт. филол. наук, проф. Т. А. Репина (Санкт-Петербургский государственный университет)

Т 19 Таривердиева М. А. От латинской грамматики к латинским текстам (Латинское предложение: форма и смысл). — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. — 176 с. — ISBN 5-691-00010-1

В книге изучаются в коммуникативном аспекте предложения разной степени сложности в латинском языке. Исследование сопровождается информацией о научной полемике по соответствующим вопросам синтаксиса и семантики в постоянном сравнении латинского и новых индоевропейских языков. Книгу завершает «Хрестоматия», составленная в соответствии с задачами работы на базе оригинальных латинских текстов.

Книга предназначена студентам и аспирантам гуманитарных специальностей вузов, учащимся лицеев и гимназий, преподавателям, людям, самостоятельно изучающим латинский язык, а также всем интересующимся проблемами семантики и синтаксиса индоевропейских языков.

4602010000—39
Т 14К(03)—97 Без объявл.

ББК 81.2 Лат-93

ISBN 5-691-00010-1

© Таривердиева М. А., 1997
© «Гуманитарный
издательский центр
ВЛАДОС», 1997

«Речь складывается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя)».

Аристотель. «Риторика»

Введение

Настоящая книга адресована широкому кругу читателей — как тем, кто владеет основами латинского языка и хочет углубить свои знания (учащимся лицеев и гимназий, студентам, аспирантам и преподавателям гуманитарных факультетов вузов, людям, самостоятельно изучающим латинский язык), так и специалистам (филологам-классикам и лингвистам, занимающимся вопросами синтаксиса индоевропейских языков — древних и современных).

Цель пособия — рассмотрение и описание латинского синтаксиса как единой системы, служащей для выполнения языком его основного предназначения — осуществления коммуникации. Автор не ставит перед собой задачи максимально полно описать все синтаксические конструкции латинского языка. Подробная информация такого рода содержится во многих нормативных грамматиках, и читатель, при желании, может почерпнуть из них все необходимые сведения. Задача автора — не повторить, а уточнить и дополнить эту информацию, пригласив читателя вместе с ним «заглянуть внутрь» синтаксических конструкций, попытаться понять их смысл и назначение в системе языка.

О росте исследовательского интереса к семантике (содержательной стороне) латинского синтаксиса свидетельствуют, в частности, материалы II Международного конгресса по латинской лингвистике, практически целиком посвященного этой проблематике (см.: *Syntaxe et Latin. Actes du II Congrès International de Linguistique Latine. Aix-en-Provence, 28—31 Mars 1983* / Ed. par C. Touratier. Aix-en-Provence, 1985), ряд специальных работ отечественных и зарубежных исследователей. Однако, насколько известно, до сих пор разработка этого направления исследований ограничивалась изучением семантики отдельных синтаксических структур. Настоящая работа является первым опытом представления семантической основы латинского синтаксиса как системы.

Определить жанр предлагаемой вниманию читателей книги непросто. Ее структура и содержание отличаются от принятых в нормативных грамматиках латинского языка. Они обусловле-

ны поставленными задачами. Поскольку главной функцией языка является осуществление коммуникации, естественно предположить, что смысловой стержень, диктующий выбор структуры высказывания, связан с отношением к содержанию высказывания его автора-говорящего — языковой модальностью.

Модальностью высказывания в языкознании именуется семантическая категория, воплощающая «представление действительности с точки зрения субъекта речи» (Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981. С. 241—242).

Именно модальность предлагается рассматривать в качестве смыслового вектора, определяющего построение высказывания. Выдвинутая автором гипотеза является «ключом» к чтению большинства глав книги. Исключение составляет краткий экскурс в «Синтаксис падежей». Подробное описание материала по этой теме содержится во всех нормативных грамматиках латинского языка. Причиной, обусловившей включение этой темы и в настоящее пособие, является стремление автора объединить конкретные значения каждого из падежей на единой системно-содержательной основе. Невозможность использования здесь модального критерия (модальность связана с обозначением действия и, следовательно, с глагольными структурами) обусловлена, в целях сохранения смыслового единообразия работы, выделением данного материала в Приложение к разд. I.

В книге три раздела. Первый раздел объединяет вопросы синтаксиса простого предложения, понимание и усвоение которых часто затруднено вследствие отсутствия аналогий в новых языках. Своеобразие латинского языкового материала обуславливает важность данного раздела и в общеязыковедческом плане. Материал второго раздела — синтаксические структуры, типичность и частотность которых также составляет своеобразие латинского предложения. Это инфинитивные и причастные обороты. Их употребление существенно расширяет выразительные возможности простых предложений, приближает их по содержанию к сложным. В грамматиках латинского языка эти обороты получили подробное и всестороннее освещение. Поэтому в настоящей книге они рассматриваются лишь с точки зрения их модального содержания и коммуникативных возможностей. Третий раздел посвящен сложному предложению. Уточняется смысловое наполнение основных синтаксических моделей латинского сложного предложения, изучаются модальные значения составляющих их компонентов.

Нормативные описания изучаемых синтаксических структур также регулярно приводятся в тексте книги. Конкретных отсы-

лок не делается, поскольку принятые трактовки в большинстве случаев в разных грамматиках совпадают. Наиболее известные отечественные и зарубежные грамматики латинского языка названы в специальном перечне в конце книги.

Изложение постоянно ведется как бы в двух регистрах. Основной текст включает изложение проблемы и предлагаемую автором интерпретацию рассматриваемой синтаксической структуры. Дополнительный текст (набранный петитом) содержит информацию о научной полемике по данному вопросу, о существующих точках зрения; здесь же указываются специальные исследования, посвященные этой теме.

Все положения работы иллюстрируются примерами из оригинальных текстов римских авторов преимущественно классического периода (I в. до н. э. — I в. н. э.), времени наибольшей стабильности и сбалансированности лексико-грамматической системы латинского языка, при регулирующем влиянии литературной нормы (именно классическая латынь является объектом описания во всех нормативных грамматиках латинского языка). В завершающей книгу «Хрестоматии» собраны примеры из текстов того же периода по каждой из рассмотренных тем, а также значительное число предложений, в которых разнообразные синтаксические структуры объединены в сложное синтаксическое целое, что весьма типично для литературной латыни (раздел «Контрольные тексты»).

Автор приносит искреннюю благодарность коллегам, взявшим на себя труд ознакомиться с рукописью и давшим ценные советы, столь необходимые автору в процессе подготовки рукописи к изданию.

Раздел I. ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Глава 1. Этот многозначный конъюнктив...

§ 1. В простых предложениях латинского языка сказуемое может быть выражено глагольными формами трех наклонений — инфинитива, императива и конъюнктива.

Предложения с глаголом в индикативе служат для описания реальных событий, единичных и повторяющихся, в прошлом, настоящем и будущем, а также для констатации «общих истин».

Callon ab Aquitanis Garumna Gallos от аквитанов отделяет
flumen, a Belgis Matrona et Se- река Гарумна, от белгов —
quani dividit (Caes. B. G. 1, Матрона и Секвана.
1, 2)¹

Apud Helvetios longe nobilis- У гельветов самым знатным и
simus fuit et ditissimus Orge- богатым был Оргеториг.
torix (Caes. B. G. 1, 2, 1).

Подательством и императива говорящий побуждает адресата к действию, а также пытается вызвать у него определенное отношение к какому-либо объекту или событию:

Vive tibi et longe nomina magna Живи тихо (букв.: себе) и избе-
fuge (Ov. Tr. 3, 4, 4). гай именитых людей (букв.: ве-
ликих имен).

Подлеизъявление говорящего воплощает два модальных смысла — желание и несоответствие желаемого объективной действительности. Эти модальные смыслы дифференцируются адресатом, что проявляется в его ответных репликах: «Сделай это!» — «Хорошо» или: «А я уже сделал».

¹ Имена римских авторов и полные названия произведений см. в «Списке сокращений» (с. 172). Цифры в скобках указывают следующее: три цифры соответственно — номер книги, главу и параграф цитируемого произведения; в письмах — книгу, номер письма, параграф; в цитатах из речей Цицерона против Катилины и из первой речи против Верреса — номер речи, главу, параграф (во второй речи против Верреса первая цифра — номер речи (сессии), далее — номер книги, глава, параграф); в примерах из римских поэтов — книгу, номер произведения, стихотворную строку. Две цифры обозначают соответственно — главу (номер письма) и параграф; у поэтов — книгу (или номер произведения) и стихотворную строку. Одна цифра в цитатах из комедий Плавта и Теренция — стихотворную строку.

Многие вопросы, связанные с природой и типологией императива, определением его морфологического статуса, его семантикой, являются предметом научных споров (см., например: Императив в разнотипных языках: Тез. докл. конф. «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л., 1988). В латинском языке к числу спорных относится вопрос о разделении функций между формами *imperativus praesentis* и *imperativus futuri*. Эти формы в течение долгого времени (в архаической и классической латыни) употреблялись в сходных коммуникативных ситуациях, что привело, в конечном счете, к исчезновению *imperativus futuri* (см.: Лопатина М.Г. Способы выражения приказаний в трактате Катона «De agri cultura» // Вопросы классической филологии. Вып. VI. М., 1976. С. 210–213).

§ 2. Употребление форм индикатива и императива в латинском языке аналогично употреблению этих наклонений в новых европейских языках. С конъюнктивом дела обстоят значительно сложнее.

В нормативных грамматиках латинского языка указывается на разнообразие ролей латинского конъюнктива в независимом употреблении, т. е. в пределах простого предложения. Это —

conjunctivus adhortativus (побудительный конъюнктив):

Vivamus, mea Lesbia, atque amemus (Catull. 5, 1). Будем жить и любить, моя Лесбия (псевдоним возлюбленной Катулла Клодии);

conjunctivus imperativus и *conjunctivus prohibitivus* (повелительный и запретительный конъюнктив):

Stultitiae adolescentiaeque eius ignoscas (Plaut. Most. 1157). Прости ему, молодому и глупому (букв.: его глупости и молодости);

Ne sis admiratus! (Cic. Fam. 7, 18, 3) Не удивляйся!

conjunctivus optativus (конъюнктив желания):

Utinam modo conata efficere possim! (Cic. Att. 4, 16, 2) О если бы только я мог осуществить задуманное!

Quae (litterae tuae) me molestia valde levarunt; utinam omnino liberassent! (Cic. Fam. 16, 9, 2) Оно (твое письмо) облегчило мои душевные муки; если бы оно вообще освободило от них!

conjunctivus concessivus (конъюнктив уступки):

Malus civis, improbus consul, seditiosus homo Cn. Carbo fuit. Плохой гражданин, нечестный консул, вздорный человек был

Fuerit aliis; tibi quando esse cepit? (Cic. Verr. 2, 1, 14, 37)

Гн. Карбон. Ну пусть он был для других; для тебя когда он стал таким?

conjunctivus potentialis (конъюнктив возможности):

Ego enim ipse cum eodem isto (Platone) non invitus erraverim (Cic. Tusc. 1, 17, 40). Я и сам, пожалуй, охотно бы заблуждался вместе с ним (Платоном);

conjunctivus dubitativus (конъюнктив сомнения):

Quid agam, iudices? ... Quo me vertam? (Cic. Verr. 2, 5, 1, 2) Что мне делать, судьи?... Куда обратиться?

Quis fallere possit amantem? (Verg. Aen. 4, 296) Кто смог бы обмануть любящего?

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки систематизации функций латинского конъюнктива. Практически всеми исследователями отмечается тяготение его конкретных значений к двум смысловым центрам — выражение волеизъявления и предположительности.

Семантическое своеобразие латинского конъюнктива даже создает предпосылку для возникновения гипотезы об омонимичности «конъюнктива воли» (*le subjonctif de volonté*) и «конъюнктива возможности» (*le subjonctif de possibilité*). В частности, такая концепция разрабатывается в работе: Touratier C. Valeurs et fonctions du subjonctif latin // Revue des études latines. 55 année — 1977. T. LV. Paris, 1978. P. 370–406.

Историческая идея о двух самостоятельных типах значений у латинского конъюнктива обусловлено историческим аспектом проблемы, объединением в латинском языке черт индоевропейских опатива и конъюнктива (многие лингвисты используют для обозначения латинского наклонения предложенный еще римскими грамматиками термин «субъюнктив», чтобы избежать смешения с древним конъюнктивом, противопоставлявшимся опативу). Однако одно дело — происхождение форм, другое — их функционирование в языке на разных этапах его развития. При функциональном подходе к изучению латинского конъюнктива большинство исследователей начинают рассматривать его как единую грамматическую категорию, хотя и характеризующуюся многозначностью. Но и по сей день остается актуальным вопрос об иерархии функций этого наклонения.

Обычно основной (в синхронном плане) функцией латинского конъюнктива в независимом употреблении считают передачу волеизъявления.

Такая точка зрения отстаивается, в частности, в работах: Wackernagel J. Vorlesungen über Syntax. 2 Aufl. Basel, 1926; Thomas F. Recherches sur le subjonctif latin: histoire et valeur des formes. Paris, 1938; Leumann M., Hofmann J. B., Schenke A. Lateinische Grammatik. Bd. 2. Syntax und Stilistik. München, 1964. С. 140. Сабаньева М. К. Генезис косвенных наклонений французского глагола. М., 1981. С. 23 сл. В качестве основной отмечается функция волеизъявления и в нормативных грамматиках — см., в частности: Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Ч. 1 (теоретическая). М., 1950. С. 193.

Функция волеизъявления, действительно, объединяет большинство выделяемых конкретных значений латинского конъюнктива. В стороне остается лишь значение conj. potentialis — обозначение предположительности. Однако именно с этого значения, обычно рассматриваемого в грамматиках последним, мы и начнем исследование роли конъюнктива в латинском простом предложении.

Характеристика значения предположительности как основного значения латинского конъюнктива встречается у ряда исследователей (см., например: *Ronconi A. Il verbo latino: Principi di sintassi storica*. Bologna, 1948. P. 81; *Scherer A. Die ursprüngliche Funktion des Konjunktivs // Indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Akten der IV Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*. Bern, 1969 / Hrsgb. von G. Redard. Wiesbaden, 1973. S. 99 — 106).

§ 3. Основанием для выделения conj. potentialis как первичного (в синхронном плане) значения латинского конъюнктива, определяющего его место в системе глагольных форм в классической латыни, является его независимость от контекста. Это значение отмечается в повествовательных предложениях, на фоне нейтрального повествования. Ср.:

Pars hominum vitiis gaudet constanter (Hor. *Serm.* 2, 7, 6).

Некоторые люди постоянно радуются порокам. (индикатив)

Abs quibus homine quom (= cum) est opus, beneficium accipere gaudeas (Ter. *Ad.* 254).

Когда нужно, ты, пожалуй, будешь рад принять благодеяние от любого. (конъюнктив)

Противопоставление индикатива и конъюнктива отображает разную бытийную оценку говорящим описываемых положений дел. Эти варианты модальной характеристики можно сформулировать следующим образом: «факт» / «возможный мир».

Понятие «факт» предполагает возможность прямого сличения пропозиции с действительностью (см.: *Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. М., 1988. С. 159). Понятие «возможный мир» подразумевает возможное положение дел. Оно широко применяется в модальной логике (см.: *Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования*. Пер. с англ. М., 1980. С. 38). Ср. также различение реального, физического мира и «воображаемых миров» в работе: *Vendler Z. The Matter of Minds*. Oxford, 1984. P. 20.

Значение conj. potentialis передается с помощью разных форм конъюнктива:

Vix veri simile fortasse videatur (Cic. *Fam.* 7, 2, 3). (praesens conj.)

Пожалуй, едва ли это покажется правдоподобным.

Ingenia studiaque oppresseris fallis, quam revocaveris (Tac. *Agg.* 3, 1). (perfectum conj.)

Таланты и стремления легче погубить, чем возродить.

Maestique — crederes victos — redeunt in castra (Liv. 2, 43, 10). (imperfectum conj.)

...И печальные — можно было подумать, что они побеждены — ... они возвратились в лагерь.

При описании ситуаций, в принципе возможных в настоящем или в будущем, используются формы praesens или perfectum conj., отмечающие видовое различие.

Существует и иная точка зрения на различие в семантике praesens и perfectum conj.: посредством perfectum conj. отображается меньшая, по сравнению с передаваемым при помощи praesens conj., актуализация действия — чистая гипотетичность. Как результат, высказывания с глаголом в perfectum conj. характеризуются большей единичностью выражения: такой формой высказывания говорящий может не только подчеркнуть свое уважение к собеседнику, но и отметить маловероятность сообщаемого (см.: *Vairel H. Le subjonctif parfait de moindre actualisation dans les comédies de Plaute et de Térence // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. T. LIV, fasc. I. Paris, 1980. P. 137).

Формами imperfectum и plusquamperfectum conj. обозначаются положения дел, предположительность которых связывается с прошлым. Такие положения дел представляются говорящему уже не сопоставимыми с объективной действительностью.

Таким образом, роль conj. potentialis заключается в обозначении области «возможных миров» в ее противопоставлении объективной действительности. Реализация этой функции в нейтральном контексте в четком противопоставлении индикативу позволяет рассматривать ее в синхронном плане как основную.

Редкость употребления конъюнктива в функции conj. potentialis не может служить доказательством второстепенности данной функции. Это лишь результат малой потребности в нейтральном, без расчета на ответную реакцию собеседника, описании говорящим своего «возможного мира».

§ 4. Теперь обратимся к разнообразным функциям конъюнктива, объединяемым общим значением «волеизъявление». Прежде всего — это функции conj. adhortativus, conj. imperativus, conj. prohibitivus, conj. optativus. Нетрудно заметить, что все перечисленные значения включают один общий смысловой элемент, объединяющий их со значением conj. potentialis: они обозначают ситуации, лишь воображаемые говорящим. Таким образом, подтверждается обоснованность выделения области «возможных миров» как сферы, в которой реализуются значения

конъюнктива (в противопоставлении объективной действительности — сфере реализации значений, передаваемых формами индикатива).

Что же позволяет в таком случае выделять у конъюнктива упомянутые выше значения и воспринимать соответствующие высказывания как различные варианты волеизъявления говорящего?

При описании в грамматиках функций конъюнктива в независимом употреблении обычно перечисляются конкретные формы конъюнктива, с которыми связана реализация того или иного конкретного значения. Так, значение conj. *adhortativus* отмечается у глаголов в форме 1-го л. мн. ч. *praesens conj.*:

Panem quaeramus aratro (Juv. Будем добывать хлеб плугом. 14, 181).

Значения conj. *imperativus* и conj. *prohibitivus* связываются с глаголами в форме 2-го или 3-го л. ед. и мн. ч. *praesens conj.*:

Emas non quod opus est, sed quod Покупай не то, что нужно, а то, *necesse est* (Sen. Ep. 94, 27). что необходимо.

Nemo de nobis unus excellat Пусть никто из нас не выделя- *(Cic. Tusc. 5, 36, 105).* ется.

Формальные ограничения здесь не случайны. В них отражаются ситуации, в которых выявляются соответствующие значения конъюнктива. Форма выражения желания зависит от конкретного характера отношений между участниками разговора, а также от намерений говорящего принять или не принять участие в действии: это — приглашение к совместным действиям (conj. *adhortativus*), побуждение собеседника к действию (conj. *imperativus*) либо, наоборот, рекомендация не делать этого (conj. *prohibitivus*).

Значение conj. *optativus* не связано с конкретными исполнителями действия и потому, казалось бы, должно быть свободно от ситуативных ограничений. Тем не менее, это значение также оказывается определено вполне конкретными условиями — оно реализуется всегда в оценочном контексте:

Quae (sapientia mea) utinam О если бы она (моя мудрость) *digna esset opinione vestra* (Cic. была достойна вашего мнения! Sen. 2, 5).

Sis felix, et sint candida fata tua Будь счастлива, и пусть будет *(Tib. 3, 6, 30).* ясной твоя судьба!

Utinam tam facile vera invenire О если бы я так же легко мог *quam falsa convincere* найти истину, как изобличить *(Cic. N. D. 1, 32, 91).* ложь!

Типичный способ выражения качественной оценки — использование оценочных лексем, по большей части имен прилагательных, а также существительных, обозначающих качество, роде — наречий.

Изучение конкретной семантики этих лексем составляет предмет самостоятельных исследований (см., например: Федоров Н. А. О некоторых семантических особенностях лексической группы *IUCUNDUS — IUCUNDITAS* в текстах Цицерона // Вопросы классической филологии. Вып. VIII. Размышления (*Disputationes*). М., 1984. С. 209—217; он же. Семантическая специфика термина *pulchritudo* у Цицерона // Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 161—166; он же. Лексическая группа *LEPOS, LEPIDUS, LEPIDE* в системе истинно-эстетической лексики Цицерона // Вопросы классической филологии. Вып. IX. Живое наследие античности. М., 1987. С. 213—230; Pinkster H. On Latin Adverbs. Amsterdam, 1972).

Посредством оптативных предложений со сказуемым-глаголом в форме *praesens conj.* можно выразить наставление общего характера, не имеющее конкретного адресата:

Cedant arma togae! (Cic. Off. 1, Пусть оружие уступит тоге! 22, 77)

Как видно из последнего примера, оценка не всегда получает лексическое воплощение. Она формируется «картиной мира», идей для говорящего и слушающего.

Желательность для говорящего описываемой ситуации может обозначаться специальной частицей *utinam* «о если бы» (см. примеры на с. 8, 13). Однако присутствие этой частицы не является обязательным: часто оказывается достаточно общего оценочного контекста.

Выражение говорящим своей оценки рассчитано на активную реакцию слушающего (в противном случае оно не имеет смысла). Следовательно, значение conj. *optativus* является одним из конкретных воплощений волеизъявления говорящего.

Морфологическое богатство латинского конъюнктива предоставляет большие выразительные возможности. По-видимому, это является одной из причин широкой употребительности латинского конъюнктива при выражении волеизъявления.

5. Отображая неодинаковый характер отношений между говорящим и адресатом, побудительные высказывания разных видов не различаются характером отношения говорящего к сообщаемому: это — всегда желание (или нежелание) какого-либо

положения дел, а следовательно, его положительная (или отрицательная) качественная (в широком смысле слова) оценка.

Характеристика положения дел как «возможного мира» является одним из фундаментальных модальных смыслов («факт/«возможный мир», которые мы определили как бытийную оценку. Выражение пожелания некоторого положения дел представляется следующим этапом в модальной характеристике и может быть определено как качественная оценка. Поэтому функции конъюнктива при выражении св его помощью волеизъявления можно рассматривать в синхронном плане как вторичные.

§ 6. Как варианты выражения волеизъявления говорящего в грамматиках рассматриваются также функции conj. irrealis и conj. concessivus.

Насколько можно судить по грамматическим описаниям, термин conj. irrealis используется применительно к двум разным значениям — нереализованной возможности (отнесение в прошлое значения, которое применительно к настоящему трактуется как conj. potentialis) и возможности упущенной (отнесение в прошлое значения conj. optativus). Ср.:

Itaque haud facile discerneres, utrum imperatori, an exercitui (Hannibal) carior esset (Liv. 21, 4, 3).

Utinam, Quirites, virorum fortium atque innocentium copiam tantam haberetis (Cic. Pomp. 10, 27).

Поэтому нелегко было бы разоб-
раться, кому он (Ганнибал) был
дороже — полководцу или войс-
ку.

О если бы, квинтиты, вы имели
такое обилие храбрых и беско-
рыстных людей!

Формальным различительным признаком является исполь-
зуемая во втором предложении частица utinam, а также общий
оценочный контекст второго высказывания.

В этой связи интересно предложение рассматривать определение «субъюнк-
тив» (= «конъюнктив») как объединяющее на основе общего смыслового компо-
нента («субъективность») два наклонения — potentialis и irrealis (см.: Mariner
Bigorra S. Estructura de la categoria verbal «modo» en Latin clasico // Emerita
Boletín de lingüística y filología clasica. T. XXV, fasc. 2. Madrid, 1957. P. 452—460).

Термин conj. concessivus используется для обозначения функ-
ции конъюнктива в высказываниях, посредством которых гово-
рящий ссылается на бытующее мнение о предмете или событии.

Ne sint in senectute vires; ne postulantur quidem vires a senec-
tute (Cic. Sen. 11, 34) Пусть в старости нет сил; но
сил от старости и не требуется.

Модальность высказываний с conj. concessivus схожа с мо-
дальностью высказываний с conj. optativus. Разница — в ав-
торитете качественной оценки: в первом случае оценка принад-
лежит другим лицам, во втором — самому говорящему.

§ 7. Термин conj. dubitativus, или conj. deliberativus, обы-
чно используется в тех случаях, когда речь идет о конъюнктиве
в вопросительных предложениях. Наряду с конъюнктивом здесь
используется и индикатив. Ср.:

Quid est oratori tam necessari-
um, quam vox? (Cic. De or. 1,
30, 251) Что оратору столь же необхо-
димо, как голос? (индикатив)

Quid faciant pauci contra tot
milla fortes? (Ov. F. 2, 229) Что могут сделать немногие
против стольких тысяч храбре-
цов? (конъюнктив)

sed quid faciamus? (Cic. Att. 7,
21, 1) Но что нам делать? (конъюнк-
тив)

Посредством вопросительных предложений со сказуемым —
глаголом в индикативе передается желание говорящего полу-
чить информацию о реальном событии, факте; с глаголом в
конъюнктиве — желание узнать мнение собеседника по какому-
либо вопросу (нередко по поводу действий самого говорящего,
что в случае реальности, а не предположительности описы-
ваемой ситуации выглядело бы по меньшей мере странно).

Ф. Тома считает, что семантика конъюнктива в вопросительных предложе-
ниях «объединяется между волеизъявлением и потенциальностью (см.: Thomas F. Re-
cherches sur le subjonctif latin: histoire et valeur des formes. Paris. 1938. P. 147).

Таким образом, функции конъюнктива в повествовательных
и вопросительных предложениях одинаковы — обозначение
«возможного мира». Поэтому конъюнктив в вопросительных
предложениях иногда именуется также conj. potentialis.

Одинаковая смысловая основа функций глагольных форм в
повествовательных и вопросительных предложениях латинско-
го языка (индикатив — факт, конъюнктив — область вообра-
жаемого), казалось бы, подтверждает существующее мнение,
что вопросительные предложения не представляют собой осо-
бого модального типа, будучи в этом отношении идентичными
повествовательным.

Такое мнение высказывается, в частности, по поводу повествовательных и во-
просительных предложений в русском языке (см.: Современный русский язык.
Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981. С. 430).

Данный вывод основан на понимании модальности как категории, выражающей связь содержания высказывания с действительностью в отвлечении от позиции говорящего. Но содержание высказывания невозможно интерпретировать в отрыве от его автора, а также от коммуникативной ситуации, в которой оно производится. Мы исходим из представления о модальности как о функционально-семантической категории, воплощающей в высказывании отношение «говорящий — высказывание — действительность — адресат». Такой подход предполагает связь модального содержания высказываний с их коммуникативным предназначением, которое у повествовательных и вопросительных предложений в корне различно: повествовательные предложения служат для передачи слушающему какой-либо информации, с неизбежностью сопровождаемой модальной оценкой говорящего; вопросительные используются для запроса необходимой информации у слушающего, и потому возможности модальной оценки здесь очень ограничены и сводятся лишь к определению бытийного пространства (реальность — «возможные миры»).

А. Ронconi, хотя и напоминает, что вопросительные слова по происхождению — не вопросительные, а утвердительные формы (напр., *quis* — неопределенное или относительное местоимение) и что в историческом аспекте вопросительные предложения по форме суть предложения утвердительные, уточняет, тем не менее, что в вопросительных предложениях от собеседника ожидается подтверждение и уточнение содержания высказывания (см.: *Ronconi A. Il verbo latino*. Р. 74). Ср. также рассуждение Г. Фреге о том, что утвердительные и вопросительные предложения содержат одну и ту же мысль, но при этом, однако, утвердительные содержат еще и утверждение, а вопросительные — побуждение (см.: *Фреге Г. Мысль: Логическое исследование* // *Философия, логика, язык*. Пер. с англ. и нем. М., 1987. С. 24).

Следует различать подлинно вопросительные предложения и так называемые риторические вопросы и восклицания. Ср.:

Quid consilii datis? (Cic. Acad. 2, 45, 138) Какой совет вы даете? (букв.: что от совета...) (собственно вопрос)

Quid fles et madidos lacrimis cor-rumpis ocellos? (Ov. Am. 3, 6, 57) Что ты плачешь и изнуряешь глаза, полные слез? (риторический вопрос)

Quid? Chremes, qui denegarat se commissurum mihi gnatam suam uxorem, id mutavit, quoniam in-mutatam videt! (Ter. Andr. 241—242) Что? Хремет, который отказался выдать за меня дочь, передумал, так как видит, что я настроен по-прежнему! (восклицательное предложение)

Г. Гофф указывает на разные функции вопросительных местоимений в сопоставимых типах предложений: в собственно вопросах местоимение является сентенцически пустым («vide»); в риторических вопросах оно представляет объективную данность, известную говорящему и слушающему; в восклицаниях оно отмечает высокую степень («haut degré») обозначаемого признака, сближаясь с именами и прилагательными качества («de qualité») (см.: *Hoff F. Interrogation, interrogation rhétorique et exclamation en latin* // *Latin Linguistics and Linguistic Theory: Proceedings of the 1st International Colloquium on Latin Linguistics*. Amsterdam, April 1981 / Ed. by H. Pinkster. Amsterdam, 1983. P. 123). Возможность образования восклицательных предложений с участием вопросительных местоимений и наречий становится исследователями в различных индоевропейских языках (веречень литературы по данному вопросу приводится в кн.: *Вольт Е. М. Функциональная семантика оценки*. М., 1985. С. 182—183).

В. И. Итак, употребление латинского конъюнктива в разных функциях обусловлено смысловым и грамматическим контекстом.

Разнообразие употреблений языковых единиц — в природе языка. Оно проявляется, с одной стороны, в возможности использования разных языковых знаков для описания одного и того же содержания, с другой — в выражении одними и теми же языковыми знаками разного содержания. Эта особенность языковых знаков лежит в основу концепции асимметричного дуализма языкового знака, принадлежащей известному русскому лингвисту С. Карцевскому (см.: *Karcevskiy S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique* // *Travaux du cercle linguistique de Rennes* n° 1, 1929. P. 88—93. Русск. пер.: *Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака* // *Заггинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях*. Ч. II. 3-е изд. М., 1965. С. 85—90).

Функции латинского конъюнктива можно систематизировать в виде шкалы — по степени убывания самостоятельной значимости формы и нарастания ее зависимости от контекста.

Такая шкала, применительно к французскому языку, предложена В. Г. Гаком. Им выделены следующие изменения значений формы: нейтрализация (устранение противопоставления значений), транспозиция (использование формы в значении другой формы), десемантизация (утрата формой значения данной грамматической категории) (см.: *Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка*. Морфология. 2-е изд. М., 1986. С. 29—31).

Первичная функция конъюнктива — обозначение воображаемого положения дел: *conj. potentialis*, *conj. irrealis*, *conj. dubitativus*.

Остальные функции латинского конъюнктива — вторичные. При использовании глагольных форм в функции *conj. optativus* происходит нейтрализация значения, поскольку при выражении пожелания не важно, оценивается ли желаемое положение дел говорящим как воображаемое («возможный мир») или как отрицательная реальность. То же — и в значениях *conj. irrealis* (обращенность пожелания в прошлое) и *conj. concessivus* (допущение). При реализации значений *conj. imperativus*,

conj. prohibitivus, conj. adhortativus функция конъюнктива практически совпадает с функцией императива: выражение пожелания в условиях отрицательной реальности. Поэтому ее можно охарактеризовать как результат транспозиции значения.

Функции латинского конъюнктива можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 1

Функции латинского конъюнктива в простом предложении

Семантика конъюнктива	область «возможных миров»		
	Первичная	Вторичные	
		нейтрализация	транспозиция
Функции конъюнктива	«возможный мир» говорящего	«возможный мир» говорящего / «отрицательный факт»	«отрицательный факт»
Традиционные обозначения функций конъюнктива	c. potentialis c. irrealis ₁ c. dubitativus	c. optativus c. irrealis ₂ c. concessivus	c. imperativus c. prohibitivus c. adhortativus (синоним — императив)

Пар. в фр. М., 1955. С. 238). Утверждение и отрицание считаются основными модальными категориями модальной оценки (Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955. С. 164). В волеизъявительном высказывании отрицание рассматривается как новое модальное значение (см.: Шендельс Е. И. Отрицание как лингвистическое понятие // Уч. зап. МГПИИЯ, № 19. М., 1959. С. 137). Правда, согласно иной точке зрения, значение запрета — это «то же самое значение волеизъявления, которое направлено на невыполнение действия» (Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986. С. 96). Некоторые исследователи вообще не считают возможным сопоставление категорий модальности и отрицания, рассматривая последнее как самостоятельную языковую категорию, характеризующую строго объективным содержанием, в отличие от модальности — субъективной, оценочной категории (см.: Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983. С. 65 и др.).

Для уточнения роли отрицания в высказывании и его соотношения с модальностью рассмотрим функции отрицания в предложениях с разным модальным содержанием.

§ 10. Как уже отмечалось, обязательным компонентом модального содержания высказывания является бытийная оценка описываемого положения дел: «факт» / «возможный мир». В пределах каждой из этих характеристик происходит оценка по параметрам «+» / «-». В повествовательных предложениях это осуществляется путем постановки глагола-сказуемого в утвердительной и отрицательной форме. Ср.:

Amantium irae amoris integratio (= integratio est) (Ter. Andr. 535). Гнев любящих есть возобновление любви;

Итак, богатство не есть добро. (Sen. Ep. 87, 28).

Dura aliquis praecepta vocet mea (Ov. Rem. 225). Пожалуй, кто-нибудь назовет мои наставления суровыми;

Итак, он, пожалуй, не станет делать... (Cic. Off. 3, 19, 76).

Оценка описываемого положения дел по параметрам «+» / «-» заключается в следующем: для «факта» — «соответствие / несоответствие объективной действительности», для «возможного мира» — «сопоставимость / несопоставимость с объективной действительностью».

Таким образом, несопоставимость «возможного мира» с объективной действительностью может обозначаться не только пу-

Глава 2. Для чего в предложении употребляется отрицание?

§ 9. Лингвистическая традиция относит отрицание к основным компонентам содержания высказывания.

А. М. Пешковский определяет отрицание в языке следующим образом: «...Связь между теми или иными двумя представлениями при помощи этой категории создается отрицательно, т. е. сознается, что такая-то связь, выраженная такими-то формами слова и словосочетаний, реально не существует» (Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. С. 386). Развивая определение А. М. Пешковского, Е. В. Падучева пишет: «По смыслу отрицание должно быть оператором, сферой действия которого является предложение, поскольку отрицается всегда некоторое высказывание» (Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974. С. 145).

Многие исследователи пытались определить характер соотношения между отрицанием и модальностью, также связанной с содержанием высказывания в целом.

Утверждается, что «отрицание выражает модальное понятие — это отказ от подтверждения» (Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка.

тем его отнесения к прошлому (conj. irrealis₁), но и непосредственно, отрицательной частицей.

Сравнив повествовательные предложения с глаголами в индикативе и конъюнктиве, можно убедиться, что воображаемые ситуации описываются по подобию реальных событий (различие модальных характеристик отмечается наклоном глагола). Это сходство проявляется и в одинаковом обозначении отрицательных фактов и отрицательных «возможных миров» — частицей *non*.

Характеристика по параметрам «+» / «-» служит для уточнения бытийной оценки. Поэтому утверждение и отрицание следует считать средствами выражения модальности повествовательного высказывания.

Ср. следующее высказывание А. Ф. Лосева: «... Не существует ни утверждения, ни отрицания, а только действительность. Утверждение же и отрицание являются лишь специфическими типами отражения действительности» (Лосев А. Ф. Типы отрицания // Дialeктика отрицания отрицания. М., 1983. С. 170).

§ 11. В повествовательных предложениях с помощью утверждения и отрицания уточняется бытийная оценка сообщаемого. Вопросительным высказыванием говорящий ничего не сообщает, а лишь запрашивает у слушающего информацию о реальной действительности или о мнении последнего. Вот почему оказывается неважно, какая форма глагола-сказуемого используется в общем вопросе — положительная или отрицательная. Ср.:

Hodie uxorem ducis? (Ter. Andr. Ты сегодня женишься? 321)

Non omnes homines aliquo errore ducuntur? (Plin. Ep. 9, 12, 1) Разве все люди не увлекаемы каким-нибудь заблуждением?

Отсутствие смысловых различий между общими вопросами в положительной и отрицательной форме отмечается и в русском языке (см.: Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения: Общий вопрос. Oslo, 1969. С. 142. Кржижкова Е. Заметки о месте негации в языковой структуре // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 193).

§ 12. Исследователи различают полное, фразовое отрицание («отрицание суждения») и частичное, присловное отрицание («отрицание понятия»).

(См., например: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. 2-е изд. М., 1986. С. 121).

Примеры частичного отрицания в латинском языке (формы выражения — частицы *non*, *ne* ... *quidem*, а также различные отрицательные слова):

Denique non omnes eadem mirantur amantque (Hor. Epist. 2, 2, 50).

Наконец, не все ценят и любят одно и то же.

Ne eo quidem tempore quisquam loco cessit, sed circumventi omnes interfectique sunt (Caes. B. G. 7, 62, 7).

Даже в этот момент никто не тронулся с места, и все были окружены и убиты.

Item nemo ignavia immortalis factus est (Sall. Jug. 85, 49).

И ведь никто благодаря трусости не стал бессмертным.

Nihil enim semper floret, aetas succedit aetati (Cic. Phil. 11, 15, 39).

Ничто ведь не цветет вечно, одна пора сменяет другую.

Nulla enim vitae pars ... vacare officio potest (Cic. Off. 1, 2, 4).

Ведь никакая часть жизни ... не может быть свободна от обязанностей.

Numquam ego sanguinem expetivi tuum (Cic. Pis. 41, 99).

Никогда я не жаждал твоей крови.

Neque is finis periculi fuit (Liv. 3, 4, 8).

Опасность еще не отступила (букв.: Это еще не было концом опасности).

Частичное отрицание может распространяться не только на именные члены предложения, но и на глагол-сказуемое:

Non faciunt meliorem equum aurei freni (Sen. Ep. 41, 6).

Золотые удила не делают коня лучше.

In Africa maior pars ferarum aestate non bibunt inopia imbrium (Plin. N. H. 10, 94, 201).

В Африке большая часть животных летом не пьет из-за недостатка дождей.

Частичное отрицание встречается и в частных вопросах. Его присутствие здесь обязательно, так как оно влияет на содержание вопроса:

Cur non mitto meos tibi, Pontiliane, libellos? Ne mihi tu mittas, Pontiliane, tuos (Mart. 7, 3).

Почему, Понтилиан, я не посылаю тебе своих книг? Чтобы ты, Понтилиан, не посылал мне своих.

(Ср. утвердительный вариант вопроса: «Почему я посылаю...?»).

Полное отрицание уточняет бытийную характеристику содержания высказывания. Частичное отрицание не влияет на бы-

тийную характеристику, а, в сочетании с лексемами, к которым оно присоединяется, вносит в содержание высказывания качественные характеристики.

При соединении отрицания с оценочными словами возникают новые оценочные смыслы. При этом отрицание перемещает понятия «хорошего» и «плохого» по оценочной шкале в сторону нейтрального, т. е. безразличного:

(Imperator Galba) pecuniae ali- (Император Гальба был) *не па*
euae *non adpetens*, suae parcus, *док* до чужих денег, бережлив
publicae avarus (fuit) (Tac. Hist. со своими, скуп с общественны-
1, 49, 3). ми.

Ср.: по наблюдению О. Есперсена, отрицание может, во-первых, превращать понятие в противоречащее и, во-вторых, обозначать «меньше чем», или «между данным термином и нулем» (см.: Есперсен О. Философия грамматики. Пер. с англ. М., 1958. С. 377).

Чем объясняется, что в высказываниях, содержащих качественную оценку, роль отрицания иная, нежели в высказываниях, модальное содержание которых ограничивается бытийной оценкой?

Качественная оценка по параметрам «хорошо» / «плохо» возможна только при условии бытийной оценки описываемого положения дел как «положительного факта» — нельзя оценивать качество того, что не существует. Поэтому становится возможным использование отрицания для образования новых оценочных значений. Эту функцию отрицания следует рассматривать как вторичную. А поскольку качественная оценка изначально носит утвердительный характер, функцию отрицания в данном случае можно охарактеризовать как результат транспозиции.

§ 13. Качественная оценка может осуществляться не только по параметрам «хорошо» / «плохо», но и, как уже говорилось в предыдущей главе (см. § 4–6, с. 11–15), по параметрам «желательно» / «допустимо». Запрещение (т. е. выражение нежелательности действия адресата) передается сочетанием частицы *ne* с утвердительной формой императива или частицы *noli* (во мн. ч. *polite*) с инфинитивом:

Da v o s. Ne negal

Да в: Не спорь!

Pa m p h. Suadere nolil (Ter. Па м ф и л: Не убеждай!

Andr. 384–385)

В высказываниях-запрещениях, содержащих глагол в конъюнктиве, отрицательный компонент также передается частицей *ne*:

Ne transieris Hiberum! ... *ne* *Не переходи* через Гибер! ... *Ne*
quid rei tibi sit cum Saguntinis! *имей* дела с жителями Сагунта!
(Liv. 21, 44, 6)

Отрицание *ne* употребляется и в предложениях с глаголом в конъюнктиве в функции *conj. concessivus*:

Ne sit sane summum malum do- Пусть боль *не есть* высшее зло;
lor, malum certe est (Cic. Tusc. но, во всяком случае, она — зло.
2, 3, 14)

В оптативных и побудительных высказываниях при глаголах в форме конъюнктива наряду с частицей *ne* возможно употребление и частицы *non*:

Quo (die) utinam susceptus non О если бы я в тот день *не ро-*
essem aut *ne quid ex eadem ma-* *дился* (букв.: не был принят)
tre postea natum esset! (Cic. Att. или ничего от той же матери
11, 9, 3) впоследствии *не родилось!*

A legibus non recedamus! (Cic. *Не будем отступать* от зако-
Cluent. 57, 155) нов!

Поскольку оценка «желательно» (как и оценка «хорошо» / «плохо») зависит от инициативы говорящего, ее отрицание невозможно: в таких случаях она просто отсутствует. Следовательно, отрицание в побудительных высказываниях не распространяется на значение «желательно», а передает отрицательный смысл, содержащийся в описываемом положении дел. Однако при языковом воплощении происходит «подъем» отрицания и модальную рамку предложения: «Не делай» = «Я не хочу, чтобы ты делал» = «Я хочу, чтобы ты не делал».

(*) тем, что отрицательное желание равно желанию противоположного положения дел, см. Кржижкова Е. Заметки о месте негации... С. 197.

Как уже отмечалось, модальность высказываний, выражающих допущение, сходна с модальностью высказываний-пожеланий. Аналогична и роль отрицания в этих высказываниях: с его помощью осуществляется передача отрицательного смысла в положении дел, составляющем объект пожелания или допущения.

Ср. соотношение разных форм латинского отрицания с разными содержательными компонентами высказывания (*non* — с экспозицией, *ne* — с побуждением, *noli* или *imperativus* — с объяснением отношения к данному действию говорящего) в работе: Mariner Bigorra S. Nocion basica de los modos en el estilo indirecto

... // *Studia*. Revista de linguística y filología clásica. T. XXXIII, fasc. I. Madrid, 1965. P. 56. Концепция трехуровневого отрицания в английском языке — пропозиционного, модального и перформативного (связанного с речевым действием «Я не говорю, что...») — развивается в работах: Lyons J. *Semantics*. V. 2. Cambridge, 1977. P. 750; Orlandini A. *Négation, quantification et modalités* // *Syntaxe et Latin*. Actes du II Congrès International de Linguistique Latine. Aix-en-Provence, 1985. P. 555.

§ 14. Как видим, роль отрицания в латинском высказывании может быть различной. Функции отрицания и формы его выражения оказываются непосредственно связанными с модальностью высказывания. Их можно систематизировать в виде следующей таблицы:

Таблица 2

Роль отрицания в латинском высказывании

Функции	Первичная	Вторичные	
		нейтрализация	транспозиция
	Отрицательная бытийная оценка в повествовательных, опативных и побудительных высказываниях	Способ оформления сказуемого в вопросах общего типа	Новые описательные и оценочные смыслы в повествовательных высказываниях и частных вопросах
Формы выражения	non (+ indic./conj.) ne (+ conj., imperat.) noli, nolite (+ infinitiv.)	non (+ indic./conj.)	non (+ indic./conj.), ne ... quidem, отрицательные местоимения и наречия

Глава 3. Что можно выразить глаголами posse и debere

§ 15. Латинские глаголы posse и debere, как и глаголы с аналогичными значениями в других индоевропейских языках, именуются модальными. С их помощью передаются отношения (модусы) между субъектом или объектом (подлежащее предложения) и действием (выраженным инфинитивом; сами модальные глаголы выступают в роли сказуемого). Разнообразие функций модальных глаголов в новых европейских языках привлекает внимание многих исследователей. В то же время изучение этих глаголов в древних языках, в частности, в латинском, ограничивается по преимуществу формальной стороной — их морфологическими характеристиками. Это обстоятельство по-

тудило нас посвятить модальным глаголам отдельную главу в настоящей книге. Объектом нашего исследования являются не формы, а значения данных глаголов, их сочетаемость, их коммуникативные возможности.

§ 16. Латинские глаголы posse и debere, как и их аналоги в других языках, неоднозначны. Прежде всего отметим значения, передаваемые непосредственно самими глагольными лексемами. Эти значения следующие: posse — «быть в состоянии сделать, уметь», debere — «быть должным, задолжать».

Quodque et in primis potes et ... И что и ты можешь лучше
quo a te vehementer exspecto других, и я от тебя очень жду.
(Cic. Fam. 1, 9, 2).

Quinquam et Pompeio plurimum Хотя я, на основании твоих по-
la quidem ipso praedicatore ac хвал и свидетельств, и был мно-
tote debebam (Cic. Fam. 1, 9, 6). гим обязан Помпею...

Данные значения глаголов posse и debere можно сформулировать как «способность» и «задолженность». Они указывают на состояния человека, поэтому следует охарактеризовать их как дескриптивные (описательные).

Состояния «способность» и «задолженность» не абстрактны. Они всегда связаны с каким-либо объектом, обозначение которого занимает в предложении позицию прямого дополнения при данных глаголах. Это могут быть: при глаголе debere — существительное (debere pecuniam «быть должным деньги»), при posse — прилагательное или местоимение с собирательным значением (posse multum, omnia «мочь многое, всё»). В конструкциях с глаголом debere иногда указывается адресат. Объект же может не получать эксплицитного выражения:

Non in causa auctoritatem eo mi- Мой авторитет в этом деле тем
norem habemus, quod tibi debe- меньше, что я обязан тебе.
mus (Cic. Fam. 1, 1, 4).

§ 17. Глаголы posse и debere могут передавать и отношения между субъектом и действием: posse — «мочь, иметь право, получить разрешение что-то сделать», debere — «быть должным, обязанным, вынужденным».

Sed certe, qui tibi ex me fructus Но, конечно, плодами того, что
debentur, eos ubiores et prae- я тебе обязан, ты, находясь
villiores praesens capere potuis- здесь, мог бы воспользоваться
set (Cic. Fam. 1, 9, 2). более полно и немедленно.

Quare hoc animo in nos esse de- Поэтому ты должен будешь
bebis... (Cic. Fam. 2, 1, 2) относиться ко мне так...

Данные значения формулируются соответственно «возможность» и «необходимость».

Глаголы posse и debere в значениях «возможность» и «необходимость» всегда сочетаются с инфинитивом, обозначающим действие, о возможности или необходимости которого идет речь. Подлежащее таких предложений — субъект будущего действия. Возможны и конструкции с пассивным инфинитивом или с глаголом состояния, обозначающим результат действия. В этом случае в позиции подлежащего оказывается объект, на который направлено действие; субъект действия при этом не всегда указан:

Rogari vero sine magno dolore vix просьбу же я едва мог бы выне-
possim (Cic. Fam. 1, 9, 24). сти (букв.: мог бы быть попро-
шенным) без большого огорче-
ния.

Itaque tota iam sapientium civi- Поэтому и все мнения, и воля
um qualem me et esse et numera- благоразумных граждан, каким
ri volo et sententia et voluntas я хочу и быть, и считаться,
mutata esse debet (Cic. Fam. 1, должны измениться.
9, 18).

В сочетании с глаголом posse пассивный инфинитив может выражать неопределенность субъекта действия:

Quatenus de religione dicebat, cui Поскольку он говорил о рели-
quidem rei iam obsisti non pote- гии, против чего уж нельзя было
rat... (Cic. Fam. 1, 2, 1) возражать...

И при личном, и при неопределенно-личном употреблении модальных глаголов допустимо опущение инфинитива:

Quam (summam) tibi, si potero, Я изложу тебе его (вывод)
breviter exponam (Cic. Fam. 1, вкратце, если смогу.
9, 10).

Ad quae si es, ut debes, paratus Если ты, как должен, готов к
(Cic. Fam. 2, 3, 2). этому...

Nos in senatu, quem ad modum Мы в сенате, как я надеюсь,
spero, dignitatem nostram, ut поддержим свое достоинство, на-
potest in tanta hominum perfidia сколько это возможно при та-
et iniquitate, retinebimus (Cic. ком вероломстве и несправедли-
Fam. 1, 2, 4). вости людей.

При неопределенно-личном употреблении глагола posse вместо пассивного инфинитива может использоваться местоимение с обобщающим значением:

Poterat utrumque praeclare... И то, и другое было вполне воз-
(Cic. Fam. 1, 7, 7). можно...

Состояния персонажа, обозначаемые модальными глаголами, могут быть результатом как его собственной самооценки (субъективные возможность и необходимость), так и оценки других лиц (объективные возможность и необходимость). Первые можно именовать также «готовность» и «обязательство», вторые — «разрешение» и «долженствование».

Значения субъективных возможности и необходимости обычно реализуются при соединении субъекта будущего действия и модального субъекта в говорящем, что и понятно: ведь судить со стороны о «состоянии души» кого бы то ни было представляется крайне затруднительным, если не невозможным. Но и в том случае, когда говорящий оценивает самого себя, истинность высказывания непосредственно зависит от искренности автора. Реализация значений объективных возможности и необходимости не имеет подобных ограничений, поскольку в этих значениях воплощаются объективные ситуации, доступные наблюдению «со стороны».

Обстоятельства, обуславливающие возможность и необходимость действия, назовем каузатором действия (от лат. causa «причина»). В роли каузатора объективных возможности и необходимости выступают внешние обстоятельства, субъективные — моральные качества субъекта действия или определенной психологическая ситуация, в которой он оказался:

Ut his bonis, quae tibi natura, ...Что при помощи благ, кото-
studio, fortuna data sunt, faci- рые даны тебе природой, уче-
lium omnia, quae sunt amplissima нием и судьбой, ты легче смо-
in re publica, consequi possis жешь достичь всех высот в го-
quam muneribus (Cic. Fam. 2, сударстве, чем устройством
4, 1). празднеств.

Illud cuius facile est docere cur Это кому угодно легко объяс-
praedpue tu dolere nihil debeas нить — почему особенно ты от-
(Cic. Fam. 6, 4, 2). нудь не должен скорбеть.

Следующий пример интересен тем, что в нем противопоставляются состояния объективной возможности (обозначено синонимом глагола posse в этом значении — безличным глаголом

licet) и субъективной необходимости (обозначено глаголом *debere*). Противительная связь между ними свидетельствует о разных каузаторах (которые в данном случае не выражены):

Miror, cur me accuses, cum tibi id facere non liceat. Quodsi liceret, tamen non debebas (Cic. Fam. 7, 27, 1).

Я удивляюсь, почему ты меня обвиняешь, в то время как тебе не позволено это делать. Да если бы и было позволено, однако ты не должен был.

Каузатор не является обязательным синтаксическим компонентом предложений с модальными глаголами возможности и необходимости. Однако его присутствие обеспечивает содержательную полноту высказывания. При реализации значений объективных возможности и необходимости присутствием каузатора достигается аргументированность и убедительность высказывания. Каузатор субъективных возможности и необходимости обычно не получает эксплицитного выражения, поскольку он постоянен — это внутренние ресурсы, качества субъекта.

Указание на объективную возможность или необходимость некоторого действия используется говорящим для побуждения других лиц к названным действиям. Сообщение говорящего о его отношении к действиям адресата обретает актуальность, когда эти действия зависят от его оценки. Означает ли это, что высказывания с модальными глаголами в значениях объективных возможности и необходимости аналогичны высказываниям — предложениям с глаголом в форме императива?

Соотнесение значений необходимости и возможности с значением императива проводится, в частности, в работах: Адамец П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности // Československá rusistica. Т. XIII, № 2. Praha, 1968. Р. 88; Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971. С. 193; Беличова-Кржижкова Е. О модальности предложения в русском языке // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 53.

Высказывания — предложения с модальными глаголами и высказывания — предложения с глаголом в императиве, действительно, нередко используются в аналогичных коммуникативных ситуациях. Однако между этими высказываниями существуют определенные семантические различия. Высказывания — предложения с глаголом в форме императива выражают побуждение к действию «в чистом виде»; отношение к будущему действию участников коммуникации здесь не отображается. Что же касается высказываний — предложений с модальными глаголами, то параллельное функционирование глаголов *posse* и

debere в одинаковых синтаксических структурах свидетельствует о передаче этими глаголами разных смысловых оттенков.

Глагол *debere* в значении объективной необходимости отображает заинтересованность говорящего в будущем действии адресата, то есть его положительную качественную оценку («ты должен» = «я хочу» = «это было бы хорошо»).

О единстве смысловой сферы «воли — необходимости» пишет Т. Б. Алисова (см. Алисова Т. Б. Очерки... С. 192).

Глагол *posse* в значении объективной возможности обозначает безразличие говорящего к будущему действию адресата («ты можешь» = «я не возражаю» = «твое действие мне безразлично»).

Ср. Т. Б. Алисова пишет о том, что итальянский глагол *potere* является точным синонимом пассивной формы глагола *permettere* «позволять» (см.: Алисова Т. Б. Очерки... С. 193).

Дискурсная (речевая) ориентированность модальных глаголов в значениях объективных возможности и необходимости отмечается в специальных исследованиях (см., например: Palmer F.-R. Modality and the English Modals. London and New York, 1979. Р. 35).

При передаче глаголами *posse* и *debere* значений субъективных возможности и необходимости модальное содержание высказывания ограничивается бытийной оценкой действия как «возможного мира», поскольку оно еще только предполагается. Качественная оценка действия непосредственно в глагольной лексеме не выражена; в зависимости от контекста, возможны ее положительный и отрицательный варианты. Ср.: «Я хочу и могу это сделать» (+) — «Я могу, но не хочу это делать» (—); «Я должен и хочу это сделать» (+) — «Я не хочу, но должен...» (—).

Отмеченные расхождения в модальной семантике объективных и субъективных возможности и необходимости обусловлены различием отображаемых ситуаций: при выражении объективных возможности и необходимости автор оценки и будущий исполнитель действия — два разных человека, и выражение одним человеком своей воли другому предполагает качественную оценку им будущего действия; при выражении субъективных возможности и необходимости говорящий сам является будущим исполнителем действия — в такой ситуации выражение качественной оценки не является обязательным, вследствие чего этот семантический компонент отсутствует в значении глагола в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр.

§ 18. Глаголы *posse* и *debere* могут использоваться для выражения еще одного модального значения — предположительности ситуации, передаваемой инфинитивом глагола конкретного действия или состояния:

Putaresne umquam accidere posse, ut mihi verba deessent (Cic. Fam. 2, 11, 1).

Неужели, по-твоему, когда-либо могло случиться, чтобы мне не хватило слов.

Certorum hominum, quos iam debes suspicari, sermones referentur ad me (Cic. Fam. 1, 9, 10).

Мне передавали речи определенных лиц — ты должен уже подозревать, кто это (= должно быть, подозреваешь...).

При выражении глаголами *posse* и *debere* предположительности говорящий и слушающий не представлены в грамматической структуре предложения. Подлежащее таких предложений указывает на субъект действия или состояния, выраженное инфинитивом, или на объект данного действия — в этом случае используется пассивный инфинитив:

Illud quidem scio meos multos et inlustri et ex superiore et ex aequo loco sermones ... ad te vere potuisse deferri (Cic. Fam. 3, 8, 2).

Я знаю (= думаю): мои многочисленные публичные, и в речах, и в разговоре, высказывания ... могли дойти до тебя в правильном виде (должно быть, дошли...).

Типичными при выражении предположительности являются конструкции с модальными глаголами в 3-м л. Ведь если субъект предполагаемого действия — собеседник, высказывание избыточно, поскольку адресат лучше осведомлен о своем действии или состоянии, нежели говорящий. Указание же на предположительность действия или состояния говорящего нарушало бы условие искренности, поскольку о себе говорящий располагает точными, а не приблизительными сведениями.

Исключение составляют ситуации, в которых говорящий может оказаться помимо своей воли или которые он не в состоянии определить точно, например: «Я, возможно, болен» (при ощущении недомогания); «Я, должно быть, опоздал» (перед закрытой дверью или в какой-нибудь другой аналогичной ситуации).

В латинском языке модальные глаголы присоединяют только инфинитивы настоящего времени. При отнесении предполагаемого действия к прошлому или будущему в соответствующей форме ставится модальный глагол. «Подъем» временного по-

дателя от глагола конкретного действия или состояния к модальному глаголу оказывается возможным благодаря тесной смысловой взаимосвязи пропозиции и модальной рамки высказывания, которая всегда связана с моментом речи.

Использование для выражения значения предположительности, наряду с конъюнктивом смыслового глагола, лексем *posse* и *debere* дает возможность уточнить отношение говорящего к сообщаемому. Назовем модальные смыслы, передаваемые глаголами *posse* и *debere* и выражающие разную степень уверенности говорящего в сообщаемом, соответственно «вероятность» и «обязательность».

Значение предположительности — как, впрочем, и другие рассмотренные нами значения латинских глаголов *posse* и *debere* — отмечается и у их романских аналогов, а также у модальных глаголов в других индоевропейских языках. Выявляются дополнительные, по сравнению с морфологическими элементами, оттенки модальных значений, передаваемые этими лексемами. — так, например, в румынском языке лексический показатель предположения (глагол *trebuie*), выступая в сочетании с основным глаголом в форме прош. вр. сослаг. накл., подчеркивает выражаемую этой формой предположение с известной долей уверенности (см.: Репина Т. А. Грамматических средств выражения предположительности в современном румынском языке // *Omăgiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani*. București, 1965. 1° 753). В то же время исследователи указывают на трудность дифференциации модальных оттенков, передаваемых каждой из употребляемых в значении предположительности глагольных лексем. Значения, передаваемые модальными глаголами в этом случае, нередко рассматриваются как тождественные (см., например: Асмолов Т. Б. Очерки... С. 194 — 195).

Необходимо подчеркнуть, что лексическое выражение бытийной оценки распространяется лишь на один ее аспект — на характеристику положения дел как «возможного мира». Значение «факт» передается только морфологическим способом — постановкой смыслового глагола в формах индикатива. Данное происхождение объясняется, по-видимому, следующим. Факт — причина объективная. Поэтому констатация факта практически совпадает с его изложением. Содержание же «возможного мира» определяется ходом мысли говорящего. Оно допускает вариативное представление, что и достигается с помощью лексических средств.

Ср. трактовку Ф. Пальмером так называемой эпистемической необходимости, обозначаемой в английском языке глаголом *must*: «Из того, что я знаю, единственное заключение, которое я могу сделать, это...» (Palmer F.-R. *Modality*... P. 3). (Пер. наш. — М. Т.)

§ 19. Модальные глаголы *posse* и *debere* могут употребляться как в утвердительных, так и в отрицательных высказываниях

Названные глаголы и выражения нельзя, однако, считать полными синонимами глаголов *posse* и *debere*. В отличие от последних, они утверждают возможность или необходимость действия в отвлечении от говорящего и от субъекта действия, сохраняя лишь семантический компонент «воздействие каузатора».

О передаче латинскими безличными конструкциями детерминированности действия лишь внешними факторами см.: *Сабанеева М. К.* Глагол... С. 76. Невыраженность семантического субъекта как распространенная черта лексических и грамматических средств выражения модальности желания в латинском языке отмечается в статье: *Tesařová-Nováková Dr.* Ausdrucksmittel der Deagentisation mit modaler Bedeutung // *Listy filologické*. n° III. Praha, 1988.

Исключение составляют только глагол *queo*, выражения *potis sum*, *coactus sum* — эквиваленты глаголов *posse* и *debere* в значениях субъективных возможности и необходимости. Они согласуются с подлежащим — субъектом действия. Впрочем, выражение *pote est* может употребляться и безлично, обозначая объективную возможность: *pote* «может быть», *quantum pote* «насколько возможно» и т. д.

В значении предположительности, наряду с модальными глаголами, могут употребляться их аналоги *oportet*, *necesse est*:

Qui locis desertus est, in eo caedem factam esse oportet; in loco celebri homo occidi qui potuit? (Cic. Inv. 1, 43, 80).

Quoniam habes istum equum aut emeris oportet, aut hereditate possideas, aut munere acceperis, aut domi tibi natus sit aut, si eorum nihil est, surripueris necesse est (Cic. Inv. 1, 45, 84).

Etsi multarum rerum desiderio te angere necesse est (Cic. Fam. 6, 1, 1).

Consilia Antonii haec sint necesse est (Cic. Fam. 11, 10, 4).

His rumoribus permoti, de summis saepe rebus consilia ineunt,

Где пустынно, там, должно быть, и совершено убийство; как можно убить человека в многолюдном месте?

Поскольку ты владеешь этим конем, должно быть, ты или купил его, или владеешь им по наследству, или получил в подарок, или он родился у тебя дома; если же ничто из этого не подходит, следовательно, ты его украл.

Хотя ты, должно быть, встревожен желанием многих вещей...

Замыслы Антония, должно быть, следующие...

Взволнованные этими слухами, они часто по важным делам при-

quantum eos in vestigio paenitere necesse est (Caes. B. G. 4, 5, 3). нимают решения, в которых им тут же приходится раскаиваться.

§ 22. Функциональными эквивалентами модальных глаголов в значении предположительности являются также частицы с аналогичной семантикой:

Neque id facio, ut forsitan quibundum videar, simulatione (Cic. Fam. 1, 8, 2).

Sed certe et ego te auctore amicum ac sapientissimo et tu me familiaris fortasse non imperitis, fideli quidem et benivolo certe usus esses (Cic. Fam. 1, 9, 1).

Me... maxime scilicet consolatur spes... (Cic. Fam. 1, 6, 1).

Quae me moverunt, movissent tandem te profecto (Cic. Fam. 1, 9, 22).

И делаю это не из притворства, как, может быть, кажется некоторым.

Но, несомненно, и я мог бы пользоваться твоим самым дружеским и самым мудрым руководством, и ты нашел бы во мне советчика, быть может, не совсем неопытного, во всяком случае, верного и, конечно, доброжелательного.

Меня..., разумеется, более всего утешает надежда...

То же, что подействовало на меня, конечно, подействовало бы и на тебя.

Как и модальные глаголы, частицы, отображая бытийную оценку описываемого положения дел как «возможного мира», являются выразителями градуированной характеристики. Отличие модальных частиц от модальных глаголов носит структурный характер. В силу наречного характера частиц их присутствие в предложении не отражается на его грамматической характеристике, которая аналогична грамматической характеристике обычных повествовательных предложений. Иными словами, частицы характеризуются относительной синтаксической независимостью, в то время как модальные глаголы являются обязательными членами синтаксической структуры предложения.

§ 23. Благодаря рассмотрению грамматических (наклонения глагола) и лексических (модальные глаголы, безличные выражения, частицы) средств выражения модальных значений под одним углом зрения оказывается возможным объединение исследователями значений «реальность» / «ирре-

Сколько значений может быть у одной падежной формы? («Синтаксис падежей»)

альность», с одной стороны, и «возможность» / «действительность» / «необходимость» — с другой, в едином понятии «бытийная оценка». Содержание этой оценки формируется в виде оппозиции значений «факт» / «возможный мир»; в последнем значении допускается варьирование «может быть» / «должно быть» — по степени сближения говорящим предполагаемой ситуации с объективной действительностью.

Исследование значений модальных глаголов позволяет существенно расширить представление о семантике модальности, выявив влияние на формирование модальных значений позиций как говорящего, так и слушающего. Оценочное отношение к действию обоих участников коммуникации варьируется в зависимости от распределения ролей (исполнитель или наблюдатель), а также от авторства инициативы в данном действии. Использование модальных глаголов позволяет отразить в структуре высказывания, наряду с положительной и отрицательной характеристикой, безразличное отношение говорящего к действию, расширяя, таким образом, спектр качественных оценок.

В языкознании существует два понимания термина «падеж»: формальное и семантическое (смысловое). Формальные падежи (разные формы одного и того же имени), вместе с предлогами, послелогами и порядком слов, служат для выражения различных смысловых понятий и отношений, т. е. семантических падежей.

В латинских грамматиках подробно рассматриваются разнообразные значения, передаваемые падежными формами, причем каждое из этих значений имеет даже специальное терминологическое обозначение. Играя неоценимую роль в качестве грамматического справочника, такие перечни, тем не менее, трудны для запоминания, и поэтому истолкование падежных форм в тексте в каждом конкретном случае вызывает у изучающих латинский язык определенные затруднения, тем более ощутимые, когда употребление этих форм не имеет аналогов в русском языке.

Функциональный подход к изучению падежной системы имеет в языкознании давнюю традицию, сложившуюся благодаря трудам таких известных лингвистов, как В. Брэдаль, Л. Ельмслев, Р. Якобсон, Э. Бенвенист, Е. Курилович; в отечественном языкознании — А. М. Пешковский, А. А. Потебня.

Одни падежные формы соединены с глаголами, от которых они зависят, тесной смысловой и грамматической связью: для передачи необходимого содержания обязательно присутствие при данных глаголах существительных в определенном падеже, употребление этого глагола без сопровождения соответствующей падежной формы невозможно. Другие дополняют сообщение информацией об обстоятельствах, сопровождающих действие, выраженное соответствующим глаголом; при их устранении предложение не утрачивает смысла.

А. М. Пешковский различает, в зависимости от разного характера связи существительного с глаголом, сильное и слабое управление (см.: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. С. 292 и сл.). Е. Курилович именует упомянутые функции падежей соответственно синтаксической и лексической. Он различает у всех падежных форм первичные и вторичные функции. Первичная функция связана со значимостью формы, определяемой в системе и безотносительно от контекста; вторичные функции, наоборот, определяются условиями (контекстом). В зависимости от того, какая функция — синтаксическая или

варочная — является первичной, исследователь различает грамматические и конкретные падежи (см.: Курилович Е. Дериация лексическая и дериация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 103; он же. Проблема классификации падежей // там же. С. 183).

Большинство исследователей, занимавшихся проблемой падежных значений в разных языках, склоняется к выделению у падежей основных (общих) значений и значений конкретных (частных), производных от основного значения.

(См., например: Hjelmslev L. La catégorie des cas. Aarhus, 1935; Якобсон Р. К общему учению о падеже. Пер. с нем. // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 133–175).

Опираясь на это принципиальное наблюдение, а также учитывая возможность смены функций падежных форм, попробуем систематизировать значения латинских падежей, отыскав для каждого из них тот смысловой стержень, который служит основой для разнообразных выразительных возможностей падежных форм. Такая систематизация должна облегчить их понимание и перевод в каждом конкретном случае.

Номинатив. Основной для этого падежа является синтаксическая функция: падеж субъекта (подлежащее и именная часть сказуемого):

Divitiae bonum non sunt (Sen. *Богатство не есть добро.* Ep. 87, 28).

Сказуемое может быть выражено пассивными формами глагола — когда речь идет о придании субъекту определенных характеристик:

Socrates parens philosophiae iure dici potest (Cic. Fin. 2, 1, 1). *Сократ по праву может быть назван отцом философии.*

Это употребление номинатива, в сочетании с номинативом подлежащего, именуется в нормативных грамматиках *nominativus duplex*, что перекликается с употреблением *accusativus duplex* при тех же глаголах в активной форме (см. ниже, с. 39).

Аккузатив. Основная функция аккузатива — также синтаксическая: падеж прямого объекта (прямое дополнение при переходных глаголах):

Non vivunt contra naturam qui potaria in summis turribus serunt? (Sen. Ep. 122, 8) *Разве не живут противно природе те, кто разводит яблоневые сады на сторожевых башнях?*

Как вариант осуществления основной, синтаксической функции — прямого дополнения — следует рассматривать следующие употребления аккузатива:

— одновременное использование двух аккузативов при одном и том же глаголе (так называемый *accusativus duplex*). Возможные при этом значения существительных-дополнений: лицо и предмет (при глаголах типа *docere* «учу (кого чему)», *gogere* «взвешиваю (кого о чем)»); конкретное лицо и характеристика данного лица (при глаголах со значениями «делать, называть, считать, выбирать, назначать (кого кем)»):

(Catilina) iuventutem ... multis modis mala facinora edocebat (Mall. Cat. 16, 1). *(Катилина) различными способами обучал молодежь ... дурным делам.*

(Galli) ad unum omnes Vercingetorigem probant imperatorem (Caes. B. G. 7, 63, 6). *(Галлы) все до одного одобряют избрание Верцингеторига полководцем;*

— при безличных глаголах, обозначающих состояние, — аккузатив лица, это состояние испытывающего. Это глаголы *pigere* «досадно», *pudet* «стыдно», *miseret* «жаль», *taedet* «надоедает», *paenitet* «вызывает раскаяние» и т. п.:

Quod me minime paenitet (Cic. Att. 13, 4, 2). *В этом я менее всего раскаиваюсь.*

Примечание. Иногда аналоги латинских прямопереходных глаголов в русском языке присоединяют дополнение в другом падеже. Так, глаголы *(ad)iuvo* «помогаю», *imitor* «подражаю» в русском языке присоединяют дополнение в дательном падеже. Ср.:

Dei nec possunt nos iuvare, neque valent (Cic. N. D. 1, 2, 3). *Боги и не могут нам помочь, и не хотят.*

Остальные функции аккузатива представляется возможным рассматривать как вторичные, поскольку они проявляются лишь в определенном контексте, и аккузатив обретает иную семантику, нежели эта же падежная форма в первичной функции. Таковы:

— использование аккузатива для обозначения пространственного или временного протяжения — при непереходных глаголах движения или пребывания:

Omnes hostes ... ad flumen Rhe- *Все враги ... прошли от этого*

num milia passuum ex eo loco circiter quinque pervenerunt (Caes. B. G. 1, 53, 1). места к реке Рейн примерно 5 миль.

Zama quinque dierum iter a Carthagine abest (Liv. 30, 29, 2). Зама отстоит от Карфагена на расстоянии 5 дней пути;

— так называемый аккузатив «внутреннего объекта» — так же при непереходных глаголах:

Iuravi verissimum pulcherrimum-que ius iurandum (Cic. Fam. 5, 2, 7). Я поклялся вернейшей и прекраснейшей клятвой.

(Ср. русск.: «жизнь прожить», «горе горевать» и т. п.). Такое употребление встречается в сакральных (религиозных) текстах. Оно характерно также для юридического языка;

— наречное употребление прилагательных и местоимений (acusativus adverbialis): tantum, quantum, minimum, facile и др.

Nihil necesse est mihi de me ipso dicere (Cic. Sen. 9, 30). Нет никакой необходимости говорить мне обо мне самом.

К этому употреблению примыкает обозначение части целого, в отношении которой совершается действие (аккузатив отношения). Такой аккузатив встречается в основном в поэтических текстах — nuda genu «с обнаженным коленом» (Verg. Aen. 1, 320), nuda pedem «с обнаженной стопой» (Ov. Met. 7, 183), animum mitior «мягче душой» (Hor. Carm. 3, 10, 18) — и объясняется влиянием древнегреческого языка.

Так называемый accusativus exclamationis употребляется в восклицаниях. В сочетании с конкретным значением слова падежная форма служит для выражения разнообразных эмоций:

O virum, Sparta dignum! (Cic. Tusc. 1, 42). О муж, достойный Спарты!

Neu me miserum! (Cic. Phil. 7, 4, 14). О я несчастный!

Генитив. Основная функция генитива — это обозначение связи между двумя именами. Это единственный приименной (а не приглагольный) падеж.

Как пишет Э. Бенвенист, генитив транспонирует в отношении между двумя именами функцию, которая в высказывании с личным глаголом выполняется или номинативом, или аккузативом (см.: Бенвенист Э. К анализу падежных функций латинский генитив // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с франц. М., 1974 С. 164).

Данную функцию также можно охарактеризовать как формальную, в силу ее обязательности в именном сочетании для конкретизации основного понятия, выраженного управляющим именем. Эта функция объединяет следующие конкретные употребления генитива, выделяемые в грамматиках:

genetivus (genitivus) subjectivus (генитив субъекта):

Incredibile est omnium civium ... Neвероятна ненависть всех граждан in Antonium (Cic. Fam. 10, 5, 3). ждан ... к Антонию;

genetivus objectivus (генитив объекта):

Omnis ars naturae imitatio est (Sen. Ep. 65, 3). Всякое искусство есть подражание природе.

Все прочие значения имеют общую основу с этими двумя — номинативными и выявляются на основе лексических значений слов, составляющих данные сочетания.

К genetivus subjectivus примыкают: genetivus possessivus (генитив принадлежности):

Multum magnorum virorum iudicio credo (Sen. Ep. 45, 4). Я очень верю суждению великих мужей;

genetivus characteristicus (генитив характеристики):

Iudicis est semper in causis verum sequi (Cic. Off. 2, 14, 51). Судья должен при разборе дел всегда следовать правде.

genetivus partitivus (генитив разделительный):

Cum omnium bellicosissimis bellum gessi (Cic. Fam. 11, 4, 2). Я вел войну с самыми воинственными из всех;

genetivus generis или quantitatis (генитив рода или количества):

Magnum numerum hostium occidimus (Cic. Att. 5, 20, 3). Мы убили большое число врагов;

genetivus qualitatis (генитив качества):

Neminem excelsi ingenii virum humilia delectant et sordida (Sen. Ep. 39, 2). Никакого мужа возвышенного ума не услаждает низменное и презренное.

Употребления, примыкающие к genetivus objectivus:

в сочетании с прилагательными: «желающий (чего)», «стремящийся (к чему)», «опытный, сведущий (в чем)», «знающий

(что)», «участвующий (в чем)», «полный», «лишенный (чего)» — и некоторыми другими:

Gallia ... *frugum hominumque fertilis fuit* (Liv. 5, 34, 2). Галлия ... изобиловала плодами и людьми;

— в сочетании с глаголами, имеющими следующие значения «помнить», «забывать»:

Persaepe mihi ... *solet in mentem venire illius temporis* (Cic. Fam. 7, 3, 1). Мне очень часто ... приходит на ум то время;

«ценить», «оценивать» (genetivus pretii):

Nulla enim studia *tanti* sunt, ut amicitia officium deseratur (Plin. Ep. 8, 9, 2). Ведь никакие занятия не стоят того, чтобы пренебречь долгом дружбы;

«обвинять», «осуждать» (genetivus criminis):

Condemnemus (haruspices) ... aut *stultitiae* aut *vanitatis* (Cic. Div. 1, 19, 36). Мы будем порицать (гаруспиков) ... за глупость или тщеславие;

при безличном глаголе *interest* «важно»:

Magni interest mea una nos esse (Cic. Att. 13, 4, 2). Мне очень важно, чтобы мы были вместе.

В обеих группах значений есть такие, которые реализуются при глаголах (*gen. characteristicus* в первой группе, большинство значений во второй группе). Эти употребления существительных близки к обстоятельственным.

Данные функции генитива можно охарактеризовать как вторичные.

Датив. Основное назначение датива — указание на адресата. В грамматиках эта функция получает детализированную разработку, сопровождаемую соответствующей терминологией:

— *dativus commodi/incommodi* (датив удобства/неудобства):

Domus dominis aedificata est, non muribus (Cic. N. D. 3, 10, 26). Дом построен для хозяев, а не для мышей;

— *dativus finalis* (датив цели), обычно употребляется в сочетании с дативом удобства/неудобства:

Locus ipse erat praesidio barbaris (Caes. B. G. 6, 34, 6). Само место было варварам защитой.

Это сочетание отмечено в грамматиках специальным термином *dativus duplex*.

Примечание. При некоторых глаголах употребление датива в функции адресата не находит аналога в русском языке; так происходит, например, с глаголом *persuadeo* — в русском языке после глагола с аналогичным значением «убеждать» употребляется аккузатив. Ср.:

Tibi persuade esse te quidem mihi carissimum (Cic. Off. 3, 33, 121). Поверь (букв.: убеди себя), что ты мне, конечно, очень дорог.

Расширенное толкование понятия «адресат» лежит в основе употреблений:

dativus auctoris (датив действующего лица):

Cui non sunt audita Demosthenis syllabae? (Cic. Tusc. 4, 19, 44) Кто не слышал о бессонных ночах Демосфена?

Omnia ... homini, dum vivit, speranda sunt (Sen. Ep. 70, 6). Человеку, пока он жив, во всех случаях ... нужно надеяться.

Эта функция проявляется при глагольных формах с пассивным значением (пассивное причастие прошедшего времени, герундий в роли сказуемого). Под адресатом здесь следует понимать лицо, которому предназначено исполнение действия, а не его результат, как в предыдущих случаях (заметим, что эта функция датива имеет индоевропейские корни — ср. русск.: «тебе следует...», «тебе начинать» и т. п.;

dativus possessivus (датив принадлежности):

Agroto dum anima est, spes esse dicitur (Cic. Att. 9, 10, 3). Говорят, что, пока в больном теплится душа, у него сохраняется надежда.

(Ср. русск.: «Ему до всего есть дело».)

Наконец, еще одна функция датива — *dativus ethicus* (так называемый датив нравственного участия):

Id mihi etiam queritur! (Cic. Verr. 2, 1, 60, 156) Он мне еще и жалуется!

At tibi repente paucis post diebus venit ad me Caninius (Cic. Fam. 9, 2, 1). И вот тебе, спустя несколько дней ... приходит ко мне Каниний.

Отметим, что в этой функции используются только местоимения *mihi, tibi* — т. е. те, которые указывают непосредственно на участников коммуникации. По-видимому, эти местоимения

мения предназначены указать, к кому из собеседников данная информация имеет большее отношение — т. е. кто, в конечном счете, является адресатом действия (здесь также напрашивается сравнение с русским языком. Ср., например: «Ты мне не выдумывай!», «Это тебе не развлечение какое-нибудь, в серьезная работа!»).

Эта функция датива обусловлена эмоциональным контекстом общения и поэтому, в сравнении с другими функциями, когда указание на адресат входит в содержание сообщения, является, в синхронном плане, вторичной.

Аблатив. Этот падеж является, пожалуй, самым емким по числу охватываемых им конкретных значений, и, в отличие от всех остальных падежей, выделить здесь основное значение формы весьма непросто. Это объясняется тем, что исторически в аблативе объединились функции трех падежей (как известно, в латинском языке сначала насчитывалось не шесть, как в классический период, а восемь падежных форм) — собственно аблатива (отложительного), инструменталиса (орудийного) и локатива (местного падежа). Ср.:

Germani suas copias castris eduxerunt (Caes. B. G. 1, 51, 2). Германцы вывели свое войско из лагеря.

Non omnes homines aliquo errore ducuntur? (Plin. Ep. 9, 12, 1) Разве все люди не увлекаемы каким-либо заблуждением?

Nunc iter conficiebamus aestuosa et pulverulenta via (Cic. Att. 5, 14, 1). Теперь мы завершали путешествие по раскаленной солнцем и пыльной дороге.

Вместе с тем, сам факт такого объединения падежей указывает на существовавшую общность в их значениях. На наш взгляд, все три перечисленных падежа объединяло то, что они указывали на обстоятельства совершения действия.

В каждом из трех основных значений аблатива выделяется серия частных значений, которые снабжены соответствующими названиями.

К вариантам значений собственно аблатива относят следующие:

— ablativus separationis (аблатив удаления):

Nulla vitae pars ... vacare officio potest (Cic. Off. 1, 2, 4). Никакая часть жизни ... не может быть свободна от обязанностей;

ablativus inopiae (аблатив недостатка):

Murus defensoribus nudatus est (Caes. B. G. 2, 6, 2). Стена была лишена защитников;

ablativus originis (аблатив происхождения):

Nunae Pompilii regis nepos, filius ortus, Ancus Marcius erat (Liv. 1, 32, 1). Анк Марций был внуком царя Нумы Помпилия, сыном его дочери;

ablativus comparationis (аблатив сравнения):

Res publica mihi vita est mea carior (Cic. Fam. 10, 12, 5). Государство для меня дороже жизни;

ablativus auctoris (аблатив творительный):

Quidquid bene dictum est ab ullo, melius est (Sen. Ep. 16, 7). Все, что хорошо сказано кем-либо, все — мое.

Инструментальная функция лежит в основе следующих значений:

ablativus copiae (аблатив изобилия):

Pompei oratio omnibus ornamentis abundavit (Cic. Balb. 7, 17). Речь Помпея изобиловала всеми возможными украшениями;

ablativus pretii (аблатив цены):

Ex quo intellegitur corporis voluptatem non satis esse dignam hominis praestantia (Cic. Off. 1, 10, 106). Из чего понятно, что телесное наслаждение не вполне заслуживает предпочтения человека;

ablativus mensurae (аблатив меры):

Tanto brevius omne quanto felicitius tempus (est) (Plin. Ep. 8, 14, 10). Тем короче время, чем оно счастливее;

ablativus limitationis (аблатив ограничения):

Nobiscum nec animo certe est nec corpore (Cic. Phil. 12, 9, 23). Он не с нами, конечно, ни душой, ни телом;

ablativus modi (аблатив образа действия):

Galli, ... silentio ex castris egressi, ad campestris munitiones accedunt (Caes. B. G. 7, 81, 1). Галлы, ... в молчании выйдя из лагеря, направились к полевым укреплениям;

— *ablativus sociativus* (аблатив сопровождения):

Albani priores ingenti exercitu in agrum Romanum impetum fecere (Liv. 1, 23, 3). Альбанцы первые с огромным войском вторглись в римские земли;

— *ablativus qualitatis* (аблатив качества):

Incredibili sum sollicitudine de tua valetudine (Cic. Fam. 16, 15, 1). Я невероятно обеспокоен состоянием твоего здоровья;

— *ablativus causae* (аблатив причины):

Concordia parvae res crescunt, discordia maxumae dilabuntur (Sall. Jug. 10, 6). От согласия малые дела растут, от несогласия большие распадутся.

Ablativus loci (аблатив места), очевидно, в силу материальной конкретности выступающих в этой роли существительных, практически не имеет смысловых вариантов:

Multum illi terra, plurimum mari pollent (Liv. 1, 23, 8). Они имеют большую силу на суше, еще большую — на море.

Однако здесь важно вспомнить о том, что в древних языках одни и те же языковые средства нередко использовались для обозначения и места, и времени (эта особенность отчасти перешла и в новые языки — ср. русск.: «Как придешь, позвони», «где-то в пятом часу» и т. п.). В латинском языке, в частности, мы можем наблюдать это в союзах *ubi* «где» и «когда», *ut* «как» и «когда», в рассмотренных выше употреблении аккузатива для обозначения места и времени и в ряде других случаев. Вот почему представляется, что употребление аблатива для обозначения временного отрезка или момента (*ablativus temporis*) следует рассматривать как однородное с местным (локативным) значением этой падежной формы:

Nihil enim scribis, neque ego ad te his duobus mensibus scripseram (Cic. Fam. 7, 9, 1). Ведь ты ничего не пишешь, и я тебе не писал эти два месяца.

Вокатив. Этот падеж отличается от всех прочих как своей морфологической характеристикой (совпадает с основой или с номинативом), так и ролью в предложении: он используется с единственной целью — назвать собеседника, чтобы привлечь его внимание к сообщению:

O mi Cicero, ... gratulor tibi... (Cic. Fam. 9, 14, 3). О мой Цицерон, ... поздравляю тебя...

Вопрос о лингвистическом статусе вокатива, его значении относится к числу сложных проблем теоретического языкознания. Ср.: аналогичные вопросы, применительно к материалу румынского языка, рассматриваются, в частности, в приведенной статье Т. А. Репиной «К вопросу о румынском вокативе» (сб. «Вопросы лингвистики и литературы народов балканских стран». Л., 1986. С. 78—89).

Учитывая единообразие употребления вокатива, мы не будем более подробно останавливаться на этом падеже в настоящей работе, поскольку наша задача в данном случае — систематизация разнообразных функций падежных форм, а не их подробное изучение.

Итак, все многообразие значений латинских падежей сводится, в конечном счете, к основным функциям этих падежей, общим для всех индоевропейских языков:

номинатив — обозначение субъекта действия;

аккузатив — обозначение объекта действия;

генитив — обозначение субъекта или объекта действия при трансформации глагольного сочетания в именное;

датель — обозначение адресата действия;

аблатив — обозначение обстоятельств совершения действия;

вокатив — обращение к собеседнику с целью привлечения его внимания к сообщению.

Все частные, конкретные значения падежей являются вариантами этих, основных, значений в разных содержательных контекстах.

Раздел II. ОСЛОЖНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 24. В латинском языке, как и в других индоевропейских языках, есть синтаксические структуры, представляющие собой промежуточные образования между простым и сложным предложениями. Простые предложения характеризуются наличием одной субъектно-предикатной связи «подлежащее — сказуемое» (эта структура может включать и однородные члены). Под сложным предложением понимается синтаксическое образование, включающее несколько групп «подлежащее — сказуемое», связанных между собой структурными отношениями. Предложения же, о которых идет речь в данном случае, содержат более одной субъектно-предикатной связи, однако самостоятельное синтаксическое оформление в виде подлежащего и сказуемого получает лишь одна из них; другие обретают вид сложных членов предложения, и для их выражения используются инфинитивные и причастные обороты. Предложения такого типа называются сложными.

Понятие «сложные предложения» широко используется в лингвистической литературе. В число сложных включают не только предложения, содержащие синтаксические обороты, но и предложения с вводными конструкциями, и даже с однородными членами (см., например: Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987. С. 13; Славянская М. Н. Учебник древнегреческого языка. Ч. II. М., 1993. С. 214).

Предложения с инфинитивными и причастными оборотами составляют своеобразие и специфику латинского синтаксиса (равно как и синтаксиса древнегреческого языка). Благодаря высокой частотности и многовариантности употребления этих оборотов латинское предложение существенно расширяет свои выразительные возможности. Именно эти предложения и будут рассмотрены в настоящем разделе.

Глава 1. Инфинитивные обороты: «внутренний мир» человека

§ 25. Употребление оборотов *accusativus cum infinitivo* или *nominativus cum infinitivo* зависит от того, какую синтаксичес-

кую позицию занимает данный оборот в структуре предложения — дополнения (в активной конструкции предложения) или подлежащего (в пассивной конструкции). Предложения с пассивной конструкцией обычно менее употребительны; соответственно, предложения с оборотом *nominativus cum infinitivo* встречаются в текстах гораздо реже, нежели с оборотом *accusativus cum infinitivo*. Поскольку различие между инфинитивными оборотами обусловлено причинами, не затрагивающими их собственной семантики, в настоящей книге оба инфинитивных оборота рассматриваются параллельно, как варианты одной языковой структуры.

В предложениях, содержащих инфинитивные обороты, предикатом главной части являются глаголы, обозначающие мышление и чувства человека. Содержание же его мыслей и чувств отображается инфинитивными оборотами:

Atque ego ne utilem quidem arbitror esse nobis futurarum rerum scientiam (Cic. Div. 2, 9, 22).

А я полагаю, что нам вовсе не полезно знание о будущем.

Molesto fero decessisse Flaccum, amicum tuum (Sen. Ep. 63, 1).

Мне тяжело, что умер Флакк, твой друг.

III. Балли имеет «представление, воспринятое чувствами, памятью и воображением», диктумом, а «производимую над этим представлением, мыслящим субъектом психическую операцию» — модусом (см.: Балли Ш. Основы лингвистики... С. 44). Автор оценивает модус и диктум как обязательные составляющие любого высказывания.

Для высказываний в форме предложений с инфинитивными оборотами всегда характерна разноуровневая семантика главной и зависимой части, поскольку в их содержании отражается соответственно внеязыковая и языковая действительность.

Разная природа девогата модуса и диктума отмечается рядом исследователей (см., в частности: Гак В. Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин, 1978. С. 19; Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки... С. 36).

Лексический состав глаголов, присоединяющих инфинитивные обороты, весьма широк. Это глаголы групп *verba putandi*, *verba sentiendi*, *verba dicendi* (*declarandi*), *verba affectuum*, *verba voluntatis*. Подробный перечень этих глаголов можно найти во всех нормативных грамматиках латинского языка, в разделах, посвященных описанию этих синтаксических структур.

§ 26. Глаголы, именуемые в латинских грамматиках *verba putandi*, разделяются исследователями на две группы: глаголы знания и глаголы мнения.

Группа глаголов знания представлена в латинском языке глаголом *scio* «знаю» (синонимы: *novi*, *cognovi*), а также безличными выражениями *constat*, *notum est* «известно» и т. п.:

Ego si ab improbis et perfidis civibus rem publicam teneri viderem, sicut et Cinneis temporibus scimus et nonnullis aliis accidisse... (Cic. Fam. 1, 9, 11)

Если бы я видел, что во главе государства стоят бесчестные и бессовестные люди, что, как мы знаем, происходило и во времена Цинны и в некоторые другие...

Quo quidem tempore ... *cognovi* Hortensium percupidum tui... (Cic. Fam. 1, 7, 2)

За это время ... я узнал, что Гортензий — твой ярый сторонник...

Constat enim inter omnes neminem te uno Samarobrivaе iuris peritorem esse (Cic. Fam. 7, 16, 3).

Ведь всем известно, что нет никого опытнее тебя одного в законодательстве г. Самаробривы.

Apparuit nescire eos victoria et tempore uti (Liv. 6, 30, 7).

Стало очевидно, что они не умеют пользоваться победой и временем.

Малочисленность данной группы объясняется, очевидно, тем, что понятие «знание» соотносится с понятием «факт», а факт либо известен, либо неизвестен — иные варианты исключаются.

О принципиальной невозможности градуировать знание — состояние, связанное с восприятием информации об объективной реальности, см.: Vendler Z. *Res cogitans: An essay in rational psychology*. Ithaca and London, 1972. P. 32.

Использование, наряду с глаголами в личных формах, безличных выражений *constat*, *notum est* etc. призвано дифференцировать субъект знания: конкретное лицо (глагол *scio*) или «общий фонд знаний» (безличные выражения типа *constat*, *notum est*).

К глаголам знания примыкают глаголы группы *verba sentiendi* — глаголы чувственного восприятия (*videre* «видеть», *audire* «слышать», *sentire* «чувствовать» и некоторые другие), которые при их употреблении с инфинитивными оборотами обозначают не чувственное восприятие какого-либо реального объекта (ср.: *hominem videre* «видеть человека», *voce[m] audire* «слышать голос», *famem sentire* «ощущать голод»), а обретение информации о том или ином положении дел:

Ille profecto vides quanto ex-premiora quantoque inlustriora futura sint (Cic. Fam. 1, 7, 9).

Ты, конечно, видишь, насколько все это станет более выразительным и ярким.

Семантическая близость предикатов знания и чувственного восприятия наблюдается не только в латинском, но и в других языках — как древних, так и современных. В поэмах Гомера физиологический акт видения и психоэтический процесс мышления объединяются в общий глагол *uidein*. Языку Гомера свойственно также объединение процессов дыхания и знания, мудрости. Лексика, отображающая физиологическую деятельность человека, используется в древнегреческом языке для обозначения психических процессов и в послегомеровской поэзии (см.: Лосев А. Ф. *Лексическая терминология ранней греческой литературы (эпос и лирика)* // Уч. зап. МПИ. Т. LXXXIII, 1954. С. 130—132; Тихо-Годы А. А. *Мифологическое происхождение поэтического языка «Илиады» Гомера* // Античность и современность. М., 1972. С. 203—204; Jarcho V. N. *Zum Menschenbild der nachgoomerischen Dichtung* // *Philologus*. Bd. 112, H. 3/4, 1968).

Проводящиеся в семантике языковых структур с соответствующими предикатами объединения понятий восприятия и мышления привлекло внимание многих философов, начиная с античности. Неразрывность знания и чувственного ощущения отмечается как основа платоновской эстетики в разделе об индивидуальном познании (см.: Лосев А. Ф. *История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон*. М., 1969. С. 456, 599. См. также: Russell B. *An Inquiry into Meaning and Truth*. 2 ed. Harmondsworth, Middlesex, 1962. P. 110—123). При всей близости рассматриваемых понятий, отмечается, однако, недопустимость их отождествления, ибо такой подход ограничивал бы содержание познания эмпирически доступной стороной, исключая логический, рациональный аспект, как это было свойственно, в частности, кирикам (философская школа в древней Греции), ограничивавшим содержание познания выражением в языке непосредственно данных ощущений (см.: Нахов И. М. *Философия* кириков. М., 1982. С. 80).

Употребление в роли сказуемого глаголов восприятия, как и глагола *scio*, объективно свидетельствует о том, что содержание оборота — факт.

Эта особенность глаголов восприятия отмечается и в других индоевропейских языках (см., в частности: Карттунен Л. *Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 305).

Значение глагола *scire* варьируется в зависимости от его формы. В большинстве употреблений (кроме 1-го л. ед. ч. наст. вр.) с помощью этого глагола передается о с в е д о м л е н и е субъекта о некотором общеизвестном факте. В форме 1-го л. ед. ч. *praesens indicativi activi*, т. е. когда субъект знания совпадает с говорящим, глагол *scio* обозначает у т в е р ж д е н и е говорящим р е а л ь н о с т и описываемого им положения дел. В таком утверждении проявляется модальная оценка говорящим положения дел, описанного в инфинитивном обороте. Ср.: *Iam sciunt longe aliud esse vir-gines rapere, aliud pugnare cum viris* (Liv. 1, 12, 8).

Теперь они знают, что одно дело — красть девушек и совсем другое — сражаться с мужчинами;

и:

Scio enim quidvis homini accidere posse (Cic. Phil. 12, 10, 24). Я ведь *знаю*, что с человеком может случиться что угодно.

Глагол *scio* во втором примере обозначает уже не знание, а мнение.

В отличие от глагола *scio*, глаголы мнения (*arbitror*, *censeo*, *existimo*, *puto*, *opinor*, *credo*, *spero* и т. д.), вне зависимости от формы их употребления, всегда обозначают личное мнение персонажа. Их значения отображают разную степень уверенности субъекта:

Censent autem sapientes sapientibus etiam ignotis esse amicos (Cic. N. D. 1, 44, 121). Они *полагают*, что мудрецы являются друзьями другим мудрецам, даже незнакомым.

Quem defendis sperat se absolutum iri (Cic. Sulla 7, 21). Тот, кого ты защищаешь, *надеется*, что будет освобожден.

В группу глаголов мнения, среди прочих, входит глагол *videri* «казаться, считаться, выглядеть». При этом глаголе-сказуемом подлежащее имеет сложную форму (оборот *nominativus cum infinitivo*) и выражает объект мнения, а субъект модальной оценки отступает на второй план или вообще не назван — синтаксическая структура предложения не предполагает его обязательного выражения:

Otium nobis exoptandum est, quod iis, qui potiuntur rerum, praestaturi videntur (Cic. Fam. 1, 8, 4). Нам следует желать спокойствия, которое *те*, кто властвует, *видимо, намерены обеспечить*.

Различие в природе знания и мнения и в семантике их объекта проявляется при употреблении соответствующих глаголов с отрицанием. В сочетании с глаголом знания отрицание создает новые, по сравнению с утвердительным вариантом, значения, причем неодинаковые — в зависимости от того, в какой форме употреблен глагол. При употреблении глагола в описательном контексте (т. е. во всех формах, кроме 1-го л. ед. ч. наст. вр.) с помощью отрицания указывается на качественно иное состояние субъекта: *scit* «он знает» — *nescit* «он не знает». Форма дополнения в этом случае не меняется: это по-прежнему, как и при утвердительном сказуемом, — инфинитивный оборот:

Plane nesciebam te tam peritum esse rei militaris (Cic. Fam. 9, 25, 1). Я совсем *не знал*, что ты столь опытен в военном деле.

Nescis me ab illo omnia expiscatum (Cic. Fam. 9, 19, 1). Ты *не знаешь*, что я все выудил у него.

Если глагол знания используется для выражения модальной оценки (в форме 1-го л. ед. ч. *praesens indicativi activi*), отрицание лексического значения глагола исключается, поскольку само назначение высказывания — сообщить о некотором знании говорящего. Это открывает возможность использования отрицания во вторичной значимой функции — с его помощью выражается иное состояние говорящего: *nescio* «не знаю», т. е. «сомневаюсь», «не располагаю уверенным знанием»:

Gnaeus noster quid consilii cepit capiatve, nescio (Cic. Att. 7, 10, 1). Какое решение принял или принимает наш Гней, *не знаю*.

Обретение глаголом *scio* с присоединением отрицания нового модального значения отражается на сочетаемости этого глагола: инфинитивный оборот заменяется придаточным «косвенный вопрос» (см. ниже, § 43, с. 76).

Отрицание при глаголах мнения появляется в результате его «подъема» из инфинитивного оборота к глаголу-сказуемому:

De nobis id existimari posse non arbitror (Cic. Fam. 2, 16, 3). Об мне же, *полагаю я, этого нельзя подумать*.

Перенос отрицания в структурах с глаголами мнения не затрагивает глубинного смысла высказывания вследствие нераздельности процесса мышления и его конкретного содержательного наполнения. Этим же объясняется и неизменность формы дополнения: вне зависимости от наличия отрицания, это всегда инфинитивный оборот.

Регулярность переноса отрицания к глаголам мнения проявляется, при выражении мнения глаголом группы *verba dicendi*, в использовании специальной лексики с транспонированным отрицанием — него «говорю, что не...», обозначающей выражение персонажем какой-либо своей мысли со знаком «-»:

Caninius et Cato negarunt se legem ullam ante comitia esselatos (Cic. Fam. 1, 4, 1). Каниний и Катон *заявили, что до комиций они не предложат* никакого закона.

§ 27. Глаголы, объединяемые в грамматиках латинского языка в группу *verba affectuum*, очень разнообразны по их значениям. Большинство из них обозначает собственно чувства, т. е. неконтролируемые состояния: *gaudeo*, *laetor* «радуюсь», *doleo* «печаюсь», *angor* «беспокоюсь», *miror* «удивляюсь», *indignor*, *suscipio* «негодную», *graviter*, *aegre*, *moleste fero* «тягочусь» и др.:

Te in Epirum salvum venisse et, ut scribis, ex sententia navigasse vehementer gaudeo (Cic. Att. 5, 21, 1). Я очень рад, что ты благополучно прибыл в Эпир и что твоё плавание, как ты пишешь, оправдало твои ожидания.

Valde miror te ad me nihil scribere (Cic. Att. 8, 12B, 1). Я очень удивлен, что ты мне ничего не пишешь.

Проявление эмоций обусловлено существованием реального объекта — факта, вызывающего данную реакцию. В эмоциональной реакции субъекта проявляется его оценка факта по качественным параметрам «хорошо»/«плохо».

К глаголам группы *verba affectuum* в нормативных грамматиках относят и глаголы, объединяющие в своих значениях выражение осознанной оценки и сопровождающей эту оценку эмоции, — *glorior* «хвастаюсь», *queror* «жалуюсь» и др.:

Tum praefecti regis Persae legatos miserunt Athenas questum, quod Chabrias adversum regem bellum gereret cum Aegyptiis (Nep. Chabr. 3, 1). Тогда полководцы персидского царя послали послов в Афины с жалобой, что Хабрий ведет войну против царя на стороне египтян.

Иная синтаксическая сочетаемость этих глаголов (придаточные с *quod*), по сравнению с глаголами, выражающими собственно чувства (инфинитивные обороты), вызвана их семантической неоднородностью. (Подробнее о глаголах оценки и о присоединяемых ими придаточных с союзом *quod* см. ниже, § 60, с. 97 сл.)

В ситуации выражения чувств отрицание эмоции исключается: ведь высказывание в этом случае не имело бы смысла. Поэтому отрицание при глаголах группы *verba affectuum* выступает во вторичной значимой функции — для передачи иного чувства, не совпадающего по своему характеру с чувством, выражаемым тем же глаголом в утвердительной форме:

Innumerabiles esse morbos non miraberis: coquos numera (Sen. Ep. 95, 23). Ты не будешь удивляться (т. е. воспримешь спокойно), что болезни неисчислимы: сочти поваров.

Следует заметить, однако, что такой способ выражения эмоций крайне редок. Предпочтительным оказывается утвердительный вариант — обозначение каждой эмоции специальным словом.

§ 28. Еще одна группа глаголов, присоединяющих инфинитивные обороты, — это *verba voluntatis*: глаголы желания (*volo* «хочу», *nolo* «не хочу», *malo* «предпочитаю», *cupio* «страстно желаю») и волеизъявления (*iubeo* «приказываю», *veto* «запрещаю», *sino* «позволяю» и т. п.):

Maluit se diligi quam metui (Nep. Tim. 3, 4). Он предпочел, чтобы его любили, чем чтобы боялись.

Diogenes ... proici se iussit inhumatum (Cic. Tusc. 1, 43, 104). Диоген ... велел оставить его без погребения.

Содержание инфинитивных оборотов при *verba voluntatis* аналогично их содержанию при глаголах мнения: это «возможный мир» персонажа, испытывающего желание.

Сходство структур с глаголами мнения и с глаголами желания проявляется и в аналогичной роли отрицания в структурах с этими глаголами. Отрицание появляется при глаголах желания, как и при глаголах мнения, в результате «подъема» из инфинитивного оборота.

Ср. замечание Е. Кржижковой о равенстве «отрицания положительного желания» и «констатации отрицательного желания» (см.: Кржижкова Е. Заметки о латинском отрицании... С. 197).

Свидетельством регулярности «подъема» отрицания к глаголам желания является присутствие в латинском языке специального глагола *nolo* «не хочу» (ср. рассмотренный выше глагол *nego* «говорю, что не...», § 26, с. 50):

Nolo tibi ullum commodum in me claudier (Ter. Andr. 573). Не хочу, чтобы ты из-за меня лишился выгоды (= хочу, чтобы не лишился...).

Необходимо подчеркнуть, что «подъем» отрицания возможен только к глаголам желания, но не к глаголам волеизъявления: «не приказывать» ≠ «приказывать, чтобы не...», «не позволять» ≠ «позволять, чтобы не...» и т. д. Волеизъявление есть обусловленное желанием речевое действие. Отрицание распространяется на обозначение этого речевого действия, а не на содержание высказывания: «не приказал» означает, что приказ не состоялся, а не отрицательное содержание приказа.

Именно содержание инфинитивных оборотов при глаголах желания (конкретизация желания, о наличии которого сообщается с помощью основного глагола) является причиной того, что и в этих случаях всегда употребляются формы инфинитива

настоящего времени, которые призваны обозначить действие или состояние, но без соотнесения с реальной действительностью во временном плане.

§ 29. В значениях глаголов, управляющих инфинитивными оборотами, много общего. Все они связаны с выражением мыслей и чувств человека, его «внутреннего мира». Эти мысли и чувства могут принадлежать разным людям, в том числе и самому говорящему. Но отражение в высказывании отношения говорящего к сообщаемому составляет модальность высказывания. В соответствии с семантикой рассмотренных глаголов можно выделить в модальности высказывания рациональную и эмоциональную оценки.

Аналогичные термины используются в работе: Алисова Т. Б. Очерки... С. 176.

Бытийная оценка описываемого инфинитивным оборотом положения дел в данном случае не получает формального выражения (как мы помним, в простых предложениях она выражалась чередованием наклонений глагола-сказуемого: индикатив-конъюнктив). Учитывая, что бытийная оценка соотносится с определенной интеллектуальной реакцией говорящего (знание — «факт», мнение — «возможный мир»), можем заключить, что рациональная оценка есть форма воплощения бытийной оценки сообщаемого.

Качественная оценка осуществляется посредством введения в инфинитивный оборот оценочных элементов:

Nam id arbitror *adprime* in vita esse utile, ut nequid nimis (Ter. Andr. 60—61). Я полагаю, что *самое* полезное в жизни — ничего слишком.

Quos iam pridem ad te misissem, si esse edendos putassem (Cic. Fam. 1, 9, 23). Я уже давно послал бы их (сочинения) тебе, если бы считал *нужным* выпустить их в свет.

Весьма распространенным способом передачи качественной оценки является также использование осложненных предложений (с инфинитивными оборотами) со сказуемыми — глаголами групп чувства и желания:

In Britanniam te *profectum* non esse *gaudeo* (Cic. Fam. 7, 17, 3). Я рад, что ты не отправился в Британию.

Cupio, patres conscripti, *me esse clementem*, cupio in tantis rei publicae periculis *me non dissolutum videri* (Cic. Cat. 1, 2, 4). Хочу я, отцы сенаторы, *быть милосердным*; не хочу, при таких великих испытаниях для государства, *показаться безвольным*.

При выражении мыслей и чувств субъекта, не совпадающего с говорящим, связь значений, передаваемых глаголами мышления, чувств и желания, с модальным содержанием высказывания (т. е. оценкой говорящего) нуждается в дополнительной интерпретации. Указание с помощью глагола знания на осведомленность некоего субъекта предполагает реальность событий, описанных инфинитивным оборотом. Когда же управляющий глагол обозначает мнение персонажа, изложение точки зрения этого персонажа позволяет считать, что она не совпадает с точкой зрения говорящего (иначе она бы не привлекла его внимания). Содержание инфинитивного оборота в данном случае — «возможный мир» персонажа. Выражение чьих-либо эмоций по поводу какого-нибудь события предполагает реальность этого события, а выражение желания свидетельствует о несоответствии желаемого с объективной действительностью.

Интерес к описанию «внутреннего мира» человека отмечается уже у древнегреческих авторов. Ср. изображение «психической» деятельности человека в гомеровском эпосе (см. Зелинский Ф. Гомеровская психология. II, 1922; Snell B. Die Entdeckung des Geistes: Studien zur Entstehung des Europäischen Denkens bei den Griechen. Hamburg, 1955. P. 25—35; Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978. С. 291—308). Замечено, что эта деятельность «как бы делится между двумя «сторонами»: «духом» (thynós) — носителем эмоций, и «разсудком» (phrónés — в физическом значении: «диафрагма», «грудобрюшная перегородка») — вместилищем интеллекта» (Ярхо В. Н. Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой греческой поэзии VII—VI вв. до н. э. Канд. дисс. М., 1977).

Сопоставительный анализ модального содержания латинских высказываний, имеющих форму простых и осложненных (с инфинитивными оборотами) предложений, позволил выявить следующую систему соответствий модальных значений (см. таблицу 3 на с. 58).

§ 30. Изложение в инфинитивном обороте, после глаголов рациональной и эмоциональной оценки, конкретного содержания мыслей и чувств говорящего именуется в учении о предложении косвенной речью (на что иногда непосредственно указывает и сказуемое главной части предложения, выраженное глаголом группы *verba dicendi*). Если косвенная речь представляет собой развернутое суждение, требующее для его языкового воплощения сложного предложения, то в придаточных, следующих за инфинитивным оборотом, используется глагол в конъюнктиве — как средство обозначения того, что содержание этих придаточных для автора текста есть «чужая» речь, «возможный мир» (ср. §§ 59, 61, 80, с. 96, 98, 123).

Соотношение модальных значений, формирующих
модальность латинского высказывания

Таблица 3

Отношение говорящего к пропозиции (рациональная оценка)	знание		незнание
Модальная характеристика пропозиции (бытийная оценка)	«положит. факт»	«отрицат. факт»	?
Отношение говорящего к пропозиции (эмоциональная оценка)	осознанное чувства	осознанное желание	—
Модальная характеристика пропозиции (качественная оценка)	«хорошо» / «плохо»	«возможно» / «необходимо»	—

Отношение говорящего к пропозиции (рациональная оценка)	мнение	нечеткость мнения
Модальная характеристика пропозиции (бытийная оценка)	«положит. / отрицат. возможный мир»	?
Отношение говорящего к пропозиции (эмоциональная оценка)	осознанное желание / боязнь	—
Модальная характеристика пропозиции (качественная оценка)	«желательно», «допустимо»	—

Глава 2. Причастные обороты: характеристика объектов и ситуаций

§ 31. Изложение становится более ярким и убедительным, если в него вводятся развернутые характеристики участников

событий и обстоятельств, при которых эти события происходят. Характеристики формируются путем описания сопутствующих основному действию второстепенных действий или состояний персонажей, для чего используются одиночные причастия или причастные обороты.

Содержание причастных оборотов может представлять собой как обязательную информацию, цель которой — идентификация объекта, так и характеристику, вносящую дополнительные штрихи в его описание. Соответствующие функции причастных оборотов можно назвать функциями спецификации и характеристики.

Спецификация заключается в ограничении объема определяемого понятия при расширении его содержания за счет определяющего, а характеристика — в развернутой характеристике качества понятия, представляющего как известное во всем его объеме (см.: Алисова Т. Б. Очерки... С. 237, 252).

Функция спецификации заключается в обозначении устойчивого, часто постоянного признака. Это происходит в ситуации, когда определяемое понятие представлено в самых общих чертах и информация о нем отличается неполнотой. Характеризующая же структура присоединяется к понятию вполне конкретному, не требующему уточнения. Она полнее раскрывает содержание определяемого понятия, делая высказывание более информативным.

Коммуникативные задачи, реализуемые атрибутивными структурами в функциях спецификации и характеристики, позволяют соотносить их соответственно с темой («данными») и ремой («новыми») в актуальном членении предложения-высказывания (см.: Seiler H. Relativsatz, Atribut und Apposition. Wiesbaden, 1960. S. 49).

Причастия в функции спецификации близки по своему значению к прилагательным (*participium attributivum*), что особенно характерно для одиночных причастий:

Animo cupienti nihil satis festinatur (Sall. Jug. 64, 6).

Для томящейся желанием души все делается недостаточно быстро.

Brevis a natura vita nobis data est, at memoria bene redditae vitae sempiterna (Cic. Phil. 14, 12, 32).

Природой дана нам короткая жизнь, но память о хорошо (= достойно) прожитой жизни вечна.

При осуществлении функции характеристики связь причастий с определяемыми понятиями не столь безусловна, как в функции спецификации. При формальном согласовании причастия с тем или иным существительным, информация, со-

держаться в причастном обороте, в сущности, уточняет содержание высказывания в целом (*participium praedicativum*):

Dictator triumphans urbem invehitur (Liv. 2, 31, 3). Диктатор, празднуя триумф, въезжает в город.

Reluctante natura irritus labor est (Sen. Tranq. 6, 2). Когда природа противоборствует, труд бесплоден.

Repetunt enim a P. Valerio, qui exactis regibus primo anno consul fuit... (Cic. Acad. 2, 5, 13). Требуют от П. Валерия, который в первый год после того, как были изгнаны цари, был консулом...

Если существительное, к которому относится *participium praedicativum*, играет в предложении роль подлежащего или дополнения, причастие именуется *participium conjunctum* («присоединенное причастие»). Если же причастный оборот выполняет роль обстоятельства (причастие и существительное, к которому оно относится, стоят в форме аблатива), то такой причастный оборот характеризуется как независимый и именуется *ablatus absolutus*.

Ablatus absolutus часто сравнивают с придаточными обстоятельственными предложениями. В этой связи интересно обратиться к работе Г. Сербá, в которой убедительно, с привлечением разнообразного языкового материала доказывается, что в латинском языке классического периода этот оборот является структурным элементом простого предложения и что его сравнение с придаточными обстоятельственными допустимо лишь на содержательном уровне (см.: *Serbat G. L'ablatif absolu* // *Revue des études latines*. T. LVII, 1979. Paris, 1980).

Оборот *ablatus absolutus* считается архаической формой дифференциации главной и второстепенной мысли. Децентрализация простого предложения в древних индоевропейских языках привела к выделению в нем аппозитивных групп с глагольными именами. Широкое использование таких групп нашло завершение в четкой дифференциации главного и второстепенного предложений и в ясном, формально выраженном подчинении последнего первому (см.: *Кнабе Г. С.* Еще раз о двух путях развития сложного предложения // *Вопросы языкознания*, 1955, № 1. С. 108—116; он же. К происхождению абсолютных причастных оборотов в древнегреческом языке // *Вопросы античной литературы и классической филологии*. М., 1966. С. 421—437).

§ 32. В атрибутивном употреблении причастие, будучи уподоблено прилагательному, абсолютно нейтрально в модальном отношении. В предикативной функции оно связано по смыслу с основным предикатом, и его модальная семантика совпадает с модальной семантикой последнего: при отнесении основного действия к прошлому или настоящему речь идет о реальной действительности, при отнесении к будущему — о «возможном мире».

В грамматиках отмечается, что *participium praedicativum* (как в форме *participium conjunctum*, так и в форме *ablatus absolutus*) может выражать различные оттенки смысла.

Ср. следующие предложения, где различные обстоятельственные оттенки выражаются посредством *participium conjunctum*:

Nostri quidem duces, mare ingredientes, immolare hostiam fluctibus consueverunt (Cic. N. D. 3, 20, 51). Наши полководцы, выходя в море, обычно приносили жертву волнам. (время)

Desperans victoriam, primum coepi suadere pacem, cuius fueram semper auctor (Cic. Fam. 7, 3, 2). Не надеясь на победу, я прежде всего начал советовать заключить мир, сторонником которого я всегда был. (причина)

Nulli, ad aliena respicienti, sua placent (Sen. Ira 3, 31, 1). Никому из тех, кто заглядывается на чужое, не нравится свое. (условие)

Multorum te etiam oculi et aures non sentientem, sicut adhuc fecerunt, speculabuntur atque custodient (Cic. Cat. 1, 2, 6). Глаза и уши многих, хотя ты и не будешь (этого) чувствовать, как они и раньше это делали, будут смотреть на тебя и следить за тобой. (уступка)

Malus miles est, qui imperatorem gemens sequitur (Sen. Ep. 107, 9). Плох воин, который следует за полководцем стеной. (образ действия)

В следующих примерах различные варианты обстоятельственных значений можно обнаружить в обороте *ablatus absolutus*:

Qui (Pythagoras) cum (Tarquinio) Superbo regnante in Italiam venisset ... tenuit Magnam illam Graeciam cum honore disciplinae tum etiam auctoritate (Cic. Tusc. 1, 16, 38). Когда он (Пифагор) прибыл в Италию, в царствование (Тарквиния) Гордого, ... он снискал во (всей) Великой Греции как славу (своему) учению, так и авторитет. (время)

Perterritis omnibus sibi quisque consulebat (Caes. B. C. 2, 43, 2). Так как все были напуганы, каждый заботился о себе. (причина)

Sed clausae erant aures obstrepente ira (Curt. 8, 5, 48). Но, если (все) заглушал гнев, уши бывали закрыты. (условие)

При сравнении предложений становится ясно, что разные смысловые оттенки выявляются путем интуитивного анализа конкретного содержания высказывания.

§ 33. В предикативной функции возможно употребление не только уже рассмотренных *participium praesentis activi* и *participium perfecti passivi*, но и *participium futuri activi*, а также герундива — особой грамматической формы, разновидности отглагольного прилагательного. С помощью двух последних форм передаются дополнительные смысловые оттенки: *participium futuri activi* — готовность, намерение осуществить действие, герундив — долженствование.

Примеры предложений, содержащих *participium futuri activi*:

Cogitemus, quam saepe illos reliquerimus in aliquam peregrinationem longinquam exituri, quam saepe eodem morantes loco non viderimus (Sen. Ep. 63, 8).

Давайте поразмыслим, как часто мы покидали их, собираясь отправиться в какое-нибудь дальнее путешествие, как часто не виделись с ними, пребывая в том же месте.

Agrum paraturos ante omnia intuiti oportet, aquam, viam, vicinum (Plin. N. H. 18, 6, 26).

Тем, кто намерен подготовить земельный участок для папны, необходимо прежде все учесть: воду, дорогу, соседа.

Примеры с герундивом:

Quae (prudencia) est rerum expetendarum fugiendarumque scientia (Cic. Off. 1, 43, 153).

(Благоразумие) — это наука добиваться и избегать (букв.: как надо добиваться и избегать чего-либо).

Mutatis mutandis.

С соответствующими изменениями (букв.: когда изменено то, что должно быть изменено).

О герундиве в составе сказуемого см. выше § 21, с. 33.

Идея намерения, готовности исполнителя к действию в *participium futuri activi* логически выводится из морфологической характеристики данного причастия — обозначения активности субъекта и направленности описываемого действия в будущее. В конструкциях с герундивом идея долженствования также формируется на базе формального показателя, фиксирующего идею действия в ее связи с объектом.

В число семантических компонентов, формирующих значения намерения и долженствования, входит оценочный смысл

«желательно», что предполагает характеристику обозначенной причастием будущего времени или герундивом ситуации как «возможного мира».

Как видим, возможности причастных оборотов в области выражения модальных значений весьма невелики и сводятся к опосредованной передаче этих значений — так же, как это было в предложениях с инфинитивными оборотами.

Вероятно, малые возможности неличных глагольных форм в плане выражения субъективных оттенков смысла явились одной из причин их относительно редкого употребления в текстах, приближенных к разговорной речи, и постепенного вытеснения, в процессе развития языка, сложными предложениями с придаточными разных типов. Личная форма глагола-сказуемого придаточных предложений, благодаря чередованию наклонений, оказалась более приспособленной к передаче субъективных оттенков смысла.

Раздел III. СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Глава 1. Римляне были целеустремленными людьми (Объектно-целевая ориентация действия)

§ 34. При описании того или иного действия (своего или другого лица) говорящий довольно часто указывает на цель, ради которой это действие совершается:

Itaque ut maiores nostri ab aratro adduxerunt Cincinnatum illum, ut dictator esset, sic vos de pagis omnibus colligitis bonos illos quidem viros sed certe non pereruditos (Cic. Fin. 2, 4, 12).

Итак, как наши предки *оторвали* Цинцинната от пахоты, *чтобы он стал диктатором*, так вы собираете со всех областей несомненно хороших людей, но отнюдь не очень образованных.

Hortensius ... me quoque ... coepit hortari, ut sententia desisterem (Cic. Acad. 2, 19, 63).

Гортензий ... меня также ... *принялся убеждать, чтобы я переменил мнение*.

Будущие события могут не зависеть от роли субъекта. В этих случаях можно говорить лишь о его отношении к этим событиям. Нередко это — опасливое ожидание:

Valde metuo, ne frigeas in hiernis (Cic. Fam. 7, 10, 2).

Очень *боюсь*, как бы ты не замёрз на зимних квартирах.

Иногда субъект, не желая того или иного развития событий, может предпринять определенные шаги, направленные на их предотвращение:

Obstitisti videlicet, ne ex Italia transire in Siciliam fugitivorum copiae possent (Cic. Verr. 2, 5, 2, 5).

Ты, стало быть, *воспрепятствовал* полчищам беглых (рабов) переправиться из Италии в Сицилию.

Информация, содержащаяся в придаточном предложении, может отражать не цель, на которую направлено действие, а его результат, вытекающее следствие:

Erat enim ... adeo veritatis diligens, ut ne ioco quidem mentiretur (Nep. Eram. 3, 1). (Эпаминонд) *ведь до того любил правду, что даже в шутку не лгал*.

Обозначение следствия может стать основным содержанием высказывания. Хотя соответствующая информация и сосредоточена в придаточном предложении, однако в содержательном отношении она выдвигается на первый план повествования; назначение же главной части сводится к констатации данного положения дел:

Huic (Thrasibulo) contigit, ut ... Ему (Фрасибулу) *удалось* ... (patriam) in libertatem vindicaret (Nep. Thras. 1, 2). *освободить отечество*.

Как видно из примеров, во всех случаях придаточное присоединяется к главной части при помощи союза *ut* (при отрицательном варианте содержания придаточного — *ne*).

§ 35. При описании в грамматиках придаточных предложений с союзами *ut/ne*, в зависимости от типа логической связи между содержанием главной и придаточной части высказывания, содержание союза трактуется по-разному: *ut/ne finale*, *ut/ne objectivum*, *ut/ut non consecutivum*, *ut explicativum*. Выделяются смысловые группы управляющих глаголов в главной части высказывания: глаголы, выражающие проявление воли персонажа (*verba studii et voluntatis*); глаголы боязни (*verba timendi*); списком приводятся глаголы, присоединяющие придаточные с *ut explicativum* (*fit, evenit, accidit* «случается», *est* «бывает», *placet, convenit* «решено», *sequitur* «следует» и т. д.); отдельно упоминаются глаголы препятствия (*verba impediendi*), присоединяющие придаточные предложения посредством союзов *ne, quin, quominus*.

При всей тщательности грамматических описаний за пределами данной классификации остается большая группа предикатов, обозначающих разнообразные конкретные действия субъекта — очевидно, потому, что не представилось возможным выделить в них общий смысловой компонент. Без объяснения остается и такой важный формальный признак придаточных предложений, как употребление в них глагола-сказуемого в формах конъюнктива, причем только в *praesens* и *imperfectum conjunctivi*, обозначающих одновременность с основным действием. А между тем общность форм глагола-сказуемого и общие союзы, посредством которых эти придаточные присоединяются к главной части предложения, выявляют несомненную общность их содержания.

Учитывая потенциальный характер содержания большинства рассматриваемых придаточных предложений (кроме *ut explicativum* и некоторых случаев *ut consecutivum*), а также заинтересованную активность субъекта главной части, мы выделяем в управляющих глаголах в качестве смысловой доминанты компонент «желание». Следует подчеркнуть, что, как правило, этот компонент не является единственным, а сочетается с указанием на какое-либо внешнее проявление данной реакции — действие самого субъекта или стимулирование им действий других лиц:

Postridie eius diei mane tripertito milites equitesque in expeditionem misit, ut eos, qui fugerant, persequerentur (Caes. B. G. 5, 10, 1). На следующий день утром он послал в поход тремя колоннами пехоту и конницу, чтобы они преследовали беглецов.

Date puero panem, ne ploret (Quint. Inst. 6, 1, 46). Дайте ребенку хлеба, чтобы он не плакал.

§ 36. При анализе значений глаголов, управляющих придаточными цели (союз *ut/ne finale*), нетрудно убедиться, что все они воплощают действия субъекта главного предложения, объединенные общими свойствами: действия эти осознанны для субъекта, контролируются им и направлены на достижение цели, выраженной придаточным предложением.

Ю. С. Степанов отмечает, что предикаты цели (в сложных предложениях со словом *чтобы* или его семантическим эквивалентом) сочетаются всегда только с субъектами, способными к целенаправленной деятельности — лицами прежде всего (см.: Степанов Ю. С. Имена... С. 163). И, наоборот, о невозможности сочетания предикатов, описывающих неконтролируемые ситуации, с обстоятельствами цели, см.: Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 69.

Заметим, что субъект действия не всегда представлен подлежащим главного предложения (например, в пассивных конструкциях), а иногда вообще лексически не выражен, но он всегда известен из контекста высказывания:

Esse oportet, ut vivas, non vivere, ut edas (Herenn. 4, 28, 39). Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть (= всем нужно...).

Глаголы, присоединяющие придаточные предложения с союзом *ut / ne*, традиционно трактуемым как *ut / ne objectivum*,

выражают различные речевые акты субъекта, направленные на волеизъявление: просьбу (*opto, rogo, oro, peto, obsecro, obtestor*), убеждение и побуждение (*postulo, flagito, impello, incito, permoveo, adduco, hortor, moneo, suadeo*), приказ (*edico, impero, praecipio*) и т. п.:

Petit Oppianicus, ut sibi Sassia nubat (Cic. Cluent. 9, 27). Оппианик просит, чтобы Сассия вышла за него замуж.

Peto a te, ne me putes oblivione tui carius ad te scribere, quam solebam (Cic. Fam. 6, 2, 1). Прошу тебя не считать (букв.: чтобы ты не считал), что я пишу тебе реже, чем обычно, оттого, что забыл тебя.

Придаточные при таких глаголах обозначают желаемую для субъекта волеизъявления ситуацию. Значения глаголов названной группы выражают активное стремление к тому, чтобы желаемое стало реальностью. Это обстоятельство отразилось и в характеристике глаголов (*verba studii et voluntatis*), и в распространённом двойном именовании соответствующих придаточных — финально-объективные.

В грамматиках латинского языка обычно разграничивают *verba voluntatis* и *verba studii et voluntatis*. Отчасти дублирующаяся терминология затемняет характер смысловых различий между этими глаголами. Различие это заключается в следующем. *Verba voluntatis* (*volo «хочу», nolo «не хочу», malo «предпочитаю», cupio «очень хочу»*) обозначают желание субъекта, а *verba studii et voluntatis* обозначают проявление субъектом его желания в речевом акте, обращённом к возможному исполнителю желаемого действия. Это различие, на наш взгляд, достаточно точно передаётся русскими понятиями «желание» и «волеизъявление».

Глаголы волеизъявления, помимо выражения основного смысла, одновременно служат для характеристики описываемой ситуации и ее участников. Как правило, они обнаруживают заинтересованность субъекта в положении дел, составляющем содержание придаточного предложения. Однако иногда глагол указывает на такие действия субъекта, из которых следует заключить, что данное положение дел — в интересах адресата. Такого, например, выражение *consilium do* «даю совет». Данные предикаты являются также источником информации о распределении ролей между субъектом желания и адресатом. Глаголы *statuo, constituo* «утверждаю», *flagito* «настоятельно требую», *edico, praecipio, mando* «предписываю», *concedo, per-*

mitto «позволяю, допускаю» и т. п. предполагают более высокий статус субъекта по сравнению с адресатом:

(Caesar) *postulavit*, ... *ne* (Ariovistus) aut Haeduis, aut eorum sociis bellum inferret (Caes. B. G. 1, 43, 9). (Цезарь) *потребовал*, ... чтобы (Ариовист) не начинал войны ни с адуями, ни с их союзниками.

Глаголы *rogo*, *oro* и т. п. со схожими значениями «просить, умолять» свидетельствуют об обратном соотношении ролей говорящего и адресата:

(Ubii) *petunt* atque *orant*, ut (Caesar) sibi parcat (Caes. B. G. 6, 9, 7). (Убии) *просят, молят*, чтобы (Цезарь) их пощадил.

Субъект волеизъявления должен быть лицом одушевленным. Действительно, употребление в роли подлежащих при сказуемых — глаголах волеизъявления существительных, обозначающих неодушевленные предметы или ситуации, крайне редко. Такие предложения формируются по схеме предложений с подлежащим-лицом. Происходит как бы персонификация данного неодушевленного предмета:

Paupertas inpulit audax, ut *ver-* Отважная бедность побудила *sus facerem* (Hor. Epist. 2, 2, 51—52). меня писать стихи.

§ 37. В число глаголов, присоединяющих придаточные с союзами *ut/ne* *objectivum*, входят и глаголы боязни (*verba timendi*).

Значения глаголов боязни в конкретном употреблении («бояться кого-либо, чего-либо») включают отрицательную оценку объекта.

Ср. выполненное Анной А. Зализняк описание семантики русского глагола *бояться*, где отмечается, что обязательным семантическим компонентом здесь является представление о том, что некое событие — зло (см.: Зализняк Анна А. Семантика глагола *бояться* в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 42, № 1, 1983. С. 58—66).

При выражении опасения по поводу некоторой предполагаемой ситуации отрицательная оценка проявляется в нежелании данного положения дел:

Unum vereor, *ne* *senatus propter* *urbanarum rerum metum* Пом- Боюсь одного: что сенат, из-за страха перед городскими собы-

ut *polit dimittere* (Cic. Att. 10, 1).

тиями, откажется отпустить Помпея (= *не хочу, чтобы отказался*).

Как уже отмечалось, «не хотеть чего-либо» = «хотеть, чтобы этого не было». Поэтому для выражения отрицательного желания достаточно использовать отрицательный союз *ne* (и, соответственно, если ситуация желательна, — союз *ut*). Ср.:

(Pater) *ut* *sis vitalis*, *metuo* (Hor. Epist. 2, 1, 60—61).

Сын мой, боюсь я, что ты не проживешь долго (= *хочу, чтобы жил...*).

Vereor, *ne* *a te rursus dissen-* *tiam* (Cic. Leg. 3, 15, 33).

Боюсь, что опять разойдусь с тобой во мнениях (= *хочу не расходиться...*).

Ср. в древнегреческом языке при выражении глаголом боязни нежелания этой или ситуации в придаточном используется отрицание *μή*, а при выражении же желательности — двойное отрицание *μή ο* (см.: Славятинская М. Н. Чужбина древнегреческого языка. Ч. 1. М., 1993. С. 146).

При очевидном сходстве глаголов боязни в роли выразителей мнения с глаголами желания между ними существует и различие: в значениях глаголов желания предполагается известным компонент «вероятность события», а утверждается компонент «желание»; в значениях глаголов боязни, наоборот, компонент «желание» предполагается известным, а утверждается компонент «вероятность события». Ср.:

Optima enim bene facta in luce se *collucant volunt* (Cic. Tusc. 2, 26, 64).

Они *хотят*, чтобы все хорошие дела были освещены.

Non enim iam metuo, *ne* *tu illi* *invenias*, *illud vereor*, *ne* *tibi* *illud evincensere aliquid suspicere* (Cic. Del. 13, 35).

Ведь я *не боюсь*, что ты на него разгневаешься; я *боюсь*, что то обстоятельство, что он на тебя гневается, вызовет некоторое подозрение.

§ 38. В роли сказуемого главного предложения выступают глаголы и выражения со значением препятствия (*verba impediendi*) — *impedio*, *obsto*, *prohibeo*, *deterreo* «препятствую, мешаю», *interdico* «запещаю», *recuso* «отказываюсь», *resisto* «сопротивляюсь, запещаю», *per me stat* «я виновен, я виноват»: (Atticus) *quamdiu* (Athenis) *ad-* (Аттик), пока жил (в Афинах), *ut* *ne* *qua* *sibi* *statua* *ponere-* *запрещал* воздвигать статуи в

tur, *restitit*; absens *prohibere* свою честь, а когда покинул их, *non potuit* (Nep. Att. 3, 2). не мог воспрепятствовать этому.

Препятствие создается субъектом, не желающим, чтобы действие, описанное в придаточном предложении, имело место. Обозначение этого субъекта занимает позицию подлежащего в главной части. В тех случаях, когда используется пассивная конструкция, в позиции подлежащего оказывается существительное, указывающее на субъект нежелательного действия; противник же данного действия вообще может быть не назван:

...Quod se facturos minabantur aegreque tunc sunt retenti, quin oppidum irrumperent (Caes. B. C. 2, 13, 4). ...Так как они (воины) угрожали, что сделают это, и их с трудом можно было удержать, чтобы они не ворвались в город.

Значения глаголов препятствия, помимо основного компонента «разнонаправленное желание субъекта действия и субъекта, препятствующего действию», включают также компонент «приложение усилий препятствующим субъектом». При этом компонент «желание» предполагается известным, а утверждается компонент «приложение усилий». Именно на него распространяется действие отрицания при глаголах препятствия:

Neque tamen ob eam causam ... И по этой причине ... не препятствую тебе иметь возможность выполнять, в соответствии с твоей верностью и добросовестностью, задачу, взятую на себя по воле Цезаря, который поручил тебе важное и трудное дело.

Препятствием может служить объективный ход событий:

Hicem credo adhuc prohibuisse quominus de te certum haberemus, quid ageres maximeque ubi esses (Cic. Fam. 12, 5, 1). Зима, думаю, до сих пор мешала нам иметь о тебе верные сведения, как ты поживаешь и особенно — где ты.

В таких случаях смысловые компоненты «желание препятствовать» и «усилие, направленное на то, чтобы помешать действию», предполагающие осознанную активность, а следовательно, и одушевленность субъекта, оказывающего препятствие, сменяются единым содержательным компонентом «ход событий, препятствующий осуществлению действия». Отрицание при гла-

голе препятствия в данном случае обозначает отсутствие связи между ходом событий и данным действием:

Nec aetas impedit, quominus et ceterarum rerum et in primis agricolendi studia teneamus usque ad ultimum tempus senectutis (Cic. Sen. 17, 60). И возраст не мешает нам заниматься и прочими делами, и прежде всего земледелием, до глубокой старости.

Наличие в значениях *verba impediendi* компонента «усилие, направленное на реализацию желания» сближает их с глаголами волеизъявления и конкретного действия. Ср.:

(Dionysius) ne tonsori collum committeret, tondere filias suas docuit (Cic. Tusc. 5, 20, 58). (Дионисий) научил дочерей своих стричь, чтобы не вверять шею цирюльнику. (конкретное действие)

Obsecro, ne me in laetitiam frustabus conicias (Ter. Heaut. 291—292). Прошу тебя, не радуй понапрасну. (волеизъявление)

Impedior verecundia, ne te pluribus verbis rogem (Cic. Fam. 13, 2, 1). Моя скромность не позволяет мне быть более многословным в своей просьбе. (препятствие)

Расхождение между сопоставляемыми глаголами заключается в различной конкретизации общего семантического компонента. В лексических значениях глаголов действия раскрывается содержание усилий, а значения глаголов волеизъявления и глаголов препятствия отличаются общим характером, лишь обозначая наличие усилий (глаголы волеизъявления, в свою очередь, различаются между собой по интенсивности этих усилий). Кроме того, глаголы действия обозначают физические действия субъекта, направленные на осуществление его желания им самим, в то время как глаголы волеизъявления обозначают речевые акты субъекта, имеющие целью доведение его желания до сведения адресата — будущего исполнителя действия. Глаголы препятствия могут обозначать как речевые, так и физические действия субъекта, направленные на то, чтобы помешать действию другого субъекта.

§ 39. В грамматиках отдельно отмечается употребление союза *quin* при отрицательных выражениях *facere non possum, fieri*

non potest, mihi non tempero, retineri non possum, non multum abest:

Fieri nullo modo poterat, quin Cleomeni parceretur (Cic. Verr. 2, 5, 40, 104). **Никак нельзя было не пощадить Клеомена (было невозможно, чтобы не пощадил...).**

Названные выражения по значению близки к глаголам препятствия: *facere non possum quin...* — букв.: «не могу сделать, чтобы не...», т. е. «не могу этому воспрепятствовать»; *fieri non potest quin...* «не может стать так, чтобы не...», т. е. «нельзя воспрепятствовать»; *mihi non tempero, retineri non possum quin...* «не могу удержаться, чтобы не...», т. е. «не могу себе помещать»; *non multum abest quin...* «немногого недостает, чтобы не...», т. е. «почти создано препятствие». Действие отрицания, как и при глаголах препятствия, распространяется на семантический компонент «усилие», а отрицательный союз отражает отрицательное желание субъекта — другой компонент значения данных выражений. Это объяснение позволяет объединить перечисленные отрицательные выражения с глаголами препятствия, что делает избыточным их обособление в грамматических описаниях.

Идея препятствия может содержаться в отрицательном смысле высказывания в целом:

Numquam accedo, quin abs te abeam doctior (Ter. Eun. 791). **Я никогда не подхожу к тебе, чтобы не уйти более ученым.**

§ 40. Итак, придаточные с союзами *ut/ne* после глаголов активного действия, желания и волеизъявления, боязни, препятствия (в последнем случае используются союзы *ne, quin, quominus*) объединяет общая семантическая характеристика: содержание этих придаточных отображает объект желания субъекта главной части высказывания, его «возможный мир».

О присутствии в семантике придаточных с союзом *ut* компонента «желательность» см. также: Bolkestein A. M. The differences between free and obligatory *ut*-clauses // Glotta. Bd. LV, H. 3—4. Göttingen, 1977.

Характеристика содержания придаточных как «возможного мира» составляет основу их модальности. Она получает отображение в конъюнктиве глагола-сказуемого этих придаточных. Данная характеристика дополняется качественной оценкой «желательно», содержащейся в значении управляющего глагола. Присутствием семы «желательно» объясняются временные ограничения в сказуемом придаточного предложения рамками *praesens*

и *imperfectum conjunctivi*, обозначающих одновременность с действием, выраженным управляющим глаголом.

В научной литературе нет единого мнения по поводу конъюнктива в придаточных с союзом *ut/ne*. Согласно наиболее распространенной точке зрения, конъюнктив в этих придаточных трактуется как формальный показатель подчинения (см. Ernout A., Thomas F. Syntaxe latine. Paris. 1953. P. 292). Данную интерпретацию предлагается распространять и на союз *ut* (см.: Touratier C. Valeurs et fonctionnement du subjonctif latin (suite). II — En proposition subordonnée // Revue des études latines. T. LX. Paris, 1983. P. 324). Комплекс «*ut* + conjunctivus» рассматривается как единая двучленная морфема (*morphème discontinu*) (см.: Gifford M. *UT*, adverb or conjunction // Syntaxe et latin. Actes du II Congrès International de Linguistique Latine. Aix-en-Provence, 1985. P. 442). Некоторыми исследователями конъюнктив в придаточных цели, наряду с конъюнктивом гипотетическим, рассматривается как исходная точка развития так называемого «проспективного конъюнктива», выступающего в придаточных предложениях в значении «будущего в прошлом» и сближающегося по своим функциям с конструкциями *ut... est, fieri potest* (см.: Fridh Å. Der sogenannte prospektive Konjunktiv im Lateinischen // Acta regiae societatis scientiarum et litterarum Gothoburgensis. Humaniora, 5. Göteborg, 1971. S. 51). Здесь уместно вспомнить ситуацию в древнегреческом языке, где в придаточных предложениях после *verba studii et voluntatis* возможно употребление форм индикатива в будущем времени, конъюнктива и оптатива (см.: Славянская М. Н. Учебник древнегреческого языка. Ч. I. С. 138). Наконец, употребление конъюнктива в придаточных с *ut* объясняется семантической близостью данного союза к частице *ut* наречного происхождения, употребляемой в независимых предложениях, и, таким образом, связь между частями сложноподчиненного предложения с союзом *ut* предлагается рассматривать как близкую к паратактической, а роль конъюнктива — как близкую функции *coniunctiva imperativus* (после *ne* — *conjunctivus prohibitivus*) в независимом употреблении (см.: Hyart Ch. Les origines du style indirect latin. Bruxelles, 1954. P. 61). «Формы *ut* и *ne*» // Вопросы классической филологии. Вып. VI. М., 1976. С. 217). Об этимологической общности союза *ut* с частицей *utinam* (*ut*) см.: Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots. 4 éd. Paris. 1967. P. 756.

В придаточных, содержание которых носит отрицательный характер, возможно одновременное употребление союза *ut* и частицы *ne* (вспомним, что такое же дублирование семы «желательность» допускалось и в независимых предложениях, выражающих пожелание):

Quod ut ne accidat, magis cavendum est (Cic. Lael. 26, 99). **Чтобы этого не случилось, надо быть более осторожным.**

Придаточные при глаголах волеизъявления могут присоединяться к главной части путем бессоюзного подчинения:

Huius imperat, quas possit, adeat civitates (Caes. B. G. 4, 21, 8). **Он приказывает ему, чтобы тот объехал общины, какие может...**

Возможность опущения союза является дополнительным под-

тверждением сходства данных придаточных с независимыми предложениями, используемыми для выражения пожелания, где также в определенных контекстных условиях было возможно опущение частицы *utinam*.

Обозначение «возможного мира» отмечалось как функция конъюнктива в независимых предложениях. Как видим, можно считать, что и в придаточных с союзами *ut*/*ne* конъюнктив выступает в своей первичной функции.

О возможности реализации первичной функции грамматических форм в условиях синтаксической корреляции, на примере французского субъюнктива, пишет В. Г. Гак (см.: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. С. 208).

§ 41. Выше (см. § 34–35, с. 64–66) уже отмечалось, что посредством союза *ut* присоединяются также придаточные, обозначающие результат основного действия, — их именуют придаточными следствия, а союз в этом случае трактуется как *ut consecutivum*.

Формальный «опознавательный знак» придаточных следствия — частое присутствие в главном предложении соотносительных местоимений и наречий *ita*, *sic* «так», *adeo*, *tantopere*, *tam* «настолько, до такой степени», *eiusmodi* «такого рода», *talis* «такой (по качеству)», *tantus* «такой (по количеству)» и т. п., указывающих на условия, обеспечивающие данный результат.

Глагол-сказуемое придаточных следствия употребляется в форме конъюнктива, хотя содержание этих придаточных может обозначать не только предполагаемые, но и реальные события. Очевидно, основу этой группы придаточных, определившую избрание данной синтаксической модели, составили предложения, которые обозначают еще не имеющий места в действительности, а лишь ожидаемый результат («логическое следствие»):

Est enim mihi magnae curae ... Моей большой заботой является
ut *ita* erudiatur, ut et patri et ... чтобы он учился так, что
Caepioni nostro et tibi tam pro- бы соответствовать и отцу, и
pinquo respondeat (Cic. Fin. 3, нашему Цепиону, и тебе, столь
2, 8). близкому нам.

Интерпретация понятия ожидаемого результата близка к интерпретации понятия цели: это — некий «возможный мир», положение дел, представляющее собой объект желания субъекта (видимо, поэтому такие придаточные именуют иногда фи-

нально-консекутивными). Употребление конъюнктива в таком контексте содержательно оправданно. Общность языковой модели (использование одного и того же союза), по-видимому, стимулировала использование конъюнктива и в тех придаточных следствия, в которых речь идет о реальных событиях («фактическое следствие»):

Non arboribus consita Italia, Разве Италия не засажена де-
ut tota pomarium videatur? ревями так, что вся она ка-
(Varr. R. R. 1, 2, 6). жется фруктовым садом?

Об аналогизирующем воздействии модели «*ut* + *conjunctivus*» на придаточные «фактического следствия» пишет Я. Вакернагель (см.: Wackernagel J. Vorlesungen... S. 242). Ср.: в древнегреческом языке существовало формальное различие между предложениями, обозначающими «логическое» (*hōste* + инфинитив) и «фактическое» (*hōste* + индикатив) следствие, что, в частности, отмечается в работе: Touratier C. Valeurs... 1983. P. 327. См. также: Славятинская М. Н. Учебник древнегреческого языка. Ч. I. С. 158.

По всей вероятности, именно относительная смысловая самостоятельность придаточных следствия определяет некоторые формальные характеристики этих предложений, отличающие их от других придаточных с союзом *ut*. Это, в частности, употребление в них отрицательной частицы *non* при сохранении союза *ut* (ср.: в других придаточных в аналогичных ситуациях происходит замена союза *ut* его отрицательным аналогом *ne*):

Nemo adeo ferus est, ut non Никто не жесток настолько,
mitescere possit (Hor. Epist. 1, чтобы не мог смягчиться.
1, 39).

В придаточных следствия отмечаются также отступления от правила согласования времен, общего для всех придаточных с глаголом в конъюнктиве:

(Verres) dabat se labori atque (Веррес) предавался труду и
itineribus, in quibus eo usque se путешествиям, во время которых
praebebat patientem atque impi- он выказывал себя столь выно-
grum, ut eum nemo umquam in с-ливым и деятельным, что никто
equo sedentem viderit (Cic. Verr. никогда не видел его сидящим
2, 5, 10, 27). на коне.

(в придаточном — употребление *perfectum conjunctivi* после «исторического времени» управляющего глагола, *imperfectum indic.*).

§ 42. К придаточным следствия близки придаточные, употребляемые после безличных глаголов и выражений, назначение

которых — лишь подготовить слушателя (читателя) к восприятию информации о какой-либо ситуации: accidit «случается», contingit «удается», est «бывает», restat, relinquitur «остается», placet, convenit «решено», sequitur «следует», mos est, consuetudo est «есть обычай», lex est «есть закон», in eo res est «дело дошло до того», proximum est «ближе всего», «предстоит» и др. Значение союза трактуется как ut explicativum:

Ac fieri potest, ut errem (Cic. Fin. 1, 7, 23). И может быть, я ошибаюсь.

Lex est, ut orbae, qui sint genere Eсть закон отдавать сирот за-
proximi, eis nubant (Ter. Phorm. муж за близких родственников.
125 — 126).

Употребление конъюнктива в данных придаточных, очевидно, объясняется тем, что в них описываются не реальные конкретные события, а положения дел, о б ы ч н о имеющие место в таких ситуациях. Это может быть «возможный мир» говорящего (первый пример) или всего социума (второй пример). Дополнительным стимулом к употреблению конъюнктива, по всей вероятности, является аналогизирующее влияние используемой синтаксической модели.

Если в состав предиката главной части входит существительное и глагол-связка, синтаксическая роль придаточного с ut иногда оценивается как определение данного существительного; придаточное именуется ut expletivum (см.: Griffe M. UT: adverb ou conjonction. P. 438).

Содержание придаточных «фактического следствия» и придаточных после безличных глаголов и выражений, отмечающих реальную, хотя и не конкретную ситуацию, обуславливает их периферийное положение в группе придаточных с ut, большинство из которых конкретизирует объект желания.

§ 43. Цель действия (речевого акта) субъекта главной части высказывания могут составлять не те или иные будущие действия — его самого или адресата, — а получение от собеседника определенной информации. Содержание придаточного предложения ориентирует адресата на искомую субъектом информацию, причем вопросительное слово, вводящее придаточное предложение (которое соответственно именуется «косвенный вопрос»), обозначает ключевой момент, фокус данной информации:

Quid agas, scire cupio (Cic. Fam. 2, 14, 1). Я хочу знать, что ты делаешь.

Quaerunt a me, ubi sit pecunia Они спрашивают меня, где день-
(Cic. Cluent. 26, 72). ги.

О соотносимости номинализаций в форме косвенного вопроса (wh-nominalisations) с объективной сферой пишет Э. Вендлер (см.: Vendler Z. Res cogitans. P. 109, 116).

Придаточные типа «косвенный вопрос» употребляются после глаголов, связанных с обретением или передачей информации. Это может быть запрос информации: interrogo «спрашиваю», quaero «домогаюсь», discerno «узнаю», nescio «не знаю» и т. п.; ответ на вопрос адресата: nuntio «сообщаю», declaro «заявляю», existimo «полагаю»; размышления персонажа, «внутренний диалог»: delibero, considero «обдумываю». Ср.:

Quaeris a me, Cassi, quid pro Ты спрашиваешь меня, Кассий,
fratre meo ... facere possim (Cic. что я могу сделать ... для моего
Planc. 28, 69). брата.

Docebo, quomodo fieri dives ce- Я научу тебя, как быстрее раз-
lerrime possis (Sen. Ep. 119, 1). богатеть.

Item deliberationes partim ipsae Также иногда нужно обсудить
propter se consultandae sunt, ut размышления сами по себе: как,
si deliberet senatus, captivos ab например, если бы сенат разду-
hostibus redimat, an non (He- мывал, выкупать пленников у
renn. 3, 2, 2). врагов или нет.

На основании лексических значений управляющих глаголов можно заключить, что знание, присущее разным людям (имеется в виду не научное знание, а практическое постижение объективных истин), не является абсолютно одинаковым. Оно сопряжено с восприятием одного и того же события как бы с разных сторон, под разными углами зрения.

Об индивидуальности знания см. также: Vendler Z. Res cogitans. P. 115.

Содержание «чужого» индивидуального знания рассматривается говорящим как неизвестный ему «возможный мир», что проявляется в вопросительной форме придаточного предложения и отмечается конъюнктивом глагола-сказуемого. Временные характеристики сказуемых придаточного и главного предложений служат для соотнесения на оси времени содержания информации с моментом ее передачи.

Ср.: И. М. Тронский считает, что в косвенном вопросе конъюнктив «означал, что налицо п р о б л е м а... которую нужно решить», а также что таким образом различается план субъекта речи и субъекта главного предложения (см.: Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М. -Л., 1953. С. 214). Тракто-

ка косвенного вопроса как особой формы косвенной речи, когда вопрос из области реального переходит в область неопределенного, из области говорения — в область мышления или памяти, содержится в работе: Hyart Ch. Les origines... P. 77.

Обозначенная вопросительными словами в косвенных вопросах неопределенность содержания свидетельствует о невозможности конкретизации бытийной оценки по параметрам «+» / «-», а также исключает качественную оценку.

Я. Вакернагель указывает, что конъюнктивом отмечается присутствующий в содержании косвенного вопроса «момент неопределенности» (см.: Wackernagel J. Vorlesungen... S. 243).

Иногда (очень редко) носителем индивидуального знания, обозначаемого косвенным вопросом, может быть сам говорящий:

Scio enim, quantum ponderis mea Я знаю ведь, какой вес будет *commendatio sit habitura* (Cic. иметь моя рекомендация. Fam. 12, 26, 2).

Употребление конъюктива в данном случае семантически не оправданно, поскольку знание говорящего для него вполне реально. Здесь можно предположить инерционное воздействие языковой модели, где в большинстве употреблений конъюнктив имеет семантическое обоснование.

В архаической латыни в косвенных вопросах широко употреблялся индикатив. Этот языковой факт нередко используется в качестве доказательства формального характера конъюктива в косвенном вопросе в классической латыни. Наряду с этим существует гипотеза, что в архаических латинских текстах вопросительные предложения, в которых глагол стоит в индикативе, представляют собой, в сущности, прямой речевой акт, а сопровождающий их глагол указывает на коммуникативную функцию данного речевого акта — вопрос, восклицание и т. д. Позднейшее переосмысление этого типа предложений как придаточных привело в классической латыни к единообразию форм сказуемого в косвенном вопросе — конъюнктив (см.: Stephens L. Indirect Questions in Old Latin: Syntactic and Pragmatic Factors Conditioning Modal Shift // Illinois Classical Studies. V. X, 2. Fall 1985. Baltimore, 1986. P. 195—214).

Ситуация, аналогичная наблюдаемой в архаической латыни, отмечается в древнегреческом языке, где в косвенных вопросах также обычно сохранялось наклонение прямой речи (см.: Славятинская М. Н. Учебник древнегреческого языка. Ч. I. С. 131).

Таким образом, разные формы выражения объекта при сказуемых-глаголах знания — косвенный вопрос и оборот *accusativus cum infinitivo* (см. выше, § 26, с. 53) — отмечают разные аспекты ситуации «знание»: косвенный вопрос отображает взгляд на событие в определенном ракурсе; инфинитивный оборот передает факт, абстрагированный от чьего-либо персонального восприятия.

§ 44. Итак, в латинском языке сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными, цели и им подобными представляют собой семантико-синтаксическую структуру с разноуровневым расположением частей (ср. осложненные предложения с инфинитивными оборотами). Модальное содержание и форма придаточного предложения обусловлены содержанием главной части и прежде всего — ее сказуемым, которое включает в качестве основного смыслового компонента обозначение рациональных или эмоциональных реакций человека на ту или иную ситуацию. Однако, в отличие от глаголов, вводящих инфинитивные обороты, глаголы, присоединяющие придаточные дополнительные и придаточные цели, обозначают не сами реакции «в чистом виде», а обусловленные ими конкретные действия персонажа, которые направлены на достижение искоемых целей. В отличие от инфинитивных оборотов, в которых воплощаются мысли и конкретизируются эмоции персонажа, придаточные предложения обозначают ситуации, которые, хотя и составляют «возможный мир» героя, но вместе с тем часто отражают мысли и чувства нескольких людей или даже всего социума. Это различие, по-видимому, и является причиной более автономного выражения этих ситуаций — придаточными предложениями, где показателем логической связи со сказуемым главной части служит конъюнктив глагола-сказуемого.

§ 45. И в заключение этой главы — несколько слов об особенностях перевода рассмотренных предложений на русский язык.

Перевод союза *ut* обусловлен модальным содержанием соответствующих придаточных: при отражении с помощью придаточного предложения фрагмента действительности — «что», при сообщении о «возможном мире» — «чтобы».

Использование отрицания при переводе придаточного предложения диктуется необходимостью передать либо отрицательную семантику придаточного в латинском оригинале (*ого не... «прошу, чтобы не...»*), либо отрицательный компонент значения глагола (*metuo ut... «боюсь, что не...»*).

В то же время в русском переводе не передается отрицательное значение союза, вводящего латинские придаточные предложения после глаголов препятствия (*obstitisti ne ... transire ... possent «ты помешал (воспрепятствовал) ... им перейти»*).

Не получает отражения в русском переводе и индивидуальная принадлежность знания, передаваемая в латинском придаточном «косвенный вопрос» с помощью конъюктива.

Глава 2. Как римляне воспринимали окружающий мир (Установление связей между описываемыми событиями)

§ 46. Отображение в языке фрагментов объективной действительности основано на мировидении человека, на определенной «картине мира» в его сознании.

Под «картиной мира» понимается целостный образ действительности, возникающий в сознании человека в ходе его контактов с миром. Этот образ формируется на базе объективного познания, в форме, доступной для человеческого восприятия, и воспринимается как сама реальность. Он опосредует все акты человеческого мировосприятия и миропредставления.

См. об этом: Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 25 сл.

Определяющими для «картины мира» являются категории пространства и времени. Эти объективные категории доступны субъективному переживанию. Они воспринимаются человеком путем непосредственного наблюдения объективной действительности.

Пространство понимается обыденным разумом как трехмерная, геометрическая, равнопротяжимая форма. Время мыслится как необратимая последовательность протекания событий из прошлого через настоящее в будущее.

Подробнее см.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 26.

В древности представление о мировом бытии у разных народов было неодинаковым.

Ср.: «Если мир греческой философии и греческой поэзии — это «космос», т. е. законосообразная и симметричная пространственная структура, то мир Библии — это «олаи», т. е. поток временного свершения, несущий в себе все вещи, или мир как история. Внутри «космоса» даже время дано в модусе пространственности: в самом деле, учение о вечном возврате, явно или неявно присутствующее во всех греческих концепциях бытия, как мифологических, так и философских, отнимает у времени столь характерное для него свойство необратимости и придает ему мыслимое лишь в пространстве свойство симметрии. Внутри «олаи» даже пространство дано в модусе временной динамики — как «вместилище» необратимых событий» (Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (общие замечания) // Античность и Византия. М., 1975. С. 269).

Если у греков временно восприятие находилось под сильным воздействием мифологического осмысления действитель-

ности, то римские историки более восприимчивы к линейному течению времени, и ход истории они осмысливают, опираясь на определенные исходные моменты действительной истории (основание Рима и т. д.).

См. об этом: Гуревич А. Я. Категории... С. 31.

Пространство и время служат главными ориентирами и при отображении объективной действительности в языке.

По наблюдению А. Ф. Лосева, «одна и та же вещь, одна и та же личность может быть ... представлена и изображена бесконечно разнообразными формами, смотря по тому, в каком плане пространственно-временного бытия мы ее мыслим» (Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 1930. С. 109; см. также в кн.: Лосев А. Ф. Философия, мифология, культура. М., 1991. С. 88).

Образ мира в человеческом сознании имеет более системный характер, нежели в реальности.

Ю. М. Лотман пишет: «...Объект в процессе структурного описания не только упрощается, но и доорганизовывается, становится более жестко организованным, чем это имеет место на самом деле... Описание неизбежно будет более организованным, чем объект» (Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 463. Труды по знаковым системам, X. Тарту, 1978. С. 20—21).

Системность мировосприятия определяет и характер языковых форм воспроизведения «картины мира». Отображение в высказывании нескольких положений дел, связанных пространственно-временными отношениями, обычно приобретает форму сложной синтаксической структуры; в латинском языке это — предложения с придаточными, присоединяемыми к главной части подчинительными союзами *cum* и *ut*.

§ 47. Союз *cum* обозначает временное соотношение двух положений дел в самом общем виде, о чем свидетельствует частое присутствие в главной части высказывания слов *punc*, *tum*, *tempus* и тому подобных обозначений времени:

Hasdrubal tum forte, cum haec gerebantur, apud Syphacem erat (Liv. 29, 31, 1). Гасдрубал случайно тогда, когда это происходило, был у Сифака.

Конкретизация временного соотношения — одновременность или предшествование — осуществляется посредством соответствующих глагольных форм:

Ut agricola, cum florem oleae videt, bacam quoque se visurum putat, non sine ratione ille quidem... (Cic. Div. 2, 6, 16). Как земледелец, когда видит цветок оливы, думает, что увидит и плод, и не без оснований...

Sed, mihi crede, nemo me vestrum, cum hinc excessero, consequetur (Cic. Tusc. 1, 43, 103). Но, поверь мне, никто из вас, когда я уйду отсюда, не последует за мной.

В грамматиках латинского языка рекомендуется различать следующие значения союза cum в придаточных с глаголом в индикативе: cum temporale, cum iterativum, cum inversum, cum coincidens (cum explicativum) и некоторые другие.

См. например: Kühner R., Stegmann C. Ausführliche Grammatik der Lateinischen Sprache. II Teil. Satzlehre. Bd. 1, 2. 2 Aufl. Hannover, 1914. (Nachdruck: Hannover, 1988); Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Ч. I (теоретическая). М., 1950. С. 274 сл.

Функция cum temporale — временное соотнесение двух предложений дел, содержания придаточного и главного предложений:

Quod ad me attinet, cum te tranquillorem animo esse cognoro, de iis rebus, quae hic geruntur, quemadmodumque se provincia habeat, certius faciam (Cic. Fam. 4, 5, 6). Что касается меня, то, когда узнаю, что ты настроен более спокойно, извещу тебя о том, что происходит здесь и как обстоят дела в провинции.

Cum iterativum трактуется как вариант cum temporale в ситуациях, когда речь идет о повторяющихся действиях (на что указывает форма глагола в главной части — praesens или imperfectum indicativi):

(Galli) cum superaverunt, animalia capta immolant (Caes. B. G. 6, 17, 3). (Галлы) когда одерживают победу, приносят в жертву все захваченное живым.

Cum singulas binae ac ternae naves circumsteterant, milites summa vi transcendere in hostium naves contendebant (Caes. B. G. 3, 15, 1). Когда два или три корабля окружали один корабль врагов, воины изо всех сил спешили перебраться на него.

Союз cum inversum получил свое название потому, что при его посредстве в форме придаточного предложения в повествование вводится основная часть общего содержания высказывания:

Cenabam apud Seium, cum utriusque nostrum redditae sunt a te litterae (Cic. Fam. 9, 7, 1). Я обедал у Сея, когда каждому из нас было вручено письмо от тебя.

lam mille armatorum muri ceperant partem, cum ceterae admontae sunt copiae pluribusque scallis in murum evadebant (Liv. 25, 24, 1).

Уже тысяча вооруженных захватили часть стены, когда было подведено остальное войско, и с помощью множества лестниц они полезли на стену.

Предложения с cum inversum убедительно свидетельствуют, что содержание главного предложения не следует отождествлять с главной идеей высказывания, которая может передаваться придаточным предложением, что и происходит в данном случае.

О недопустимости отождествления содержания формально главного предложения и основной мысли высказывания пишет, в частности, Ф. Брюно (см.: Brunot F. La pensée et la langue. 3 éd. Paris, 1953. P. 29).

Придаточные предложения, присоединяемые союзом cum inversum, предлагаются характеризовать как обладающие особым синтаксическим статусом; cum здесь рассматривается как синоним tum, и его роль в данном употреблении соотносится с ролью указательного наречия (adverbe démonstratif) (см.: Lavency M. Problèmes du classement des propositions en cum // Syntaxe et Latin. Actes du II Congrès International de Linguistique Latine. Aix-en-Provence, 1985. P. 280).

Термином cum coincidens обозначается употребление союза в тех ситуациях, когда, по определению авторов грамматик, два положения дел совпадают по смыслу. По поводу содержания частей сложного предложения, соединенных союзом cum coincidens (еще одно название союза — cum explicativum), можно добавить следующее. Это содержание составляют не два действия, одно из которых поясняет другое, а одно и то же действие, но как бы увиденное с разных сторон. При этом в главном предложении отображается содержание действия, его суть, а в придаточном — его внешнее проявление:

Hi cum de tuis factis publice conqueruntur, nonne hoc indicant tantas esse iniurias, ut multo maluerint de suo more decedere, quam de tuis moribus non dicere? (Cic. Verr. 2, 2, 64, 155).

Когда публично осуждают твои деяния, разве не на то указывают, что несправедливостей столько, что они предпочли бы отступить от своего обычая, чем не говорить о твоих обычаях?

Nulla est igitur haec amicitia, cum alter verum audire non vult (= vult), alter ad mentiendum paratus est (Cic. Lael. 26, 98).

Итак, это никакая не дружба, когда один не хочет слушать правду, а другой готов ко лжи.

Таким образом, в сложных предложениях с союзом cum coincidens (в отличие от всех прочих употреблений союза cum, когда в обеих частях сложного предложения описываются ре-

альные события) содержанием главной части является умозаключение говорящего, его интерпретация события, описываемого посредством придаточного предложения.

Нетрудно убедиться, что отмеченные смысловые расхождения касаются конкретного содержания частей сложных предложений с союзом *cum*. Все рассмотренные интерпретации союза *cum* в придаточных с индикативом являются частными вариантами одного значения: соотнесение во времени положений дел, составляющих содержание придаточной и главной части высказываний — сложных предложений, т. е. значения *cum temporale*.

О контекстном характере различий в содержании перечисленных разновидностей придаточных предложений с союзом *cum* и глаголом в индикативе см. также: Lavency M. *Problèmes...* P. 279—280.

§ 48. *Ut* «как» в придаточных со сказуемым — глаголом в индикативе характеризуется исследователями и как союз, и как относительное наречие.

Придаточные, присоединяемые союзом *ut* и содержащие глагол в индикативе, обычно именуются сравнительными. Как правило, в главном предложении присутствуют корреляты (соотносительные слова) *ut* «как» — *ita*, *sic* «так»:

Ut sementem feceris, ita metes Как посеешь, так и пожнешь.
(Cic. De or. 2, 65, 261).

Scribebant ... ut feras quasdam nulla mitescere arte, sic immitem et implacabilem eius viri animum esse (Liv. 33, 45, 7).
Они писали, что ... как какие-нибудь дикие звери не поддаются укрощению никаким способом, так суров и непримирим дух этого человека.

Принимая во внимание значение слов *ita*, *sic*, можно интерпретировать семантическую связь между частями высказывания, отображаемую обстоятельственным союзом *ut*, как сопоставление событий в пространственной перспективе.

В примерах из архаической латыни, а также иногда в текстах классического периода *ut* интерпретируется как указание на временные отношения:

Nam viri nostri domo ut abierunt, hic tertius (= tertius est) annus (Plaut. Stich. 29—30).
Как уехали из дома наши мужья, третий год уж идет.

Иногда у союза *ut* в придаточных со сказуемым — глаголом в индикативе отмечают уступительное значение:

Verum, ut errare, mi Plance, potuisti ... sic decipi te non potuisse quis non videt (Cic. Fam. 10, 20, 2).

Право, мой Планк, хотя ты мог ошибиться ..., но не мог быть обманут — кто этого не видит?

Формальные характеристики придаточных предложений, в которых союз *ut* трактуется как сравнительный, временной или уступительный, одинаковы: один и тот же союз и индикатив глагола-сказуемого. Следовательно, характер связи между сопоставляемыми положениями дел устанавливается на основании анализа конкретного содержания частей сложноподчиненных предложений. Назначение же союза во всех случаях заключается в соотнесении фрагментов действительности в едином срезе «картины мира» говорящего, свидетельством чему являются лексические показатели в составе предложений: глагол пространственного перемещения *abeo* «уходить» (Plaut. Stich. 29—30), характеризующийся деиктической семантикой (соотносящий с местом произнесения высказывания); пространственный коррелят *sic* (Cic. Fam. 10, 20, 2).

В выделении у союза *ut* значений, передающих пространственную и временную ориентацию положений дел, проявляется объективная взаимосвязь категорий «пространство» и «время».

§ 49. Поскольку и время, и пространство — это объективные категории, их отображение в высказывании есть результат простого восприятия хода событий. Поэтому в рассматриваемых предложениях модальность и главной, и придаточной части представляет собой бытийную оценку описываемых положений дел как фактов. Временные соотношения (одновременность или предшествование содержания придаточного предложения содержанию главного) передаются разными глагольными формами в соответствии с их временными характеристиками.

Однако часто говорящий не ограничивается отображением пространственно-временного соотнесения описываемых событий. В результате практической деятельности человека у него складывается определенное отношение к наблюдаемой действительности, он выявляет более тесные связи и зависимости между положениями дел.

Ср. следующее суждение А. Ф. Лосева: «Мыслить — это не значит просто воспроизводить действительность, но еще ее анализировать, в ней разбираться, находить в ней причины и следствия, приводить ее в систему» (Лосев А. Ф. Языковая структура. М., 1983. С. 136).

В каждой из частей сложноподчиненного предложения может присутствовать качественная оценка отдельных элементов

описываемой ситуации по параметрам «хорошо»/«плохо», выраженная лексическими средствами (как в простых повествовательных предложениях):

(Philodamus) *magnifice et ornate, ut erat in primis inter suos copiosus, convivium comparat* (Филодам), будучи среди своих одним из самых богатых людей, готовит великолепный, изысканный пир. (Cic. Verr. 2, 1, 26, 65).

Помимо введения оценочной лексики, у этих придаточных существует и еще один формальный различительный признак: чередование наклонений глагола-сказуемого (индикатив / конъюнктив).

Чередование наклонений в придаточных при одном и том же подчинительном союзе позволяет подвергнуть сомнению традиционную точку зрения на конъюнктив в придаточных предложениях латинского языка как на формальное средство обозначения грамматического подчинения.

Такое мнение высказывается, в частности, в работах: Meillet A., Vendryès J. *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. 2 éd. Paris, 1948. P. 254–255; Ernout A., Thomas F. *Syntaxe latine*. P. 292.

Параллельное существование сложных предложений с одинаковыми союзами и разными наклонениями глаголов в придаточном предложении позволяет заключить, что выбор наклонения в придаточном осуществляется по инициативе говорящего. Этот выбор отражает активное отношение говорящего к сообщаемому.

§ 50. При употреблении конъюнктива в придаточном предложении после союза *cum* передаваемое этим союзом отношение получает в грамматиках различные интерпретации.

Zenonem ... *cum Athenis essem*, Когда я был в Афинах, я часто *audiebam frequenter* (Cic. N. D. слушал ... Зенона. 1, 21, 59).

Между содержанием придаточного и главного предложений — временная связь; значение союза — *cum historicum*.

По мнению И. М. Тронского, конъюнктив в придаточных с союзом *cum* указывает «на нечто большее, чем простое временное соотношение, на характерную обстановку, на то, что одно событие не могло совершиться, если бы не было другого» (Тронский И. М. Очерки... С. 215. См. также: Riemann O. *Syntaxe latine*. 6 éd. Paris, 1920. P. 388). Придаточные с *cum historicum* иногда получают двойное наименование придаточных времени-причины (см.: Moignet G. *Essai sur le mode subjonctif en latin postclassique et en ancien français*. Paris, 1959. P. 238).

Sed, cum me aegritudo non solum somno privaret, verum ne vigilare quidem sine summo dolore pateretur, tecum ut quasi loquerer, in quo uno acquiesco, hoc nescio quid nullo argumento proposito scribere institui (Cic. Att. 9, 10, 1).

Но так как нездоровье не только лишило меня сна, но даже не позволило мне бодрствовать без сильнейшей боли, я начал писать тебе это, не зная, о чем, без определенной темы, с целью как бы поговорить с тобой, а это — единственное, что меня успокаивает.

Связь между близкими по времени событиями толкуется как причинная. Союз именуется *cum causale*.

Как видим, различие между *cum historicum* и *cum causale* не носит принципиального характера, а лишь свидетельствует об акцентировке разных аспектов одного и того же отношения.

Я. Вакернагель считает, что в содержании в с х придаточных с союзом *cum* и союзом в конъюнктиве обязателен причинный оттенок (см.: Wackernagel J. *Vorlesungen*... S. 244).

Num hoc toto proelio, cum ab hora septima ad vesperum pugnatum sit, aversum hostem videre nemo potuit (Caes. B. G. 1, 26, 2).

В течение всего сражения, хотя оно продолжалось от седьмого часа до вечера, никто не мог видеть врага обратившимся в бегство.

Связь интерпретируется как уступительная; союз — *cum concessivum*.

Вариант значения уступки — значение противительности:

Sic divitias habent quomodo habere dicimur febrem cum illa nos habeat (Sen. Ep. 119, 12).

Они так же владеют богатством, как, когда говорится, что мы имеем лихорадку, между тем как это она владеет нами.

Союз в этом случае трактуется как *cum adversativum*.

Итак, объективная действительность воспринимается человеком в пространственном и временном измерениях. Но в процессе практической деятельности человека им устанавливается более тесная смысловая зависимость между теми или иными положениями дел — причинная или уступительная.

Под причинной в логике понимается явление, связанное с другим явлением, следствием, таким образом, что его возникновение (уничтожение) неизбежно влечет за собой возникновение (уничтожение) следствия (см.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд. М., 1975. С. 479). Ср. также интерпретацию причины как необходимого условия (см.: Вендлер Э. Причинные отношения. Пер. с нем. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. С. 276).

Под уступительным отношением обычно имеется в виду такое отношение, когда существование одного из явлений могло бы помешать, но не помешало возникновению другого явления. «При уступительных отношениях значение обусловленности всегда взаимодействует со значением противительности» (Русская грамматика. Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. II. Синтаксис. М., 1980. С. 562).

Уточнение типа связи между описываемыми положениями дел на базе обретенного знания говорящего есть не что иное как качественная оценка этой связи. Введение в высказывание качественной оценки обстоятельственных отношений между отображаемыми положениями дел отмечается с помощью конъюнктива глагола придаточного предложения. Конкретный характер обстоятельственных отношений — причина или уступка — в таких предложениях не получает формального отображения.

Смысловое различие между придаточными с *cum*, глагол в которых стоит в формах индикатива и конъюнктива, можно сформулировать следующим образом: придаточные с глаголом в индикативе отвечают на вопрос *quando?* «когда?», а придаточные с глаголом в конъюнктиве — на вопрос *quo statu regum?* «при каких обстоятельствах?».

Общий семантический признак придаточных с союзом *cum* и глаголом в конъюнктиве определяется как описание ситуации, обуславливающей основное действие (*situation effective*) (см.: Lavency M. *Problèmes...* P. 280—282).

§ 51. Особо следует сказать о придаточных с союзом *cum* при выражениях типа *fuit tempus*. Глагол в этих придаточных также может стоять и в индикативе, и в конъюнктиве. Ср.:

Nam fuit quoddam tempus cum in agris homines passim bestiarum modo vagabantur et sibi victu fero vitam propagabant (Cic. Inv. 1, 2, 2). Было некогда время, когда в полях повсюду люди блуждали подобно диким зверям и поддерживали свою жизнь грубой пищей. (индикатив)

Ac fuit antea tempus cum Germanos Galli virtute superarent (Caes. B. G. 6, 24, 1). И было прежде время, когда галлы превосходили германцев храбростью. (конъюнктив)

После выражений с обозначением времени придаточные с союзом *cum* и глаголом в индикативе характеризуются как определительные (*épithète déterminative*) и соотносимы с местоимением *hoc*: они указывают на временную протяженность (*définition en extension*). Придаточные с глаголом в конъюнктиве именуются квалифицирующими (*épithète qualificative*); они соотносимы со словами *talis*, *eius modi*, поскольку содержат осмысление характера упоминаемого временного отрезка (*définition en compréhension*). Союз *cum* в этих придаточных приравнивается к относительным наречиям (см.: Lavency M. *Problèmes...* P. 283). Такая семантика

ее характеристика сближает данные придаточные с атрибутивными структурами (см. выше, § 31, с. 58 и ниже, § 75, с. 117).

В отличие от других придаточных с союзом *cum*, назначение которых — описание событий, находящихся в той или иной логической связи с событием, описанным в главной части, придаточные после выражений типа *fuit tempus* представляют собой описание обозначенного этим выражением временного отрезка. Назначение главного предложения — лишь «настроить на полную времени». Что касается оттенка следствия в содержании придаточного, то о нем можно говорить лишь в смысле логического следования мысли (как это было в придаточных с *ut* после глаголов *accidit*, *est*, *convenit* и т. д., см. выше, § 42, с. 75), но не реальных событий, поскольку речь идет, в сущности, об одном событии. Употреблением в таких придаточных конъюнктива, видимо, подчеркивается, что описываемое событие служит качественной характеристикой временного отрезка действительности и что выбор именно этого события носит субъективный характер и принадлежит говорящему.

§ 52. Союз *ut* в сочетании с конъюнктивом глагола-сказуемого придаточного предложения в грамматиках характеризует его как показатель уступительного отношения:

Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas (Ov. Pont. 3, 4, 79). Пусть недостает сил, однако достойно похвалы усердие.

А. Шлеер предполагает, что это значение, практически отсутствующее у союза в архаической латыни и появляющееся лишь в латыни классического периода, сводится к более общему значению «как» (см.: Scherer A. *Handbuch der lateinischen Syntax*. Heidelberg, 1975. S. 266).

В содержании связи, передаваемой союзом *ut*, может присутствовать причинный оттенок:

Ut magna pars Fidenatum, ut qui incolae additi Romanis essent, latine sciebant (Liv. 1, 27, 9). И многие жители Фиден, поскольку они являлись жителями римской колонии, знали латинский язык.

Значение причинности выявляется у союза *ut* преимущественно в поздней латыни и связывается с влиянием древнееврейского и древнегреческого языков (в древнейших библейских текстах) (см.: Fridh Å. *L'emploi causal de la conjonction ut en latin tardif*. Göteborg, 1977. P. 9—29).

Придаточные с союзом *ut* и глаголом в конъюнктиве так же, как и придаточные с союзом *cum*, не имеют специальных грамма-

тических показателей, позволяющих различать частные обстоятельственные значения. Основанием к выделению уступительного оттенка служит слово *tamen* в главном предложении, а также общее содержание высказывания, логическое противопоставление положений дел, составляющих содержание придаточного и главного предложений. Причинная зависимость также устанавливается путем интуитивного анализа конкретного содержания высказывания (в приведенном примере: жизнь в римской колонии предполагает тесные контакты с носителями латинского языка, а также функционирование политических и социальных институтов на латинском языке).

Грамматические же характеристики (союз *ut* и конъюнктив глагола — сказуемого придаточного предложения) служат, во-первых, для соотнесения данных событий в едином срезе «картины мира» и, во-вторых, для обозначения тесной смысловой зависимости между сопоставляемыми событиями.

§ 53. Внешнее сходство придаточных обстоятельственных, присоединяемых союзом *ut* и содержащих глагол в конъюнктиве, с придаточными дополнительными, цели, следствия, изъяснительными, вводимыми таким же союзом (именуемым соответственно *ut objectivum*, *ut finale*, *ut consecutivum*, *ut explicativum*) и также содержащими глагол в конъюнктиве, однако, еще не дает оснований для отождествления содержания этих предложений, которое в придаточных обстоятельственных связано с областью реальных фактов, а в придаточных дополнительных, цели и им подобных — с областью «возможных миров».

Смысловое различие предложений с придаточными двух сопоставляемых типов подтверждается рядом расхождений в их формальных характеристиках. Придаточные дополнительные, цели и им подобные, как правило, ставятся после главного предложения, их присутствие логически обусловлено семантикой управляющего глагола главной части; придаточные обстоятельственные могут стоять и до, и после главного предложения, их содержание автономно и лишь волей говорящего связано с главной частью сложноподчиненного предложения. Положение дополнения подразумевает хронологическую одноплановость управляющим глаголом, чем объясняется употребление в соответствующих придаточных предложениях глагольных форм инфекта. Обстоятельства могут и сопутствовать основному действию, и подготавливать его — поэтому в придаточных обстоятельственных возможно употребление глагольных форм инфек-

та и перфекта, обозначающих соответственно одновременные и предшествующие действия.

Функция конъюктива в придаточных объектного типа (отображение бытийной оценки говорящим содержания придаточного предложения как «возможного мира») аналогична его функции в независимых предложениях и может рассматриваться как первичная. Функция конъюктива в придаточных обстоятельственных (введение говорящим качественной оценки связи между содержанием придаточного и главного предложений) должна быть охарактеризована как вторичная, поскольку она проявляется лишь в определенных условиях — при отображении реальных событий не только в главной части высказывания, но и в придаточном предложении.

В то же время одинаковость союза, присоединяющего к главному предложению придаточные обоих сравниваемых типов (а также придаточные обстоятельственные с глаголом в индикативе), свидетельствует о присутствии в значении союза общего для всех употреблений компонента. Этот компонент — соотнесение в единой «картине мира» положений дел, составляющих содержание придаточной и главной части сложного высказывания.

§ 54. Итак, поскольку бытийная оценка содержания придаточного после обстоятельственных союзов *cum* и *ut* всегда — факт, смена индикатива на конъюнктив означает введение в содержание высказывания оценочного компонента по качественному параметру. И если лексическими средствами осуществляется оценка отдельных элементов содержания придаточного предложения, то конъюнктив используется для выражения оценки этого содержания в целом. Эта оценка воплощается в характеристике связи содержания придаточного предложения с содержанием главной части предложения-высказывания.

В зависимости от характера связи между описываемыми событиями используются разные варианты перевода обстоятельственных союзов *cum* и *ut*: *cum* — «когда», «так как», «хотя»; *ut* — «как», «когда», «хотя».

Глава 3. Расходились ли римляне во взглядах на действительность? (Дифференциация точек зрения)

§ 55. В то время как пространственное соотношение положений дел имеет в латинском языке одно воплощение

(союз *ut*), временная связь может передаваться разными союзами. Многовариантность отображения, по-видимому, вызвана разнообразием временных отношений как между сопоставляемыми положениями дел, так и между ними и говорящим.

Союзы с конкретными временными значениями обычно объединяются в грамматиках по типу передаваемого ими отношения — одновременности (*dum, quamdiu, quotienscumque*), предшествования (*postquam, ut primum, ubi primum, ut, ubi, ex quo, simulatque, simul ut*), следования (*antequam, priusquam, dum, quoad, donec*).

В придаточных, обозначающих реальные события, предшествующие событию, составляющему содержание главной части, всегда употребляется индикатив:

Sed *postquam* Cn. Pompeius ad bellum maritimum atque Mithridaticum missus est, plebis opes inminutae, paucorum potentia crevit (Sall. Cat. 39, 1). Но *после того как* Гн. Помпей послали сражаться на море и с Митридатом, силы плебса уменьшились, могущество немногих возросло.

В придаточных после союзов, указывающих на одновременность или на отнесение действия в будущее, отмечается употребление глагольных форм индикатива и конъюнктива. Чередование наклонений в придаточных времени объясняется в грамматиках следующим образом: индикативом обозначается временной предел основного действия, конъюнктивом — цель этого действия или его предположение субъектом главного предложения.

О конъюнктиве как средстве обозначения цели действия см., в частности, в работах: Ernout A., Thomas F. *Syntaxe latine*. P. 369; Riemann O. *Syntaxe latine*. P. 374. Двойное истолкование приводится в книге: Соболевский С. И. *Грамматика латинского языка*. Ч. I (теоретическая). С. 285.

Таким образом, для одного и того же формального признака (конъюнктив) предлагаются две разные смысловые интерпретации — обозначение цели действия или предположение субъекта главного предложения. Данное объяснение допускает возможность выполнения одной и той же грамматической формой в одинаковых контекстных условиях двух разных функций, что в принципе невозможно.

В последующих параграфах предпринимается попытка выделения общего смыслового компонента, обуславливающего употребление конъюнктива в придаточных после союзов с конкретными временными значениями.

§ 56. *Antequam, priusquam*.

Для начала — несколько примеров:

Antequam opprimit lux maiorque hostium agmina obsaepiunt illi, per hos, qui inordinati atque incompositi obstrepunt portis, triumphamus (Liv. 22, 50, 8).

Nec ante finitum est (proelium), quam tribunus militum quique circa eum constiterant, *interfecti* sunt (Liv. 41, 2, 10).

Глагол придаточных предложений — в индикативе.

Sed *antequam* ad populares leges venias, vim istius caelestis legis explana (Cic. Leg. 2, 4, 9).

Priusquam se hostes ex terrore ac fuga reciperent, in fines Suesonum, qui proximi Remis erant, exercitum duxit (Caes. B. G. 2, 12, 1).

Nam *ante quam* verbum facerem, de bella surrexit atque abiit (Cic. Verr. 2, 4, 65, 147).

Maritimus vero ille et navalis hostis *ante* adesse potest, *quam* quisquam venturum esse suspicari queat... (Cic. Rep. 2, 3, 6).

Ducentis quippe annis *antequam* Chusum oppugnarent urbemque Romam caperent, in Italiam Gallii transcederunt (Liv. 5, 33, 5).

Глагол придаточных предложений — в конъюнктиве.

Значения союзов *antequam, priusquam* предполагают объективную по своей природе временную перспективу. Поэтому можно заключить, что наклонение в придаточных после союзов *antequam, priusquam* связано с бытийной характеристикой описываемого положения дел: посредством наклонения глагола говорящий обозначает, характеризует ли он содержание придаточного предложения как «факт» или как

Прежде чем стемнеет и большие отряды врагов *преграждают* путь, прорвемся же сквозь тех, кто в беспорядке, без всякого боевого строя загроживает ворота.

(Сражение) закончилось *не раньше, чем были убиты* военный трибун и его окружение.

Но *прежде чем ты перейдешь* к законам, придуманным людьми, объясни силу этого небесного закона.

Прежде чем враги *опомнились* от ужаса бегства, он повел войско во владения свессионов, которые были ближайшими соседями ремов.

Прежде чем я успел *вымолвить* слово, он поднялся с кресла и удалился.

В море враг на корабле может приблизиться *раньше, чем* кто-либо сможет заподозрить его приближение...

Ведь галлы перешли в Италию за двести лет *до штурма* Клузия и *захвата* Рима.

«возможный мир». Из примеров видно, что эта характеристика может быть вызвана не только природой оцениваемого объекта — реальная действительность или плод воображения говорящего, — но и индивидуальными особенностями авторской трактовки. Автор может занять остраненную позицию, оценивая реальные события «извне» (индикатив), а может и как бы «погрузиться» в описываемую среду, стать на позицию персонажа, что заставляет его описывать события в придаточном предложении как предполагаемые (конъюнктив). Именно трактовка «до событий», по-видимому, вызвала употребление конъюнктива в последнем примере, где речь идет об общеизвестных исторических фактах. События, описанные в придаточном предложении, рассматриваются с позиций субъекта главной части, как если бы они еще не состоялись.

Ср.: на обозначение относительной ирреальности событий как на довольно частую функцию конъюнктива в придаточных с союзами *antequam*, *priusquam* указывает Я. Вакернагель (см.: *Wackernagel J. Vorlesungen...* S. 247).

Поэтому истолкование в грамматиках в некоторых случаях содержания придаточного предложения с союзами *antequam*, *priusquam* как цели действий субъекта главной части не исключает бытийно-временной характеристики, а лишь дополняет ее, и, таким образом, нет необходимости в их традиционно принятом противопоставлении.

На контекстную природу целевого оттенка в придаточных с союзами *antequam*, *priusquam* указывает также К. Туратье (см.: *Touratier C. Valeurs...* 1983. P. 322).

§ 57. Dum.

В придаточных, вводимых союзом *dum*, также возможны и индикатив, и конъюнктив. Необходимо заметить, что и в главном предложении перед этим союзом возможно чередование индикатива и конъюнктива:

Homines, dum docent, discunt Люди, пока учат, учатся. (в обеих частях — индикатив)

Oderint, dum metuant (Cic. Off. 1, 28, 97). Пусть ненавидят, лишь бы боялись.

Atque illa 'Occidat' inquit, 'dum imperet' (Tac. Ann. 14, 9, 3). А она сказала: «Пусть убьет, только бы царствовал». (в обеих частях — конъюнктив)

В приведенных примерах в главной и придаточной части сложного предложения наклонения глагола совпадают. Такое

употребление глагольных форм отражает одинаковую бытийную характеристику положений дел, составляющих содержание обеих частей высказывания — как реальной действительности (индикатив) или как «возможного мира» (конъюнктив). Это позволяет нам определить назначение союза *dum* в данных предложениях следующим образом: соотнесение двух положений дел, имеющих одинаковую бытийную характеристику, в едином временном отрезке.

В придаточных с союзом *dum* возможно употребление конъюнктива и в тех случаях, когда в главной части употреблен индикатив. Ср.:

Mihi quidem usque curae erit, quid agas, dum, quid egeris, sciero (Cic. Fam. 12, 19, 3). Я же буду постоянно в тревоге о том, как идут твои дела, пока не узнаю, как они шли. (глагол в придаточном — в индикативе)

Inde Villio dimisso (T. Quintilius) paucos moratus dies, dum ad copias ab Corcyra adsequebantur, consilium habuit (Liv. 32, 9, 8). Отослав Виллия, (Т. Квинций), подождя несколько дней, пока его догонит войско от Коркиры, созвал совет. (глагол в придаточном — в конъюнктиве)

(Caesar) *dum reliquae naves eo convenirent, ad horam nonam in ancoris expectavit* (Caes. B. G. 4, 23, 4). (Цезарь) ждал на якоре до девятого часа, пока подойдут туда остальные корабли. (глагол в придаточном — в конъюнктиве)

Наклонения глагола свидетельствуют о разной бытийной оценке содержания частей высказывания: главной части — как «факта» (индикатив), придаточной — как «возможного мира» (конъюнктив).

Разные бытийные характеристики обусловлены тем, что выбор ситуации, описанной в придаточном предложении, как временного предела действия, составляющего содержание главной части, принадлежит субъекту этого действия. Посредством конъюнктива в придаточном предложении (= «возможный мир») говорящий как бы отгораживается от «чужого» авторства в описании прогнозируемой ситуации.

§ 58. Quoad, donec.

Чередование наклонений глагола в придаточных после этих союзов сочетается с неизменностью формы глагола в главной части — это всегда индикатив:

Epaminondas ... (ferrum in corpore) usque eo retinuit, quoad renuntiatum est vicisse Boeotios (Nep. Epam. 9, 3).

(Epaminondas) exercebatur plurimum currendo et luctando ad eum finem, quoad stans complecti posset (adversarium) atque contendere (Nep. Epam. 2, 5).

Q. Fabius ... ipse Capuam propius movit castra agrumque Campanum ferro ignique est depopulatus, donec coacti sunt Campani, nihil admodum viribus suis fidentes egredi portis et castra ante urbem in aperto communire (Liv. 23, 46, 9—10).

Iussusque erat Ti. Claudius mature classem in Siciliam ducere atque inde in Africam traicere, et alter consul M. Servilius ad urbem morari, donec, quo statu res in Africa essent, sciretur (Liv. 30, 38, 6).

Если посредством союза *dum* соединялись описания как одновременных, так и следующих одно за другим на оси времени действий, то содержание придаточных предложений после союзов *quoad*, *donec* всегда воспринимается как обозначение временного предела совершения действия, описанного в главном предложении. Чередованием наклонений в придаточном (индикатив / конъюнктив) говорящий отмечает, рассматривает ли он данный временной предел как реальный или как «возможный мир». Последнее (как и в случае с союзом *dum*) происходит при острашении говорящего от установления этого предела.

§ 59. Итак, различия союзов с конкретными временными значениями можно сформулировать следующим образом: сою-

Эпаминонд ... (острие копья и теле) удерживал до тех пор, пока не пришло известие, что победили беотийцы. (индикатив)

(Эпаминонд) больше всего упреждался в беге и борьбе до тех пор, пока мог стоя обхватить (противника) и бороться. (конъюнктив)

Кв. Фабий ... сам переместил лагерь ближе к Капуе и опустошал кампанские земли огнем и мечом, до тех пор пока кампанцы не оказались вынуждены, совсем не доверяя своим силам, выйти за ворота и разбить лагерь перед городом на открытом месте. (индикатив)

Тиберию Клавдию было приказано быстро вести флот в Сицилию и оттуда перевести его в Африку, а другому консулу, Марку Сервилию, оставаться около Рима до тех пор, пока не будет известно, как обстоят дела в Африке. (конъюнктив)

мы *antequam*, *priusquam* обозначают временную последовательность независимых одно от другого положений дел; союз *dum* — их соположение в едином временном отрезке, а также точку перехода одного в другое на оси времени; союзы *quoad*, *donec* всегда фиксируют временной предел (обозначенный содержанием придаточного предложения) реализации основного действия, описываемого в главной части предложения и составляющего суть высказывания.

Употребление в придаточных предложениях после этих союзов глагола в конъюнктиве свидетельствует об оценке говорящим содержания придаточного предложения как «возможного мира». Такая оценка по большей части вызвана описанием событий в придаточном предложении с позиции персонажа, отличающегося от бытийной оценки этих событий.

В предложениях с союзом *dum* использование конъюнктива не только в придаточном предложении, но и в главной части свидетельствует об отнесении говорящим содержания всего высказывания к области предполагаемого.

Таким образом, в придаточных предложениях с союзами, имеющими конкретные временные значения, мы встречаемся с еще одной ситуацией введения говорящим в высказывание бытийной оценки «возможный мир». Наряду с передачей мыслей и чувств персонажей (в придаточных объектного типа) это может быть описание событий, следующих за основным событием или даже одновременных с ним, в виде пересказа «чужого» хода мыслей — планов и предположений героя главного эпизода.

§ 60. Изложение событий может сопровождаться указанием на причины, обусловившие данный порядок вещей. Придаточные, содержащие описание причин, вводятся в латинском языке союзами *quod*, *quia*, *quoniam*:

(Suebi) vinum ad se omnino importari non sinunt, quod ea re ad laborem ferendum remollescere homines atque effeminari arbitrantur (Caes. B. G. 4, 2, 5).

Quum multa autem paramus quia illi paraverunt, quia apud plebemque sunt (Sen. Ep. 123, 6).

Iude in omnem vitam unguento abstinemus, quoniam optimus

(Свевы) вино вообще не позволяют к себе ввозить, так как считают, что оно изнеживает людей и делает их неприспособленными к перенесению трудностей.

Сколь же многое мы приобретаем, потому что приобрели другие, потому что это есть у большинства.

Оттого я в течение всей жизни воздерживаюсь от благовоний,

odor in corpore est nullus (Sen. Ep. 108, 16). *что лучший запах тела — никакой.*

Придаточные причинного типа нередко сопровождают содержащуюся в главном предложении ту или иную качественную оценку — это так называемая мотивировка оценки.

О компонентах оценочной структуры см.: Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. С. 47 сл.

De animo autem meo erga rem publicam bene facis quod non dubitas (Cic. Att. 7, 3, 3). *Что касается моего отношения к положению государства, то ты хорошо поступаешь, что не сомневаешься в нем.*

Ac mihi quidem videntur homines, cum multis rebus humiliores et infirmiores sint, hac re maxime bestiis praestare, quod loqui possunt (Cic. Inv. 1, 4, 5). *А мне кажется, что люди, хотя во многом ниже и слабее, тем особенно превосходят животных, что могут разговаривать.*

Качественная оценка проявляется и в описании чувств:

Gaude, quod spectant oculi te mille loquentem (Hor. Epist. 1, 6, 19). *Радуйся, так как (тому, что) тысяча глаз смотрит на тебя, когда ты говоришь.*

Содержание главной части высказывания может составлять описание процесса качественной оценки, осуществляемое посредством глаголов laudo «хвалю», reprehendo, vitupero «порицаю», accuso «обвиняю», gratulor «поздравляю», gratias ago «благодарю»:

Et te aliquando conlaudare possum, quod iam videris certa aliqua in sententia constitisse (Cic. Fam. 7, 17, 1). *И тебя, наконец, могу поздравить, потому что ты, видимо, уже остановился на каком-то определенном решении.*

В грамматиках союз quod, присоединяющий придаточные предложения в случаях, когда главное предложение имеет сказуемые — глаголы чувств и оценки, именуется quod explicativum. Представляется, что quod explicativum есть не что иное, как вариант quod causale, и целесообразно рассматривать обе трактовки союза в едином блоке значений.

§ 61. Причинно-следственные отношения устанавливаются говорящим в ходе его практической деятельности, при наблюдении или переживании им реальных событий.

На фактическую основу причинно-следственных отношений указывает З. Вендлер: «Причины — это факты» (Вендлер З. Причинные отношения. С. 275).

Однако, несмотря на реальность содержания придаточных, после союзов с причинным значением возможно употребление глаголов в форме не только индикатива, но и конъюнктива:

At Atheniensibus, locum sepulture intra urbem ut darent, impedire non potui, quod religione impediri dicerent (Cic. Fam. 4, 12, 3). *От афинян я не мог добиться места для погребения в городе, потому что им, по их словам, запрещает это религия.*

В грамматиках использование конъюнктива в придаточных после союзов с причинным значением объясняется как способ обозначить, что причина приводится не от имени говорящего, а от имени субъекта главного предложения.

Как соотносить данную содержательную трактовку с семантикой конъюнктива как средства обозначения области «возможных миров», учитывая, что содержание придаточных причины описывают реальные события?

Причинная зависимость между событиями — это объективное отношение. Однако оно недоступно непосредственному восприятию органами чувств и определяется человеком путем умозаключения на основе обретенного знания. Если причинная зависимость установлена не самим говорящим, а другим лицом, говорящий может оценить ее как «возможный мир». Тем самым говорящий как бы снимает с себя ответственность за данную трактовку связи. Ср. употребление конъюнктива в придаточных времени после союзов quoad, donec, dum (последний — только индикатива в главной части), где говорящий таким образом также обозначает свое неучастие, но не в оценке характера связи (и силу объективности временного соотношения), а в избрании объекта, служащего временным ориентиром.

Ср. К. Туратье трактует конъюнктив в придаточных с quod causale как значение возможности (possibilité). При этом автор уточняет, что данное значение не совпадает со значением конъюнктива в придаточных после временного союза antequam. Семантическая нагрузка конъюнктива в придаточных времени связывается со значением предиката пропозиции, а в придаточных причины — с содержанием этой пропозиции (см.: Touratier C. Valeurs... 1983. P. 322—323). Иными словами, в орбите возможного включается в придаточных, в интерпретации К. Туратье, и причинная характеристика.

Употребление глагола не только в индикативе, но и в конъюнктиве возможно и в придаточных с quod explicativum.

Hoc sentit Homerus, cum *querentem* Iovem inducit, *quod* Sarpedonem filium a morte contra factum eripere *non posset* (Cic. Div. 2, 10, 25).

Dum haec geruntur, legati Carthaginienses *renuntiaverunt quod* Pompeium in potestate *haberent* (Bell. Hisp. 36, 1).

В последнем примере придаточное с *quod* и глаголом в конъюнктиве присоединяется к глаголу говорения (*renuntiaverunt*), свободному от оценочных показателей. Но содержание придаточного связано с событиями, о реальности которых могут судить лишь персонажи — авторы сообщения. Поэтому можно утверждать, что употребление конъюнктива здесь имеет то же объяснение, что и в придаточных с *quod explicativum* после глаголов оценки: так говорящий обозначает свое участие в процессе оценки или в сообщении.

§ 62. После некоторых безличных глаголов (*accidit, evenit, fit* и т. п.) возможно присоединение придаточных с помощью разных союзов: *quod* с глаголом-сказуемым в индикативе и *ut* с глаголом-сказуемым в конъюнктиве (см. выше, § 42, с. 75). Ср.:

Sed accidit perincommode, quod eum *nusquam vidisti* (Cic. Att. 1, 17, 2).

Quod fere plerisque accidit, ut praesidio litterarum diligentiam in perdiscendo ac memoriam *remittant* (Caes. B. G. 6, 14, 4).

В грамматиках отмечается следующее различие придаточных в сравниваемых предложениях: предложение с *quod* содержит факт, известный слушателю или читателю и лишь оцениваемый говорящим, а предложение с *ut* — факт неизвестный, сообщаемый.

Думается, однако, что это объяснение требует уточнения с привлечением понятий, используемых в настоящей работе.

Присутствие в главной части высказывания утверждаемой качественной оценки по параметрам «хорошо» / «плохо» свидетельствует о том, что содержание придаточного (союз *quod*)

Это чувствует Гомер, когда он вводит Зевса, *жалующегося, что он не может* спасти от смерти, вопреки року, сына Сарпедона.

Пока это происходило, картегские послы *сообщили, что они захватили* Помпея.

представляет конкретный факт, что и подтверждается употреблением в нем индикатива. В тех случаях, когда в главной части качественная оценка отсутствует, в придаточном предложении (союз *ut*) описывается типичная, а не конкретная ситуация, то есть «возможный мир», что отмечается конъюнктивом.

Ср. во французском языке, наоборот, в оценочных высказываниях в придаточной части используется конъюнктив. М. К. Сабанеева считает, что употребление конъюнктива в придаточных дополнительных, играющих роль темы, обусловлено семантикой оценки, заключенной в главном предложении (см.: Сабанеева М. К. Функциональный анализ наклонений в современном французском языке. Л., 1984. С. 61).

В редких случаях придаточные с *ut* и глаголом в конъюнктиве могут обозначать конкретные события:

Accidit, ut una nocte omnes Heracleae, *qui in oppido erant* Athenis, *deicerentur* (Nep. Alcib. 3, 2).

Случилось, что в одну ночь все гермы, которые были в Афинах, были повалены.

Употребление здесь конъюнктива можно объяснить аналогичным воздействием грамматической модели «*ut* + conjunctivum».

Различна роль сравниваемых придаточных и в коммуникативной структуре высказывания. Придаточные с союзом *quod* составляют тему («данное») высказывания, ремой («новое») которого является оценка данного факта. Придаточные с *ut* входят в тему, составляя ту информацию, ради передачи которой и формируется высказывание. По-видимому, именно разной коммуникативной ролью сравниваемых придаточных объясняется отмечаемая в грамматиках возможность постановки придаточных с *quod* перед главным предложением, что бывает крайне редко в случае придаточных с *ut*:

Quod autem me Agamemnonem *stimulari putas, falleris* (Nep. Epam. 5, 6).

Что касается того, что ты думаешь, будто я вхожу в соревнование с Агамемноном, то ты ошибаешься.

Придаточные с союзом *quod* при оценочных выражениях типа *accidit perincommode* (см. пример на с. 100) сопоставимы с придаточными, присоединяемыми с помощью того же союза к глаголам оценки (см. § 60, с. 98), следовательно, союз *quod* и в данном случае может быть истолкован как *quod explicativum*.

§ 63. В высказывании могут упоминаться не только причинные события, составляющие основу его содержания, но и обстоя-

ательства, никак не повлиявшие на его ход, хотя они и могли воспрепятствовать его осуществлению. Иными словами, речь идет об обстоятельствах, связанных с основным событием отношениями уступки:

Quamquam animus meminisse horret luctuque refugit, / incipiam (Verg. Aen. 2, 12—13).

Quam (republicam) nos, si licebit, more nostro tuebimur, *quamquam* admodum sumus iam defetigati (Cic. Fam. 12, 25, 6).

В придаточных — индикатив.

Etsi, quamvis non fueris suavor et impulsor profectionis meae, *adprobator* certe fuisti (Cic. Att. 16, 7, 2).

Licet ipsa vitium sit ambitio, frequenter tamen causa virtutum est (Quint. Inst. 1, 2, 22).

Хоть и страшится душа вспоминать и избегает стенаний, я начну.

Если будет возможно, буду оберегать его (государство), как обычно, хотя я уже устал.

И хотя ты не советовал и не побуждал меня к отъезду, ты, во всяком случае, одобрил.

Хотя честолюбие само по себе есть недостаток, однако оно часто является побудительным началом доблестных дел.

В придаточном — конъюнктив.

§ 64. Как и в придаточных причины, в придаточных уступки возможно использование разных союзов (*quamquam, quamvis, licet*) и разных наклонений глагола (индикатив, конъюнктив). Но если в придаточных причины отмечается чередование наклонений при одних и тех же союзах, то в придаточных уступки употребление того или иного наклонения, как правило, связано с определенным союзом: после союза *quamquam* обычно употребляется индикатив, после союзов *quamvis, licet* — конъюнктив. Такая закономерность, казалось бы, заставляет предположить формальный характер употребления глагольных форм.

В то же время при рассмотрении конкретного содержания придаточных уступки с разными союзами обнаруживается следующее различие: содержание придаточных после союза *quamquam* носит чисто описательный характер, в содержании же придаточных, вводимых союзами *quamvis, licet*, присутствует оценочный элемент (в приведенных примерах он содержится в словах *suavor, impulsor, vitium*).

Ср. также наблюдение К. Туратье о тенденции глагола в конъюнктиве в придаточных уступки к сочетанию с прилагательными, чего нельзя сказать о глаголе в индикативе (см.: Touratier C. Valeurs... 1983. P. 332).

Это различие позволяет выдвинуть следующее объяснение выбора союзов и наклонений в придаточных уступки.

Если в качестве потенциального препятствия упоминается реальное событие, доступное всеобщему наблюдению, его реальность обозначается индикативом глагола — сказуемого придаточного предложения, а значение уступки передается лексически — союзом *quamquam*. Если же возможность препятствия устанавливается говорящим на основании какой-либо оценки им некоторого положения дел, то субъективной природа такого вывода передается конъюнктивом глагола — сказуемого придаточного предложения, а также используемыми в этом случае уступительными союзами (*quamvis* — букв.: «насколько хочешь», *licet* — букв.: «можно»).

Ср. К. Туратье определяет конъюнктив в придаточных уступки как «конъюнктив возможности» (*subjonctif de possibilité*), или «конъюнктив характеристики» (*subjonctif de caractérisation*) (см.: Touratier C. Valeurs... 1983. P. 332).

В придаточных уступки обнаруживается некоторая избыточность средств выражения субъективности (значение союза + конъюнктив). Можно считать, что конъюнктив глагола — сказуемого придаточного предложения в данном случае находится в отношениях дополнительности с уступительными союзами. К тому же, вполне вероятно, что буквальное значение союзов носителями языка уже не воспринималось и поэтому вряд ли может считаться полноценным выразительным эквивалентом конъюнктива.

Ср. отмечаемое В. Г. Гаком во французском языке согласование значения субъективности в придаточных предложениях со значением союзов, присоединяющих эти придаточные (см.: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. С. 207).

Иногда (редко) возможно нарушение указанной закономерности в сочетании союзов и наклонений глагола в придаточном:

Quamvis patrem suum numquam viderat, tamen et natura ipse duce, quae plurimum valet, et adsiduis domesticorum sermonibus in paternae vitae similitudinem deductus est (Cic. Nat. Post. 2, 4).

Хотя он никогда не видел своего отца, однако, ведомый и самой природой, от которой зависит очень многое, и постоянными разговорами домашних, построил свою жизнь по подобию отцовской.

В придаточном сочетается союз *quamvis* с индикативом глагола сказуемого.

Возможность такого употребления, на наш взгляд, свидетельствует о том, что главным различительным средством в придаточных уступки является наклонение глагола: в приведенном примере посредством индикатива отмечается чисто описательный характер содержания придаточного предложения. Выбор же союза играет в придаточных уступки, по сравнению с выбором наклонения глагола, второстепенную роль.

Ср.: Я. Вакернагель отмечает возможность употребления конъюнктива после союза *quamquam* и объясняет такое употребление влиянием предложений с союзом *quamvis* и *licet* (см.: Wackernagel J. Vorlesungen... S. 248).

§ 65. Итак, отличие уступительных отношений от причинной зависимости заключается в следующем: причинная зависимость объективна, индивидуально только ее постижение; уступительные отношения, в силу их гипотетичности, изначально субъективны, и их установление может основываться как на простом наблюдении событий, так и на их оценке.

§ 66. В отличие от союзов общей обстоятельственной семантики *cum* и *ut*, с помощью которых говорящий соотносит содержание придаточной и главной части высказываний в пространственно-временной перспективе (в случае необходимости сопровождая повествование интерпретацией данного соотношения как тесной смысловой зависимости, что отмечается конъюнктивом в придаточном предложении), посредством союзов с конкретными временными, причинными и уступительными значениями оказывается возможным подробно охарактеризовать связь между описываемыми положениями дел, а путем использования конъюнктива в придаточном обозначить, если это необходимо, субъективность данной характеристики: рассмотрение событий «изнутри», с позиций их участников (придаточные с союзами *antequam*, *priusquam*); принадлежность оценки другому персонажу (придаточные с союзами *quoad*, *donec*, *dum* — последний после индикатива в главной части; *quod*, *quia*, *quoniam*); индивидуальность трактовки говорящего (придаточные с союзами *quamvis*, *licet*).

Во всех случаях, однако, общим элементом этой субъективной характеристики является отнесение содержания придаточного предложения (включая отношение, связывающее его с главной частью высказывания) к области «возможных миров», чем и объясняется избрание для отражения всех перечисленных модальных оттенков одного языкового средства: конъюнктива глагола — сказуемого этих придаточных.

Глава 4. «Если...» (Условные суждения)

§ 67. Суждения о логической зависимости одного положения дел от другого имеют форму условных предложений (условных периодов). Части условного периода (протасис, содержащий условие, и аподосис, в котором излагается следствие) соединяются союзом *si* (отрицательный вариант — *nisi*), с которого начинается протасис.

У союза *si* выделяют две функции: обозначение предположительности содержания протасиса («гипотетическая» функция) и указание на отношение «условие — следствие» между компонентами условного суждения («условная» функция).

О функциях союза *si* см.: Vairel H. Un modèle d'analyse linguistique des conditionnelles: latin *si di sunt*, *si di sint*, *si di essent* // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. T. LXXVI. Paris, 1981. P. 276. Ср. аналогичную трактовку семантики союза *si* в русском языке (см.: Ляюн М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986. С. 102 — 103).

Гипотетичность отображаемого, и в первую очередь гипотетичность условия, считается основным семантическим признаком условных предложений (см.: Katz J. J., Langendoen D. T. Pragmatics and presupposition // Language. V. 52, n° 1, 1976. P. 7). Русская грамматика. Под ред. Н. Ю. Шведовой. С. 563). В этом отличие условных предложений естественного языка от условных суждений в логике, основным из которых считается отношение «условие — следствие»: условное суждение — это суждение, в котором отображается зависимость того или иного явления от каких-либо условий и в котором основание и следствие соединяются посредством логического союза «если... то» (Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд. М., 1975. С. 629).

Если принять утверждение, что функция союза *si* — обозначение гипотетичности содержания протасиса, то модальная характеристика протасиса условных предложений должна быть всегда одинаковой — «возможный мир».

По видимому, именно такое представление о протасисе лежит в основе замечания А. Пешбицкой, что все предложения, содержащие слово «если» (*«si»*), могут быть перефразированы в предложения с глаголом «вообразить» (*«imagine»*) (см.: Wierzbicka A. *Lingua mentalis: The Semantics of Natural Language*. Sydney, 1980. P. 35).

В латинском языке, однако, такому заключению противоречит употребление глагольных форм в условных предложениях, где возможно чередование наклонений как в протасисе, так и в аподосисе. Ср.:

*Erras enim si existimas nobiscum
etiam nunc* (Sen. Ep. 94, 55).

Ты ошибаешься, если считаешь,
что пороки рождаются вместе с
нами. (индикатив)

In qua (amicitia) nisi, ut dicitur, apertum pectus videas tuumque ostendas, nihil fidum, nihil exploratum habeas (Cic. Lael. 26, 97).

В ней (дружбе), если, как говорят, ты не увидишь незащищенной груди и не выставишь своей, то не будешь иметь ничего преданного и верного. (конъюнктив)

При отнесении закрепленного за союзом si значения гипотетичности к содержанию протасиса употребление в последнем конъюнктива (основная функция которого — обозначение «возможного мира») выглядит избыточным (учитывая принятое значение союза — «гипотетичность»), а индикатива — неоправданным (по той же причине).

Ответ на эти вопросы можно найти, если принять точку зрения, согласно которой функцией латинского союза si является введение в область гипотезы не только содержания протасиса, но всей ситуации, составляющей содержание условного суждения в целом (и протасиса, и аподосиса).

Такое мнение высказано, в частности, в работе: Nutting H. C. The Latin conditional sentence. Berkeley, 1925. P. 46.

Чередование же наклонений глагола как в протасисе, так и в аподосисе свидетельствует о том, что, одновременно со значением гипотетичности, распространяющимся на содержание условного периода в целом и передаваемом союзом si, модальное содержание условного суждения (как и любого другого высказывания) включает модальную характеристику содержания его частей.

§ 68. В традиционной классификации условных предложений латинского языка различают условные предложения трех типов: реального, потенциального, ирреального. Формальным показателем условных предложений реального типа является употребление глагола в формах разных времен индикатива (в аподосисе могут также употребляться императив и конъюнктив в значениях, близких к императиву):

Ne illi vehementer errant, si illam meam pristinam lenitatem perpetuam sperant futuram (Cic. Cat. 2, 3, 6).

Право же, они сильно заблуждаются, если надеются, что моя прежняя снисходительность будет длиться вечно.

Itaque in urbe maneo <ac>, si licebit, manebo (Cic. Phil. 12, 10, 24).

Итак, я остаюсь в Риме и, если будет позволено, останусь и дальше.

si quid in te peccavi, ... ignosce (Cic. Att. 3, 15, 4).

Если я в чем провинился перед тобой, ... прости.

Формальный признак условных предложений потенциального типа — глаголы в praesens и perfectum conjunctivi:

Nam si omnia facienda sint, quae amici velint, non amicitiae tales, sed coniurationes putandae sint (Cic. Off. 3, 10, 44).

Ведь если бы нужно было делать все, чего хотят друзья, это следовало бы считать не дружбой, а заговором.

Ego quoque ... didicerim libenter, si quid attuleris, quam te reprehenderim (Cic. Fin. 2, 3, 8).

Я бы также ... скорее прислушался, если бы ты что-нибудь предложил, чем осудил бы тебя.

В условных предложениях ирреального типа глагол стоит в формах imperfectum и plusquamperfectum conjunctivi:

Nam quem ferret, si parentem non ferret quom? (Ter. Heaut. 202).

Ведь от кого бы другого он стерпел, если бы не стерпел от своего отца?

Plures cecidissent, ni nox proelio intervenisset (Liv. 23, 18, 6).

Многие бы погибли, если бы ночь не прервала сражения.

Основываясь на употреблении глагольных форм, можно заключить, что содержание протасиса и аподосиса условных периодов реального типа (глаголы в индикативе) отображает объективную действительность, потенциального и ирреального (глаголы в конъюнктиве) — воображаемое положение дел, «возможный мир».

Сочетание значения гипотетичности, передаваемого союзом si, с модальной оценкой содержания протасиса и аподосиса как соответствующего объективной действительности не является противоречивым: в значении гипотетичности воплощена характеристика содержания суждения в целом, но это не исключает возможности отражения в нем событий объективной действительности (что и имеет место в условных предложениях реального типа).

Можно сказать, что в условных предложениях получает аналитическое воплощение процесс формирования модального содержания любого высказывания, если выделить в процессе формирования модальности высказывания две последовательные семантические операции: образование внутренней модальной рамки — фиксирование объективного положения вещей, а затем — характеристику пропозиции как актуальной (действительной, т. е. отражающей конкретное событие) или виртуальной (обозначающей принципиально возможное положение вещей) (см.: Кабанов П. В., Храковский В. С. От пропозиции к семантике предложения // Типология конструкций с предикатными актантами. М., 1985. С. 17). Ср. также рассуждение о возможности двойной модальной характеристики содержания ус-

ловных предложений с глаголами в индикативе: «истинно» (имеется в виду отражение конкретной ситуации) и «истинно или ложно» (отражение ситуации, которая в принципе может соответствовать реальной действительности) (см.: Baratin M. Remarques sur l'emploi des temps et des modes dans le système conditionnel latin // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. T. LXXVI. Paris, 1981. P. 253–254).

Значения потенциальности и ирреальности представляют собой варианты модального значения «возможный мир» — в его отнесении к настоящему или к прошлому. Разграничение этих значений основывается на формальных глагольных показателях: временных формах глагола. В нормативных грамматиках утверждается: посредством *praesens* или *perfectum conjunctivi* обозначается ситуация, возможная в настоящем или в будущем, посредством *imperfectum conjunctivi* — ирреальность в настоящем, *plusquamperfectum conjunctivi* — ирреальность в прошлом.

Существует мнение, что действие, переданное посредством *imperfectum conjunctivi*, может интерпретироваться не только как нереальное в настоящем, но и как потенциальное в прошлом (см.: Harris M. B. The historical development of *clauses in Romance* // On conditionals. Cambridge, 1986. P. 267).

Стремление исследователей отразить сложность модальной семантики условных предложений выражается в пересмотре семантических связей между условными предложениями разных типов. Так, существует точка зрения, согласно которой типы условных предложений — *realis*, *potentialis* и *irrealis* — организуются не в тройную оппозицию, а в две иерархически организованные оппозиции: одна (автор называет ее модальной) соответствует морфологическому противопоставлению «индикатив / конъюнктив», другая, подчиненная предыдущей (именуемая временной), реализуется в пределах потенциального и ирреального периодов: *praesens conj.* / *imperfectum* и *plusquamperfectum conj.* (см.: Vairel H. Un modèle. P. 28).

Таким образом, при объяснении употребления глагольных форм в условных предложениях потенциального и ирреального типа оказываются тесно переплетенными модальные и временные характеристики предполагаемых ситуаций.

§ 69. Уточнения исследователями традиционной классификации условных предложений направлены главным образом на те из них, которые содержат глагольные формы в конъюнктиве. При этом наиболее спорным местом в существующих классификациях считается вопрос о предложениях, содержащих глаголы в *imperfectum conjunctivi*, из-за объединения в значении этой формы компонентов «незавершенность» и «обращенность к прошлому».

При изучении языкового материала оказывается, что довольно часто употребление глагольных форм отличается от типовой схемы. Так, например, возможно сочетание *plusquamperfectum conjunctivi* в протасисе и *imperfectum conjunctivi* в аподосисе:

Quod si nostris consiliis usi essemus neque apud nos tantum valuisset sermo aut stultorum amicum aut improborum, beatissimum viveremus (Cic. Fam. 14, 1, 1).

Если бы я руководствовался своими решениями и на меня не действовали в такой степени слова глупых или бесчестных друзей, я жил бы как счастливейший человек.

Употребление *imperfectum conjunctivi* в аподосисе условных предложений ирреального типа при *plusquamperfectum conjunctivi* в протасисе исследователи объясняют требованиями конкретного содержания высказывания.

В таком употреблении глагольных форм усматривается, в частности, необходимость подчеркнуть, «что настоящее было бы иным, если бы прошлое не было таким, каким оно было» (Nutting H. C. The Latin conditional sentence... P. 150. См. также: Allcroft A. H., Haydon J. H. Latin composition and syntax. 3 ed. London, 1909. P. 96).

Возможно и обратное сочетание глагольных форм: *imperfectum conjunctivi* в протасисе и *plusquamperfectum conjunctivi* в аподосисе:

Quae (consilium, ratio, sententia) nisi essent in senibus, non summum consilium maiores nostri appellasset senatum (Cic. Sen. 9, 10).

Если бы старики (*senes*) не имели этого (разума, мыслей, своего мнения), наши предки не назвали бы высший совещательный орган сенатом.

Употребление *imperfectum conjunctivi* в протасисе в сочетании с *plusquamperfectum conjunctivi* в аподосисе получает множество конкретных объяснений, представляющих в их совокупности довольно сложную и неоднозначную картину. Часто *imperfectum conjunctivi* в протасисе истолковывается как указание на временную протяженность обозначаемого состояния вплоть до настоящего времени:

Etiam si bella externa et obitas pro re publica mortes tanta casuum similitudine memorarem, neque ipsum satias cepisset, illorumque taedium expectarem (Tac. Ann. 16, 16, 1).

Даже если бы я стал напоминать о войнах в чужих землях и о жизнях, отданных за республику во многих схожих ситуациях, то и мне самому бы это приелось, и в других я бы ожидал чувства отвращения.

Imperfectum conjunctivi используется в протасисе, содержание которого носит обобщающий, подытоживающий характер:

Malite existumare maiores nostros minus rem publicam ex parva mag-

Не считайте, что наши предки превратили государство из мало-

nam fecisse. Si ita esset, multo pulcherrumam eam nos haberemus (Sall. Cat. 52, 19–20).

го в великое с помощью оружия. Если бы было так, то при нас оно бы стало еще более прекрасным.

Иногда употребление imperfectum conjunctivi в протасисе объясняют стилистическими мотивами — желанием избежать монотонности, если первое из двух однородных сказуемых протасиса стоит в plusquamperfectum conjunctivi, аттракцией в ситуации косвенной речи и т. п.

Подробный разбор вариантов «смешанного» употребления глагольных форм в условных периодах содержится в работе: Nutting H. C. The Latin conditional sentence.

§ 70. Обозначаемое посредством imperfectum conjunctivi ирреальное положение дел («противоположное факту») может противопоставляться и прошлому, и настоящему, а иногда и будущему. Противопоставление разным временным отрезкам можно, если речь идет о каком-либо процессе или состоянии, из чего следует, что мотивы выбора данной глагольной формы следует искать в значениях соответствующих глаголов. Убеждает в этом и использование в условном периоде imperfectum conjunctivi в сочетании с plusquamperfectum conjunctivi, при отнесении обоих положений дел к одному временному срезу:

Memoriam quoque ipsam cum voce perdissemus, si tam in nostra potestate esset oblivisci, quam tacere (Tac. Agr. 2, 3).

Мы потеряли бы вместе с голосом и саму память, если бы в наших силах было не только молчать, но и забывать.

Quae quidem ego non ferrem, nisi me in philosophiae portum contulissem et nisi haberem socium studiorum meorum Atticum nostrum (Cic. Fam. 7, 30, 2).

Я не перенес бы этого, если бы не направился в гавань философии и если бы участником моих занятий не был наш Атик.

В лингвистической литературе обращается внимание на согласование в языках системных функций глагольных форм с лексико-грамматическими свойствами глаголов при определяющей роли лексического значения (см.: Martin R. Temps et aspect. Essai sur l'emploi des temps narratifs en moyen français. Paris, 1971. P. 163 и др.).

Сопоставляя формы глаголов в условных предложениях латинского языка и их значения, можно заметить, что формы praesens и imperfectum conjunctivi характерны для неопределенных глаголов, а perfectum и plusquamperfectum conjunctivi — для предельных.

1) глаголах предельных (обозначающих действие, которое по своей природе имеет конец) и неопределенных (обозначающих действия, которые не предполагают предела: глаголы бытия, отношения и восприятия, общих действий и занятий) см.: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1984 (1-е изд. — 1979. С. 167–168); Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 138–139.

Эта закономерность имеет исключения. Imperfectum conjunctivi иногда обозначает действие, предполагающее предел:

Pluribus verbis ad te scriberem, Я написал бы тебе больше, если бы ... это дело нуждалось в словах и не говорило само за себя. 1, 2, 2).

Обозначение формой imperfectum conjunctivi предельного действия, видимо, обусловлено тем, что говорящий сообщает о данном действии в момент его осуществления, когда он может представить его как длительное.

Ср. Е. А. Реферовская отмечает, что любое, даже самое короткое действие требует для своего осуществления некоторого «оперативного» времени, и о нем можно говорить, отвлекаясь от его предела (см.: Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983. С. 134).

Итак, можно утверждать, что выбор глагольной формы в условных предложениях потенциального и ирреального типа диктуется значением предиката: противопоставлением по признаку «предельность / неопределенность». Неопределенный глагол может быть употреблен в формах praesens или imperfectum conjunctivi, а предельный — в формах perfectum или plusquamperfectum conjunctivi, в зависимости от того, рассматривает ли говорящий условие или следствие как возможное (потенциальный тип) или невозможное (ирреальный тип).

Редкое употребление в условных предложениях потенциального типа формы perfectum conjunctivi объясняется, видимо, тем, что, когда какое-либо действие рассматривается как возможное в настоящем и будущем, естественнее представлять его приложенным, что и достигается использованием соответствующих глаголов в форме praesens conjunctivi. Форма perfectum conjunctivi, как правило, используется в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть результат действия (иногда это выражено упоминанием в пределах одного предложения череды действий):

Ne gladium quis apud te sanamente deposuerit, repetat in- Если бы кто в здравом уме положил у тебя меч на сохране-

saniens, reddere peccatum sit, officium non reddere (Cic. Off. 3, 25, 95).

ние, а *стал бы требовать* его обратно, будучи безумным, то отдать его было бы преступлением, а обязанностью было бы не отдавать.

§ 71. Условные предложения отличаются от всех ранее рассмотренных сложноподчиненных предложений характером смысловой зависимости между частями высказывания. Если во всех прочих предложениях независимым компонентом является содержание главной части высказывания, то в условных периодах исходным смысловым элементом является часть, вводимая союзом, — протасис. Содержание аподосиса логически следует за содержанием протасиса. Одноуровневость и равноценность содержания частей условных периодов составляют основные характеристики их семантической структуры.

Роль конъюктива в условных предложениях сравнивают с функциями *conjunctivus optativus* и *conjunctivus potentialis* в независимых предложениях. При этом сравнении, однако, не уточняется, о какой из частей условного периода — протасисе или аподосисе — идет речь при упоминании той или иной функции. Линейный (последовательный) ход мысли в условном суждении служит основанием для предположения, что сопоставление с независимым конъюнктивом следует осуществлять для каждой из частей условного периода отдельно.

Ср.: независимость употребления наклонений в протасисе и аподосисе условных предложений отстает также в работе: Rosen H. B. On some grammatical uses and functional values of the subjunctive // Rosen H., Rosen H. B. On Moods and Tenses of the Latin Verb. München, 1980. P. 16 ss.

Протасис условных периодов потенциального и ирреального типа всегда отмечен предпочтением говорящего (имеется в виду избрание последним именно данного «возможного мира» в качестве основы суждения), вследствие чего роль конъюнктива здесь можно соотнести с функцией *conjunctivus optativus* в независимом употреблении. Ср.:

Si quidem, hercle, mihi regnum detur, numquam id potius persequar (Plaut. Curc. 211).

Если даже, клянусь Гераклом, мне *давали бы* царство, никогда бы я не стремился к нему больше.

Falsus utinam vates sim! (Liv. 21, 10, 10).

О *если бы* я был ложным пророком!

Наличие в содержании протасиса оценочного компонента

подтверждается существованием в латинском языке независимых оптативных предложений с частицей *si*:

O mihi praeteritos referat si Iupiter annos! (Verg. Aen. 8, 560). О *если б* вернул мне Юпитер ушедшие годы!

Существует мнение, что такие предложения развились из протасиса условного периода. Их возникновение представляется достаточно поздним — они отмечаются в латинских текстах лишь начиная с Вергилия (I в. до н. э.) (см.: Bassols de l'Imment M. Syntaxis histórica de la lengua latina. T. II, 1. Las formas personales del verbo. Barcelona, 1948. P. 469). Эта синтаксическая модель перешла и в романские языки. Ср.: *um. Se venisse! Se avessi potuto! фр. S'il venait! Si j'avais pu исп. Si viniera (viniese)! Si hubiera (hubiese) podido!*

Что же касается аподосиса, то, поскольку содержание этой части условного предложения мотивировано содержанием протасиса, а не инициативой говорящего, роль конъюктива здесь приближается к функции *conjunctivus potentialis*. Ср.:

Qui (populus) si tecum congregiatur et si una voce loqui possit, haec dicat... (Cic. Planc. 5, 12).

Если бы он (народ) *встретился* с тобой и *мог* говорить в один голос, он *сказал бы* следующее...

Vix veri simile fortasse videatur (Cic. Fam. 7, 2, 3).

Пожалуй, едва ли это *покажется* правдоподобным.

Необходимо также отметить, что, наряду с уже отмеченным значением *conjunctivus potentialis*, в аподосисе возможно употребление конъюктива и в значении, близком к императиву (см. § 72).

§ 72. Если использование в условных предложениях разных временных форм конъюктива обусловлено семантикой соответствующих глаголов, то чередование наклонений, обозначающих соответственно реальность / ирреальность действия (индикатив / конъюнктив), вызвано субъективной причиной — оценкой говорящего. С особой очевидностью это выявляется в использовании глагольных форм разных наклонений в «смешанных» условных периодах.

Использование в аподосисе разных глагольных форм при протасисе реального типа отображает неодинаковую модальную оценку говорящим содержания аподосиса: указание на соответствие содержания аподосиса объективной действительности (индикатив), выражение желания, чтобы данное положение дел соответствовало объективной действительности (императив, конъюнктив). Ср.:

Quam (naturam) si sequemur
ducem, numquam aberrabimus
(Cic. Off. 1, 28, 100).

Если мы прибежем к ее (при-
роды) руководству, то никогда
не будем заблуждаться —

в протасисе и аподосисе глаголы в формах индикатива.

Audi reliqua et risum contine, si
potes (Cic. Fin. 4, 25, 71).

Слушай остальное и сдержи
смех, если сможешь —

в протасисе глагол в форме индикатива, в аподосисе — импера-
тива.

Si volumus aequi rerum omnium
iudices esse, hoc primum nobis
persuadeamus neminem nostrum
esse sine culpa (Sen. Ira. 2, 27,
5).

Если мы хотим быть справед-
ливыми судьями во всем, то да-
вайте убедим себя прежде все-
го в следующем: никто из нас
не безупречен —

в протасисе глагол в форме индикатива, в аподосисе — в форме
praesens conjunctivi.

Praesens conjunctivi и императив в аподосисе «смешанного»
условного периода используются при побуждении адресата к ка-
ким-либо действиям (с одновременной мотивировкой этих дейст-
вий — протасис с глаголом в индикативе). Такое употребление
конъюнктива в аподосисе сопоставимо с его функциями в незави-
симых предложениях (conj. adhortativus, conj. prohibitivus и др.),
передающих оценочное отношение говорящего к отображаемому.

Возможно и обратное распределение наклонений глагола: при
употреблении в протасисе форм конъюнктива («возможный
мир») — индикатив в аподосисе (содержание которого тракту-
ется говорящим как реальная ситуация):

Dic mihi: si fias tu leo, qualis
eris? (Mart. 12, 92).

Скажи мне, если бы ты обра-
тился во льва, — каков будешь?

Nam et omnino supervacua erat
doctrina, si natura sufficeret
(Quint. Inst. 2, 8, 8).

Ведь и вообще наука была (бы)
излишня, если бы было доста-
точно природы.

Ср. интерпретацию употребления индикатива в аподосисе при конъюнктиве в
протасисе как указание на то, что ситуация, отображаемая в аподосисе, представ-
ляется имевшей место (см.: Allcroft A. H., Haydon J. H. Latin composition and
syntax. P. 95).

Несовпадение наклонений глагола в протасисе и аподосисе
«смешанных» условных периодов свидетельствует о том, что
модальность аподосиса складывается не в зависимости от мо-
дальности протасиса, а как если бы аподосис представлял со-
бой самостоятельное высказывание. В тех случаях, когда в «сме-
шанных» условных периодах глагол протасиса стоит в конъ-
юнктиве, а глагол аподосиса — в индикативе, формирование

модальности аподосиса можно представить себе следующим об-
разом: говорящий как бы «погружается в среду», «видит» си-
туацию, изображенную в протасисе, как реальное событие.

Существуют и другие объяснения. Например, А. Ронкони считает, что содер-
жание аподосиса «смешанных» условных периодов не является логическим следст-
вием из содержания протасиса. Логический аподосис в таких предложениях опу-
щен. Данные условные периоды, по мнению автора, правильнее было бы имено-
вать «эллиптическими». А. Ронкони приводит следующий пример «эллиптическо-
го» периода:

Difficillor facta oppugnatio erat [neque res
nil exitum perducta esset] ni T. Quinctius
operiretisset (Liv. 34, 29, 10).

Штурм оказался бы труднее [и дело не
было бы доведено до конца], если бы не
появился Т. Квинций

(см.: Ronconi A. Il verbo latino... P. 72).

§ 73. Итак, мы попытались показать, что выбор глагольных
форм в условных предложениях обусловлен модальной харак-
теристикой компонентов условных периодов — протасиса и
аподосиса, а также семантикой используемых глаголов. Кон-
кретный контекст и коммуникативная ситуация создают пред-
посылки для многообразных лексико-грамматических вариан-
тов. Употребление глагольных форм в протасисе и аподосисе
автономно; оно зависит лишь от содержания высказывания и
коммуникативной ситуации.

Ср. многообразие вариантов «смешанных» условных периодов отмечается и в
древнегреческом языке (см.: Тахо-Годи А. А. Синтаксис сложного предложения в
комедии Менавдра «Дискос» // Вопросы классической филологии. Вып. I. М.,
1965. С. 84).

Ниже предлагается схема модальных значений, формирую-
щих модальность условных периодов, и указываются языковые
средства их выражения.

Таблица 4

Модальное содержание условных периодов в латинском языке

Сущность модальной характеристики (высказывания в целом)	Гипотетичность (союз si)		
	Отображение объективной действитель- ности	«Возможный мир»	
Частная модальная характеристика (протасиса и аподосиса)		потенциальный	ирреальный
Способы языкового выражения	формы индикатива	praesens или perfectum conjunctivi	imperfectum conj. — в ос- новном для неопределенных глаголов; plusquamperfectum conj. — для предельных глаголов

§ 74. Исследователи указывают на имплицитное (не получающее формального выражения) присутствие в некоторых условных предложениях, помимо гипотетичности, также причинной, уступительной, адверсативной (противительной) связи.

Об условных предложениях сложной семантики см., в частности: Nutting H. C. The Latin conditional sentence. P. 45 ss.

Quodsi iam ita esset, ut esse non potest, tamen de nostra maiestate nihil de illorum caveretur (Cic. Balb. 16, 37). Даже если бы это было так, как не может быть, однако ничто из этого не могло бы обеспечить нашего авторитета. (уступка)

Si barbarorum est in diem vivere, nostra consilia sempiternum tempus spectare debent (Cic. De or. 2, 40, 169). Если варварам свойственно жить одним днем, то наши советы должны быть рассчитаны на вечность. (противопоставление)

В латинском языке существуют специальные союзы для выражения связей смешанного типа. Союзы quasi, tamquam (si), ut si, velut si, ac si вводят придаточные предложения, именуемые в грамматиках условно-сравнительными:

Quarum una ... mihi ad pedes misera iacuit, quasi ego eius excitare ab inferis filium possem (Cic. Verr. 2, 5, 49, 129). Из них одна ... несчастная бросилась к моим ногам, как если бы я мог вызвать ее сына из царства мертвых.

Несмотря на разнообразие союзов, присоединяющих условно-сравнительные предложения, основным, объединяющим компонентом в их значениях является условная зависимость (это формально подтверждается присутствием в их составе элемента si). В этих предложениях всегда употребляется конъюнктив, что вполне согласуется с потенциальным или ирреальным характером их содержания.

Лексическое воплощение может получать и отношение обусловленности, осложненное отношением уступки — в союзах etsi, etiamsi, tametsi:

Etsi satis clemens sum in disputando, tamen interdum soleo subirasce (Cic. Fin. 2, 4, 12). Хотя я во время спора достаточно кроток, однако иногда случается рассердиться.

Sed quod crebro videt, non miratur, etiamsi, cur fiat, nescit (Cic. Div. 2, 22, 49). Но он не удивляется тому, что видит часто, даже если не знает, отчего так бывает.

Sunt enim, qui, quod sentiunt, etsi Есть ведь такие, кто, боясь не-

optimum sit, tamen invidiae metu non audeant dicere (Cic. Off. 1, 24, 84). висти, пожалуй, не осмелится высказать свою мысль, даже если бы она была очень хорошей.

Глагол-сказуемое этих предложений по большей части стоит в индикативе, хотя возможен и конъюнктив.

Разряд условно-уступительных предложений выделяется и в грамматиках других индоевропейских языков. Существует мнение, что эти предложения лишь внешне похожи на условные, но не имеют «силы обусловленности» (conditional force) (см. Fraser B. An analysis of 'even' in English // Studies in Linguistic Semantics. New York, 1971. P. 158). Обращается внимание на следующее семантическое различие между условными и уступительными предложениями: содержание условного периода не актуализовано, а ситуации, связанные отношениями уступки, всегда имеют конкретный характер. С учетом этого различия, условно-уступительные предложения, в зависимости от их содержания, могут семантически сближаться либо с условными, либо с уступительными (см.: König E. Conditionals, concessive conditionals and concessives: areas of contrast, overlap and neutralization // On conditionals. Cambridge, 1986. P. 231).

По нашему мнению, главное расхождение между условно-уступительными предложениями и протасисом условных периодов заключается в их неодинаковой роли в высказывании — в сложном предложении. Условно-уступительные предложения дополняют, уточняют содержание главной части высказывания, занимая в последнем периферийную позицию, протасис условного периода, наоборот, играет роль смыслового зачина.

Разные коммуникативные функции сравниваемых предложений согласуются с разным модальным содержанием высказываний — сложных предложений, в состав которых они входят. Главная часть сложных предложений с придаточными условно-уступительными обычно представляет собой предложение повествовательного типа с бытийной оценкой содержания как «факта». Основной модальный компонент условных периодов, как уже говорилось ранее (см. § 67, с. 105), — предположительный. Бытийная оценка содержания и условно-уступительных придаточных, и протасиса условных периодов может быть разной: «факт» (индикатив) — «возможный мир» (конъюнктив).

Глава 5. Охарактеризовать — значит объяснить... (Выразительные возможности развернутых определений)

§ 75 В ходе изложения говорящий может вводить в высказывание дополнительную информацию в форме придаточных относительных, присоединяемых к разным компонентам главной части предложения.

Название «относительные» эти придаточные получили по формальному признаку: они присоединяются к главной части посредством относительных местоимений и наречий. Другое название этих придаточных — «определятельные», по семантике и синтаксической роли данных придаточных в сложном предложении.

Э. Бенвенист определяет относительное предложение в общем случае как подчиненное предложение, которое прикрепляется при помощи местоимений к предшествующему члену (см.: Бенвенист Э. Относительное предложение, проблема общего языкознания // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 153). Подробное описание синтаксических особенностей относительных (определятельных) предложений в латинском и ряде новых европейских языков содержится в работе: Touratier C. La relative: Essai de théorie syntaxique. Paris, 1980.

Семантика относительных (определятельных) предложений схожа с семантикой причастных оборотов (см. выше, § 31, с. 59). У придаточных определятельных также отмечаются две основные функции — спецификация (конкретизация определяемого) и характеристика (его развернутая характеристика). Ср.:

Omnibus rebus ad profectionem comparatis diem dicunt, qua die ad ripam Rhodani omnes conveniant (Caes. B. G. 1, 6, 4). Приготовив все необходимое для похода, они назначают день, в который всем нужно собраться на берегу Родана.

В придаточном предложении уточняется понятие «день», введенное в главном предложении (спецификация).

Actio maluit iter facere pedibus, qui incommodissime navi, Претерпев в плавании большие неудобства, мы предпочли проделывать путь в Акий посуху.

В придаточном предложении описывается ситуация, обуславливающая действия субъекта главного предложения. Это описание служит дополнительной характеристикой данного субъекта, являясь объяснением его поведения (характеристика).

Придаточные определятельные в функции спецификации (determinatives) соотносятся с местоимением hic, haec, hoc, а в функции характеристики (qualificatives) — с местоимением talis (см.: Lavency M. Usus Grammaire latine (Description du latin classique en vue de la lecture des auteurs). Paris — Gembloux, 1985. P. 232).

Придаточное определятельное в функции спецификации является обязательным компонентом сложного предложения, что подтверждается нередким присутствием в главном пред-

ложении перед существительным, обозначающим определяемое понятие, указательного местоимения общей семантики is, ea, illi, которое сигнализирует о последующей конкретизации понятия.

Aquitania a Garumna flumine ad Pyrenaeos montes et eam partem Garumnae quae est ad Hispaniam, pertinet; spectat inter occasum solis et septentriones (Caes. B. G. 1, 1, 7). Аквитания простирается от реки Гарумны до Пиренейских гор и до той части Океана, которая омывает Испанию; она обращена на северо-запад.

Придаточное определятельное в функции характеристики функционировало. Существительное, к которому оно относится, обозначает понятие, уже конкретизированное в пределах главного предложения. Это могут быть даже имена собственных, исключающие неопределенность в толковании объекта:

A lacu Lemanno, qui in flumen Rhodanum influit, ad montem Iuram, qui fines Sequanorum ab Helvetiis dividit, milia passuum decem novem murum in altitudinem pedum sedecim fossamque perducit (Caes. B. G. 1, 8, 1). ...Он сооружает стену длиной в 19 миль и высотой в 16 футов и ров от Леманского озера, которое дает начало реке Родану, до горы Юры, которая отделяет область секванов от гельветов.

§ 76. В придаточных относительных (определятельных) возможно использование разных наклонений глагола — индикатива и конъюнктива. В грамматиках отмечается, что употребление конъюнктива свидетельствует о присутствии в придаточном предложении, помимо главного, определятельного, значения, еще и сопутствующего смыслового оттенка. Придаточное может указывать на цель, причину, условие основного действия, на возможное следствие из него, а также может иметь уступительное значение. Посредством конъюнктива обозначается также, что содержание придаточного предложения отражает мысли (или слова) не самого говорящего, а субъекта главной части высказывания.

Здесь необходимо уточнить, что формы конъюнктива, отмечая присутствие сопутствующих смысловых оттенков, тем не менее, сами по себе еще не несут необходимой конкретизирующей информации.

По-видимому, именно это обстоятельство послужило основанием для следующего замечания И. М. Троицкого: «Дело не в значении «оттенка» ..., а в том, что вообще наличие, что перед нами не простое определятельное предложение, не голый факт, а некая добавочная, более глубокая, более интимная связь вещей» (Троицкий И. М. Очерки... С. 214). Тонко подметив особую роль конъюнктива в

придаточных определительных, автор, к сожалению, оставляет без внимания те семантические «подсказки», благодаря которым удастся установить характер смыслового оттенка в каждом отдельном случае.

Ниже мы попытаемся сформулировать объективные ориентиры различения оттенков значения, вызывающих употребление конъюнктива в придаточных определительных.

§ 77. Выражение сопутствующих смысловых оттенков возможно при выполнении придаточным функции характеристики, то есть при осуществлении развернутой характеристики определяемого. Поэтому для выявления смысловой нагрузки конъюнктива в таком придаточном необходимо обратиться к содержанию главной части предложения и определить семантические показатели реализации того или иного смыслового оттенка в содержании придаточного предложения.

Для содержания главной части предложений, включающих придаточные определительные с оттенком цели, характерна незавершенность. Адресат оказывается как бы «настроенным на волну» выяснения цели действия, описанного в главной части высказывания:

Relinquendum etiam rumoribus tempus, quo senescant (Tac. Ann. 2, 77, 2).

Следует оставить для слухов время, в которое они бы составились.

Idem facit Caesar equitatumque omnem ... praemittit, qui vident, quas in partes hostes iter faciant (Caes. B. G. 1, 15, 1).

Цезарь делает то же самое и посылает вперед ... всю конницу, которая бы разведала, в какую сторону держат путь враги.

Замечено, что придаточные определительные с оттенком цели употребляются почти исключительно в контексте действия, содержащего сему *mitt-* «посылать» или *leg-* «выбирать», и что субъект действия, описанного в главной части высказывания, содержит формальный или содержательный элемент «+ одушевленность» (см.: Elerick Ch. Latin Relative Clause of Purpose: Lexical, Syntactic and Stylistic Determinants // Syntaxe et latin. Actes du II Congrès International de Linguistique Latine. Aix-en-Provence, 1985. P. 291).

Аналогичным образом осуществляется подготовка к восприятию содержания придаточного определительного с оттенком «логического» следствия: в главной части обычно присутствуют слова *tam*, *talis* и т. п., ориентирующие на требуемое истолкование содержания придаточного предложения:

Quae enim domus tam stabilis, quae tam firma civitas est, quae non odiis et discidiis funditus possit everti? (Cic. Lael. 7, 23)

Какой дом столь устойчив, какое государство столь крепко, которое бы не могло быть сокрушено ненавистью и раздорами?

Neque is sum, inquit, qui gravissime ex vobis mortis in periculo terrear (Caes. B. G. 5, 30, 2).

И я не тот, — говорит, — кто слишком утраивался бы смертью от вас.

Оттенок условия выявляется, как правило, в придаточных определительных с конъюнктивом в тех случаях, когда в главном предложении также употреблен конъюнктив. Параллельное употребление конъюнктива относит всю описываемую ситуацию в область предполагаемого, формируя общее значение гипотетичности (ср. условные периоды, § 67, с. 105).

Quis enim aut eum diligit, quem metuat, aut eum, a quo se metui putet? (Cic. Lael. 15, 53)

Кто же будет любить того, кого он боится, или того, кто, как он полагает, боится его?

Qui videret, equum Troianum introductum, urbem captam diceret (Cic. Verr. 2, 4, 23, 52).

Кто видел бы (это), сказал бы, что в город ввезли Троянского коня, что город взят.

Здесь уместно привести предположение Р.-Л. Вагнера, что в латинском языке гипотетическая система организуется помимо *si*, на основании временного и модального представления в соответствии с отображаемой ситуацией. Согласно автору, подтверждением этому является этимология *si*, по происхождению — усиленной частицы (см.: Wagner R.-L. Les phrases hypothétiques commençant par 'si' dans la langue française, des origines à la fin du XVI siècle. Paris, 1939. P. 537. О частице *si* см. также: Meillet A., Vendryès J. Traité de grammaire comparée des langues classiques. 2 éd. Paris, 1948. P. 654).

Роль конъюнктива в придаточных определительных с оттенками цели, следствия, условия можно соотнести с его ролью в тех придаточных, в которых эти значения являются основными, и с функциями конъюнктива в независимом употреблении: во всех упомянутых случаях содержание предложений с конъюнктивом составляет «возможный мир».

О возведении конъюнктива в придаточных определительных к конъюнктиву паратаксиса см. также: Лопатина М. Г. Определительные предложения с оттенками в латинском языке (на материале комедий Плавта и Теренция). Канд. дисс. М., 1956.

§ 78. Другую группу сопутствующих смысловых оттенков, присущих придаточным определительным, составляют значения причины и уступки:

Nihil duobus nobis est stultius: me, qui te non Romam attraham, te, qui non huc advoles (Cic. Fam. 7, 10, 4).

Ничего нет глупее нас обоих: меня, который не привлекает тебя в Рим, тебя, который не стремится сюда (так как не привлекает, так как не стремится...).

Volusenus, perspectis regionibus omnibus, quantum ei facultatis

Волусен, осмотрев все пункты, насколько это было возможно для

dari potuit, *qui navi egredi ac se barbaris committere non auderet*, quinto die ad Caesarem revertitur, quaeque ibi perspexisset, renuntiat (Caes. B. G. 4, 21, 9).

At hi (Pompei milites) miserrimo ac patientissimo exercitui Caesaris luxuriam obiciebant, *cui semper omnia ad necessarium usum defuissent* (Caes. B. C. 3, 96, 2).

Quis est, qui C. Fabrici, M'. Curi non cum caritate aliqua benivola memoriam usurpet, *quos numquam viderit* (Cic. Lael. 8, 28).

Употребление конъюнктива в рассматриваемых придаточных обусловлено исключительно намерением говорящего зафиксировать внимание слушающего на существовании между описываемыми реальными событиями причинно-следственной зависимости или отношений уступки. Демонстративом служит тот факт, что в аналогичных придаточных, в содержании которых также можно усмотреть элемент причинности или уступительности, возможно и употребление индикатива:

Frustra, inquit, meae vitae subvenire conamini, *quem iam sanguis viresque deficiunt* (Caes. B. G. 7, 50, 6).

Между содержанием придаточного и главного предложений можно усмотреть причинно-следственную связь.

Quae quidem ego, patres conscripti, *qui illa numquam probavi*, tamen ita conservanda concordiae causa arbitratus sum (Cic. Phil. 1, 10, 23).

Между содержанием частей сложного предложения — очевидная уступительная зависимость (что подчеркивается частицей *tamen* «однако»).

него, *который* (так как он) не решился сойти с корабля и довериться варварам, на пятый день вернулся к Цезарю и доложил обо всех своих наблюдениях.

А они (солдаты Помпея) бросали упрек в роскоши войску Цезаря, в высшей степени жалкому и терпеливому, *у которого* всегда был недостаток во всех предметах первой необходимости (хотя у него всегда был недостаток...).

Кто не вспомнит с некоторым чувством благорасположения о Гае Фабриции, Мании Курии, *которых он никогда не видел* (хотя не видел).

Напрасно, — говорит, — ты пытаешься спасти жизнь мне, *которого* уже оставляют кровь и силы.

Я же, отцы сенаторы, *которые* никогда не одобрял их (посты новления Цезаря), *однако* считал, что они должны быть сохранены ради согласия.

Употребление в приведенных примерах индикатива свидетельствует об игнорировании в данном случае говорящим частных оттенков значений, присутствующих в содержании придаточных предложений наряду с основным, определительным, значением.

Возможность употребления в рассматриваемых придаточных и индикатива, и конъюнктива обусловлена тем, что их содержание — описание реальных событий. Конъюнктив здесь используется во вторичной функции, для фиксирования качественной оценки содержания придаточных — так же, как это было в придаточных с обстоятельственными союзами *cum* и *ut* (см. выше, § 54, с. 91).

Ср. классификацию придаточных определительных с сопутствующими оттенками, предложенную А. Ф. Лосевым, согласно которой придаточные с оттенками цели и следствия противопоставляются придаточным с оттенками условия, причины и уступки как определяемые и определяющие (см.: Лосев А. Ф. О законах сложного предложения в латинском языке // Лосев А. Ф. Языковая структура. М. 1983. С. 327–333). Представляется, что в основу предложенной А. Ф. Лосевым классификации положена разная логическая последовательность описываемых событий в сложных предложениях, включающих придаточные с оттенками цели и следствия, с одной стороны, и условия, причины и уступки, — с другой. Модальная же характеристика описываемых пропозиций («факт» / «возможный мир»), обуславливающая в нашей классификации отнесение придаточных с оттенком условия в ту же группу, что и придаточные цели и следствия, в классификации А. Ф. Лосева не учитывается.

§ 79. Функциональные различия придаточных определительных с сопутствующими оттенками значений обуславливают и некоторые формальные характеристики этих придаточных. Так, в придаточных определительных с оттенками цели и следствия возможно употребление лишь *praesens* и *imperfectum conjunctivi*, используемых и в придаточных с союзами *ut*/*ne*, для которых эти смыслы являются основными. В предложениях, содержащих придаточные определительные с оттенком условия, использование глагольных форм соответствует правилам употребления времен в условных периодах. В придаточных определительных с оттенками причины и уступки возможно употребление как времен инфекта (*praesens*, *imperfectum*), так и времен перфекта (*perfectum*, *plusquamperfectum*), как в придаточных с союзом *cum*, поскольку события, составляющие причину основного действия или препятствие к его осуществлению, могут как отсутствовать, так и предшествовать данному действию.

§ 80. В придаточных определительных, выполняющих функцию спецификации, т. е. конкретизирующих определяемое понятие (и тем самым, казалось бы, не допускающих семантических

вариантов), также возможно чередование наклонений: индикатив / конъюнктив. Происходит это потому, что в таких придаточных может описываться не только связанное с определяемым объектом реальное событие, но и некоторое воображаемое положение дел:

(Helvetii) his rebus adducti et auctoritate Orgetorigis permoti constituerunt ea, quae ad proficiscendum pertinerent, comparare (Caes. B. G. 1, 3, 1). (Гельветы), влекомые этим (обстоятельством) и побуждаемые Орgetоригом, постановили подготовить то, что было бы необходимо для похода.

Характеристика конкретизирующего признака как «возможного мира» свидетельствует, что говорящий не уверен в реальности этого признака, а это возможно только в том случае, если данное определение принадлежит не ему, а другому лицу: «по их мнению, было необходимо...».

Из сказанного следует, что использование в придаточном определительном, выступающем в функции спецификации, конъюктива служит основанием для понимания содержания придаточного как «чужой» (не авторской) речи.

Ср.: М. К. Сабанеева отмечает аналогичную функцию французского субъюктива в придаточных дополнительных (см.: Сабанеева М. К. Функциональный анализ наклонений... С. 72).

Конъюнктив в придаточном определительном является показателем «чужой» речи и тогда, когда сказуемое в нем выражено глаголом говорения — если содержание придаточного составляет сообщение о перформативном речевом акте, то есть речевом действии персонажа:

Interim cotidie Caesar Haeduos frumentum, quod essent publice polliciti, flagitare (Caes. B. G. 1, 16, 1). Между тем Цезарь ежедневно требовал от эдуев хлеб, который они официально обещали (дать).

Обозначение речевого действия (essent polliciti) есть одновременно его содержание (обещанное — «возможный мир»).

Нередко в предложении содержится эксплицитное (словесно выраженное) указание на то, что последующее изложение отражает слова или ход мысли какого-либо персонажа, отличного от говорящего:

Naturam accusa, quae in profundo veritatem, ut ait Democritus, penitus abstruserit (Cic. Acad. 2, 10, 32). Вины природу, которая, как говорит Демокрит, скрыла истину глубоко внутри.

In omnia pollicitus est, quae tibi essent opus (Cic. Fam. 16, 5, 1). Он пообещал все, в чем у тебя есть нужда. (по его мнению)

Употребление конъюктива в придаточном предложении, несмотря на эксплицитное указание на «чужую» речь, по всей вероятности, вызвано аналогическим воздействием предложений, в которых единственным таким указателем является конъюнктив глагола придаточного предложения.

Таблица 5
Функционально-семантическая характеристика придаточных определительных в латинском языке

Коммуникативная функция	Модальное содержание	Формальное выражение
спецификация	констатация реальности признака	индикатив
	характеристика признака как допустимого («чужая» речь)	конъюнктив
характеризация	характеристика приводимой информации как факта	индикатив
	бытийная оценка содержания придаточного предложения как «возможного мира» (оттенки цели, следствия, условия)	конъюнктив
	качественная оценка фактивного содержания придаточного предложения (оттенки причины, уступки)	

§ 81. Помимо рассмотренных, в группе придаточных относительных (определятельных) выделяют еще несколько разновидностей.

Придаточные «номинализованные» занимают в предложении синтаксическую позицию подлежащего:

Sunt qui putant posse te non decedere (Cic. Fam. 1, 9, 25). Есть такие, которые полагают, что ты можешь не уезжать.

Поскольку эти придаточные конкретизируют некий объект, их функцию в предложении следует оценить как спецификацию понятия — как это было и в случае с обычными придаточными определятельными.

Отдельно рассматриваются так называемые «придаточные приложения»:

Mellovacii autem defectione Haec — Белловаки же, которые и раньше

duorum cognita, qui iam ante erant per se infideles, manus cogere atque aperte bellum parare coeperunt (Caes. B. G. 7, 59, 2). *ше были ненадежными, узнав об отпадении эдуев, начали собирать отряды и открыто готовить-ся к войне.*

«Придаточные-приложения» присоединяются к конкретно референтным именам (т. е. именам собственным или соотносящимся с конкретным субъектом), увеличивая информацию за счет ее расширения и интерпретации. Это позволяет соотносить их с придаточными определительными в функции х а р а к т е р и з а ц и и.

Для придаточных «изолированных» характерна относительная смысловая н е з а в и с и м о с т ь в составе сложного предложения. Поэтому встречающийся в таких придаточных конъюнктив можно приравнять к конъюнктиву в независимом употреблении:

Longi sermonis initium pepulisti, inquam, Attice, remque commovisti nova disputatione dignam, quam in aliud tempus differamus (Cic. Brut. 87, 297). *Ты, Аттик, я скажу, положил начало длинному разговору и затронул тему, заслуживающую нового обсуждения, которое лучше давай отложим на другое время.*

Возможен в таких придаточных и императив:

Quid enim viderunt? Hoc, quod nunc vos, quaeso, perspicite atque cognoscite (Cic. Agr. 2, 35, 95). *Что же они увидели? То, на что теперь, прошу вас, и вы посмотрите и узнайте.*

Наименования разновидностей придаточных относительных заимствованы из работы: Lavency M. Usus... P. 231–235. Однако предлагаемые семантические критерии выделения этих придаточных не всегда кажутся удовлетворительными. В частности, это относится к придаточным «изолированным»: наряду с отмеченными характеристиками, автор выделяет в них и такой признак, как мотивационный характер содержания этих придаточных (причина, уступка), что изначально противоречит их определению («изолированные»). На наш взгляд, содержание придаточных «изолированных» не выходит за рамки обычного, линейного развития мысли, вследствие чего выделение мотивации этого содержания как дифференцирующего признака представляется преувеличением. Иногда (см. пример: Cic. Brut. 87, 297) они близки к связующим предложениям (см. § 82, с. 127).

Для всех отмеченных разновидностей придаточных относительных характерен общий признак: их значительная автономность (исключение — придаточные «номинализованные»), содержательная факультативность в предложении, в состав которого они входят. В сущности, и структурно, и в содержательном плане они представляют собой нечто среднее между придаточными и независимыми предложениями.

§ 82. Особого разговора заслуживают предложения, именуемые «связующими». Это синтаксические структуры с местоимениями qui, quae, quod, обычно помещаемые в связном тексте в начале высказывания. Функция относительных местоимений здесь в определенном смысле эквивалентна функции соединительных частиц:

Caesar equitatum ... omnem ... Цезарь посылает всю ... конницу ... вперед... *Которые* (они), увлекшись преследованием арьергарда, *завязали* в незнакомом месте *сражение* с конницей гельветов; несколько наших погибли. *Ободренные этим сражением* гельветы ... *начали беспокоить* наших нападениями своего арьергарда.

В «связующих» предложениях возможно употребление и индикатива, и конъюнктива, в соответствии с семантической и синтаксической характеристикой этих структур: они могут приравниваться к независимым повествовательным предложениям — как в приведенном примере, где глаголы стоят в индикативе; могут включать в свой состав подчинительные союзы и приравниваться к соответствующим придаточным с конъюнктивом:

Quae cum ita sint, Catilina, perge, quo coepisti, egredere aliquando ex urbe (Cic. Cat. 1, 5, 10). *Коль скоро это так, Катилина, продолжай, как начал, удались, наконец, из Рима.*

Употребление конъюнктива возможно в «связующих» предложениях и в тех случаях, когда они эквивалентны независимым предложениям, — если это обусловлено их модальным содержанием:

Haec ad te die natali meo scripsi. Quo utinam susceptus non essem, aut ne quid ex eadem matre propterea natum esset! (Cic. Att. 11, 9, 3). *Пишу это тебе в день своего рождения. О если бы я в тот день не родился* (букв.: не был принят) *или ничего от той же матери впоследствии не родилось!*

«Связующие» предложения функционально не соотносимы с собственно придаточными определительными. Роль относительных местоимений в «связующих» предложениях сводится к структурной организации текста. Такое использование относительных местоимений возможно в определенной

ХРЕСТОМАТИЯ

Раздел I, глава 1

a) Iam neminem antepones Catoni (Cic. Brut. 17, 68).

Perfectum officium rectum, opinor, vocemus (Cic. Off. 1, 3, 8).

Ne illud quidem praetermittam (Cic. Att. 6, 3, 9).

Nec me miserior femina est neque ulla videatur magis (Plaut. Amph. 1060).

Plane, inquam, Attice, disputationem hanc de oratore probando aut improbando multo malim tibi et Bruto placere, eloquentiam autem meam populo probari velim (Cic. Brut. 49, 184).

(Bruti) ego iudicium, pace tua dixerim, longe antepono tuo (Cic. Tusc. 5, 4, 12).

Ubivis facilius passus sim, quam in hac re me deludier (Ter. Andr. 203).

Cui (Pompeio) quidem litterae tuae, quas proxime miseras, quod facile intellexerim, periucundae fuerunt (Cic. Fam. 1, 7, 3).

b) Teneamus eum cursum, qui semper fuit optimi cuiusque, neque ea signa audiamus, quae receptui canunt (Cic. Rep. 1, 2, 3).

Etiam in rebus prosperis et ad voluntatem nostram fluentibus superbiam magnopere, fastidium arrogantiamque fugiamus (Cic. Off. 1, 26, 90).

Sit sane ita, inquam; sed redeamus ad eum, qui iam unus restat, Hortensium (Cic. Brut. 81, 279).

Neu matri miserae tanti sim causa doloris (Verg. Aen. 9, 216).

c) Eius generis exemplo nobis posita sit haec causa (Cic. Inv. 2, 17, 52).

Suum quisque igitur noscat ingenium acremque se et bonorum

et vitiorum suorum iudicem praebeat (Cic. Off. 1, 31, 114).

Sit ergo hic sermo, in quo Socratici maxime excellunt, lenis, minimeque pertinax; insit in eo lepos; nec vero, tamquam in possessionem suam venerit, excludat alios, sed cum reliquis in rebus, tum in sermone communi vicissitudinem non iniquam putet (Cic. Off. 1, 37, 134).

Vos, quibus militaris aetas est, adnitimini mecum et capessite rem publicam neque quemquam ex calamitate aliorum aut imperatorum superbia metus ceperit (Sall. Jug. 85, 47).

Sive ego prave, seu recte hoc volui, ne sis patruus mihi (Hor. Ser. 2, 3, 87–88).

ii) Quod di omen avertant! (Cic. Phil. 3, 14, 35)

Quod di prohibeant! (Ter. Andr. 568)

Ita me dii iuvent! (Cic. Att. 1, 16, 1)

Ita vivam, ut maximos sumptus facio! (Cic. Att. 5, 15, 2).

Sollicitat, ita vivam, me tua, mi Tiro, valetudo (Cic. Fam. 16, 20, 1).

O pater et rex Iuppiter, ut pereat positum robigine telum nec quisquam noceat cupido mihi pacis! (Hor. Ser. 2, 1, 42–44)

Ut satis contemplata modo sis, mea nutrix! (Ter. Heaut. 617)

Utinam aut hic surdus aut haec muta facta sit! (Ter. Andr. 463)

Et sic forte precatur: 'Si nunc se nobis ille aureus arbore ramus ostendat nemore in tanto!' (Verg. Aen. 6, 186–188)

O si angulus ille proximus accedat, qui nunc denormat agellum! O si urnam argenti fors quae mihi monstret! (Hor. Ser. 2, 6, 8–10)

O tantum libeat mecum tibi sordida rura atque humilis habitare casas... (Verg. Ecl. 2, 28–29)

Utinam ego ... tertius vobis amicus adscriberer! (Cic. Tusc. 5, 22, 63)

O si solitae quicquam virtutis adesset! (Verg. Aen. 11, 415)

Utinam omnes M. Lepidus servare potuisset! (Cic. Phil. 5, 14, 39)

Quod utinam ne Phormioni id suadere in mentem incidisset! (Ter. Phorm. 157)

- e) Sint sane ista bona, quae putantur, honores, divitiae, voluptates, cetera; tamen in eis ipsis potiundis exsultans gestiensque laetitia turpis est (Cic. Tusc. 4, 31, 66).

Haec si vobis non probamus, sint falsa sane, invidiosa certe non sunt (Cic. Acad. 2, 32, 105).

Sint sane, quoniam ita se mores habent, liberales ex sociorum fortunis, sint misericordes in furibus aerari: ne illi sanguinem nostrum largiantur et, dum paucis sceleratis parcunt, bonos omnis perditum eant (Sall. Cat. 52, 12).

- f) Quid ego nunc agam? (Ter. Ad. 784)

Quid enumerem artium multitudinem? (Cic. Off. 2, 4, 15)

Romane venio, an hic maneo, an Arpinum ... fugiam? (Cic. Att. 16, 8, 2)

Hanc modestiam aequitatemque et altitudinem animi ubi nunc in uno inveneris, quae tum populi universi fuit? (Liv. 4, 6, 12)

Quid agam, iudices? Quo accusationis meae rationem conferam? Quo me vertam? (Cic. Verr. 2, 5, 1, 2)

In hoc homine atque in eius modi causa quid facerent omnes Crassi et Antonii? (Cic. Verr. 2, 2, 78, 192)

Quid facerem? (Ter. Eun. 831)

Quid enim dicerem? (Cic. Att. 6, 3, 9)

Quid facerent miseri aut quid recusarent? (Cic. Verr. 2, 3, 34, 79)

Erat enim scenicus: quid faceret aliud? (Cic. De or. 3, 23, 86)

Раздел I, глава 2

...Non debebam ego abs te has litteras poscere (Cic. Verr. 2, 4, 16, 36).

Nihil est enim virtute amabilius (Cic. N. D. 1, 44, 121).

Nunc emergit amor, nunc desiderium ferre non possum, nunc mihi nihil libri, nihil litterae, nihil doctrina prodest (Cic. Att. 9, 10, 2).

His adiutor contra patriam inventus est nemo (Cic. Lael. 12, 42).

Non mehercule ... tibi repromittere istuc quidem ausim (Cic. Brut. 5, 18).

Supplicatum iere (= ierunt) cum coniugibus ac liberis non urbana multitudo tantum, sed agrestium etiam quos in aliqua sua fortuna publica quoque contingebat cura (Liv. 22, 10, 8).

Hoc quis non credat? (Ter. Andr. 489)

Quis hoc non dederit? (Cic. Div. 2, 50, 103)

Sed quaero a te: cur C. Cornelium non defenderem? (Cic. Vatin. 2, 5)

Ergo et a forma removeatur omnis viro non dignus ornatus, et huic simile vitium in gestu motuque caveatur (Cic. Off. 1, 36, 130).

Haec erunt villici officia. Disciplina bona utatur. Feriae serventur. Alieno manum abstineat; sua servet diligenter. Litibus familia supersedeat; si quis quid deliquerit, pro noxa bono modo vindicet. Familiae male ne sit, ne algeat, ne esuriat... Villicus ne sit ambulator, sobrius siet (= sit) semper, ad cenam ne quo eat (Cato, R. R. (De agr.) 5, 1-2).

(Res familiaris) augeatur ratione, diligentia, parsimonia nec libidini potius luxuriaeque quam liberalitati et beneficentiae pareat (Cic. Off. 1, 26, 92).

Donis impii ne placare audeant deos (Cic. Leg. 2, 16, 41).

Nullam aciem, nullum proelium timueris (Liv. 2, 12, 11).

Ne vos quidem, iudices, ii, qui me absolvistis, mortem timueritis (Cic. Tusc. 1, 41, 98).

Tu vero istam (artem) ne reliqueris, quam semper ornasti, et quidem iure (Cic. Tusc. 1, 47, 112).

De me nihil timueris (Cic. Att. 4, 17, 4).

Utinam res publica stetisset, quo coeperat, statu nec in homines non tam commutandarum quam evertendarum rerum cupidos incidisset! (Cic. Off. 2, 1, 3)

Utinam ... istam calliditatem hominibus di ne dedissent! (Cic. N. D. 3, 30, 75)

Sit sane, ut visus est; modo ne sit molestus (Cic. Rep. 1, 19, 32).

Ne aequaveritis Hannibali Philippum nec Carthaginiensibus Macedonas; Pyrrho certe aequabitis (Liv. 31, 7, 8).

Non ancilla tuum iecur ulceret ulla! (Hor. Epist. 1, 18, 72)

Nostro more aliquando, non rhetorico loquamur! (Cic. De or. 1, 29, 133)

Permittamus illis (lacrimis) cadere, non imperemus! (Sen. Ep. 99, 16)

Non die, non hora citius, quam necesse est, magistratu abieris (Liv. 9, 34, 15).

Раздел I, глава 3

a) Iustitia sine prudentia multum poterit (Cic. Off. 2, 9, 34).

Num potui magis in arcem illius causae invadere aut magis oblivisci temporum meorum, meminisse actionum? (Cic. Fam. 1, 9, 8)

Sedulitate mihimet ipse satis facere possum (Cic. Fam. 1, 8, 6).

Accepi perbrevis tuas litteras; quibus id, quod scire cupiebam, cognoscere non potui (Cic. Fam. 4, 15, 1).

Non possum ei non amicus esse (Cic. Fam. 9, 24, 1).

Non possum eum non diligere, cuius beneficio id consecutus sum (Cic. Fam. 9, 17, 2).

Hoc mihi nihil gratius facere potes (Cic. Fam. 5, 5, 3).

Qui (homines) nos, quos favendo in communi causa retinere potuerunt, invidendo abalienarunt (Cic. Fam. 1, 7, 7).

Hic meae vitae cursus offendit eos fortasse, qui splendorem et speciem huius vitae intuentur, sollicitudinem autem et laborem perspicere non possunt (Cic. Fam. 1, 9, 17).

Senatus haberi ante K. Februarias per legem Pupiam, id quod scis, non potest neque mense Febr. toto nisi perfectis aut reiectis legationibus (Cic. Fam. 1, 4, 1).

De religione dicebat, cui quidem rei iam obsisti non poterat (Cic. Fam. 1, 2, 1).

Si enim, quod verbo significatur, id turpe non est, verbum, quod significat, turpe esse non potest (Cic. Fam. 9, 22, 2).

Qua (sententia) mihi nihil potest esse inimicius (Cic. Fam. 3, 8, 9).

Te ... ipsum cupio; nihil opportunius potuit accidere (Cic. Fam. 1, 9, 9).

Non potuit accuratius agi nec prudentius quam est actum a te cum Curione de supplicatione (Cic. Fam. 2, 15, 1).

Vidi ego quosdam in te talis, qualis tu eosdem in me videre potuisti (Cic. Fam. 1, 9, 22).

b) Oneris tibi imponere nec audeo quicquam nec debeo (Cic. Fam. 3, 5, 4).

Non idem semper dicere, sed idem semper spectare debemus (Cic. Fam. 1, 9, 21).

Ut debeo, laetor (Cic. Fam. 1, 9, 2).

Ego quidem, ut debeo, et ut tute mihi praecepisti, et ut me pietas utilitasque cogit, me ad eius rationes adiungo (Cic. Fam. 1, 8, 2).

Non debes aut propriam fortunam et praecipuam postulare aut communem recusare (Cic. Fam. 4, 15, 2).

Neque enim de meo erga te studio dubitare debes, neque id est obscurum cuiquam in provincia nec Romae fuit (Cic. Fam. 3, 10, 5).

Id ipsum esse non debuit (Cic. Fam. 7, 28, 3).

c) Ceteraque quae ad te pertinebunt cum etiam plus contenderimus quam possumus, minus tamen faciemus quam debemus (Cic. Fam. 1, 8, 7).

Hoc si qui pati non potuit, mori debuit (Cic. Fam. 9, 17, 2).

Si aestimationes tuas vendere non potes neque ollam denarium implere, Romam tibi remigrandum est (Cic. Fam. 9, 18, 4).

Ollum nobis exoptandum est, quod ii, qui potiuntur rerum, praestaturi videntur (Cic. Fam. 1, 8, 4).

Nam aut adsentiendum est nulla cum gravitate paucis aut frustra dissentiendum (Cic. Fam. 1, 8, 3).

Eo die senatus erat futurus (Cic. Fam. 1, 2, 4).

Sed, si est spes aliqua rebus communibus, ea tu, quicumque status est futurus, carere non debes (Cic. Fam. 6, 1, 4).

Catoni quidem, quoquo modo se res habet, profecto resistemus (Cic. Fam. 1, 5a, 2).

Me quidem certe tuarum actionum, sententiarum, voluntatum, rerum denique omnium socium comitemque habebis (Cic. Fam. 1, 9, 22).

Quod profecto faciam, si mihi per eiusdem amicitiam licebit (Cic. Fam. 1, 8, 3).

Раздел II, глава 1

Nosce te esse hominem (Herenn. 4, 52, 65).

Marcellinum tibi esse iratum scis (Cic. Fam. 1, 1, 2).

Etenim Pompeium ... scis temporibus illis non saepe in senatu fuisse (Cic. Fam. 1, 7, 3).

Pompeium tibi valde amicum esse cognovi (Cic. Fam. 1, 8, 5).

Epistularum genera multa esse non ignoras (Cic. Fam. 2, 4, 1).

Sane moleste Pompeium id ferre constabat (Cic. Fam. 1, 9, 9).

Offensionem esse periculosam propter interpositam auctoritatem religionemque video (Cic. Fam. 1, 7, 5).

Amicum ex consularibus neminem tibi esse video praeter Hortensium et Lucillum (Cic. Fam. 1, 5b, 2).

Nam advertebatur Pompei familiaris adsentiri Volcacio (Cic. Fam. 1, 1, 3).

Varias esse opiniones intellego (Cic. Fam. 1, 9, 25).

Sunt qui putant posse te non decedere (Cic. Fam. 1, 9, 25).

Ego me, Lentule, initio rerum atque actionum tuarum non solum meis sed etiam rei publicae restitutum putabam (Cic. Fam. 1, 9, 4).

Te videre et sentire eandem fidem esse hominum in tua digni-

tate, quam ego in mea salute sum expertus, ex tuis litteris intellexi (Cic. Fam. 1, 5a, 1).

Rem te valde bene gessisse rumor erat (Cic. Fam. 1, 8, 7).

De qua ratione tota iam videtur mihi exponendi tempus dari (Cic. Fam. 1, 9, 3).

Itaque Alexandrina causa, quae nobis adhuc integra est ... videtur ab illo plane esse deposita (Cic. Fam. 1, 5b, 1).

Videbatur enim reconciliata nobis voluntas esse senatus (Cic. Fam. 1, 2, 1).

Pompeius ... visus est mihi vehementer esse perturbatus (Cic. Fam. 1, 5b, 1).

Quae autem posita sunt in coniectura quaeque videntur fore, ea puto tibi a me scribi oportere (Cic. Fam. 1, 5b, 1).

Eo die nos quoque multa verba fecimus maximeque visi sumus senatum commemoratione tuae voluntatis erga illum ordinem permovere (Cic. Fam. 1, 2, 1).

Non me fugit, iudices, vetera exempla pro fictis fabulis iam audiri atque haberi (Cic. Verr. 2, 3, 78, 182).

Non putavi famam inconstantiae mihi pertimescendam (Cic. Fam. 1, 9, 11).

De successore meo nihil audivi neque quemquam fore arbitror (Cic. Fam. 2, 17, 1).

Nec mihi aliter potuisse videor hominum perditorum de me consilia frangere (Cic. Fam. 1, 9, 21).

Nam Curio tui cupidissimus ... negabat se ullo modo pati posse decerni supplicationes (Cic. Fam. 8, 11, 1).

Minime miramur te tuis ut egregium artificem praeclaris operibus laetari (Cic. Fam. 1, 7, 7).

Itaque illi, qui Graeciae formam rerum publicarum dederunt, corpora iuvenum firmari labore voluerunt (Cic. Tusc. 2, 15, 36).

Gaudeo tuam dissimilem fuisse fortunam (Cic. Fam. 1, 7, 8).

Superioribus annis taciti indignabimini aerarium expilari, reges et populos liberos paucis nobilibus vectigal pendere, penes eosdem et summam gloriam et maxumas divitias esse (Sall. Jug. 31, 9).

Omnes rem ad Pompeium deferri volunt (Cic. Fam. 1, 1, 1).

Nolo te putare Favonium a columnariis praeteritum (Cic. Fam. 8, 9, 5).

Consules ... omnino senatum haberi nolunt (Cic. Fam. 8, 10, 2).

Sed tamen tris fratres summo loco natos, promptos, non indiserptos, te nolo habere iratos, iure praesertim (Cic. Fam. 2, 18, 2).

Carum esse civem, bene de republica mereri, laudari, coli, diligi gloriosum est; metui vero et in odio esse invidiosum, detestabile, imbecillum, caducum (Cic. Phil. 1, 14, 33).

(Thrasylbulus) cives enim civibus parcere aequum censebat (Nep. Thras. 2, 6).

Non sat est tuum te officium fecisse, si non id fama adprobat (Ter. Phorm. 724).

Me, quem non nulli conservatorem istius urbis, quem parentem esse dixerunt, Getarum et Armeniorum et Colchorum copias ad eam adducere? me meis civibus famem, vastitatem inferre Italiae? (Cic. Att. 9, 10, 3).

Adeon(e) hominem esse invenustum aut infelicem quemquam ut ego sum? (Ter. Andr. 245).

Prima luce ex superioribus locis, quae Caesaris castris erant coniuncta, cernebatur equitatus nostri proelio novissimos illorum premi vehementer ac nonnunquam sustineri extremum agmen atque interrumpi, alias inferri signa et universarum cohortium impetu nostros propelli, dein rursus conversos insequi. Totis vero castris milites circulari et dolere hostem ex manibus dimitti, bellum non necessario longius duci (Caes. B. C. 1, 64, 1).

Раздел II, глава 2

a) (Medici) leviter aegrotantes leniter curant (Cic. Off. 1, 24, 83).

Legati a Saguntinis Romam missi (sunt) auxilium ad bellum iam haud dubie imminens orantes (Liv. 21, 6, 2).

Legati ab Ardea veniunt pro veterrima societate renovatoque laedere recenti auxilium prope eversae urbi implorantes (Liv. 4, 9, 1).

Haec Maurus secum ipse diu volvens tandem promisit (Sall. Jug. 113, 1).

Megesta est oppidum pervetus in Sicilia, ... quod ab Aenea fugiente a Troia atque in haec loca veniente conditum esse demonstrant (Cic. Verr. 2, 4, 33, 72).

Ludis mane servum quidam pater familiae nondum commisso spectaculo sub furca caesum medio egerat circo (Liv. 2, 36, 1).

Omnes aliud agentes aliud simulantes perfidi, improbi, malitiosi (sunt) (Cic. Off. 3, 14, 60).

Caesar isdem ducibus usus qui nuntii ab Iccio venerant Numidam et Cretas sagittarios et funditores Baleares subsidio oppidanis mittit (Caes. B. G. 2, 7, 1).

(Caesar) arbitratus id bellum celeriter confici posse, eo (ad Morinos Menapiosque) exercitum adduxit (Caes. B. G. 3, 28, 1).

(Atticus) idoneum tempus ratus studiis obsequendi suis Athenas se contulit (Nep. Att. 2, 2).

Ingreditur castris Romanus vallum invasurus (Liv. 3, 60, 8).

P. Servilius, vir clarissimus, maximis rebus gestis, adest de te contentiam laturus (Cic. Verr. 2, 1, 21, 56).

Est enim lex nihil aliud nisi recta et a numine deorum tracta ratio imperans honesta, prohibens contraria (Cic. Phil. 11, 12, 28).

Epistulae offendunt non loco redditae (Cic. Fam. 11, 16, 1).

Hostes ... hanc adepti victoriam in perpetuum se fore victores confidebant (Caes. B. G. 5, 39, 4).

(Epaminondas) imperantem enim patriam Lacedaemoniis relinquebat, quam acceperat servientem (Cic. Tusc. 2, 24, 59).

Centuriones armati Mettium circumstant (Liv. 1, 28, 7).

Qui (Dionysius) cultros metuens tonsorios candente carbone sibi adurebat capillum (Cic. Off. 2, 7, 25).

Nam et secundas res splendidiore facit amicitia et adversas, partiens communicansque, leviores (Cic. Lael. 6, 22).

b) Arruns prior quam pater moritur uxore gravida relicta (Liv. 1, 34, 2).

Quo metu percussae minores civitates stipendio inposito imperium accipere (= acceperunt) (Liv. 21, 5, 4).

(Camillus dictator) Romam ad scribendum novum exercitum redit nullo detractante militiam (Liv. 5, 19, 5).

(Thrasybulus) a barbaris ex oppido noctu eruptione facta in tabernaculo interfectus est (Nep. Thras. 8, 4, 4).

Crassus ... cohortatus suos omnibus cupientibus ad hostium castra contendit (Caes. B. G. 3, 24, 5).

(Galba) nullo hoste prohibente aut iter demorante incolumem legionem in Nantuates, inde in Allobroges perduxit ibique hie-mavit (Caes. B. G. 3, 6, 5).

(Caesar) in his rebus circiter dies X consumit ne nocturnis quidem temporibus ad laborem militum intermissis (Caes. B. G. 5, 11, 6).

Hostes maximo clamore, sicuti parta iam atque explorata victoria, turres testudinesque agere et scalis vallum ascendere coeperunt (Caes. B. G. 5, 43, 3).

C. Flaminium Caelius religione neglecta cecidisse apud Trasumenum scribit cum magno rei publicae vulnere (Cic. N. D. 2, 3, 8).

Amare autem nihil est aliud nisi eum ipsum diligere, quem ames, nulla indigentia, nulla utilitate quaesita (Cic. Lael. 27, 100).

Anno trecentesimo altero, quam condita Roma erat, iterum mutatur forma civitatis ab consulibus ad decemviros, quem ad modum ab regibus ante ad consules venerat, translato imperio (Liv. 3, 33, 1).

Consul triumphans in urbem redit Clulio duce Volscorum ante currum ducto praelatisque spoliis, quibus dearmatum exercitum hostium sub iugum miserat (Liv. 4, 10, 7).

Mortuo rege Pompilio Tullum Hostilium populus regem inter rege rogante comitiis curiatis creavit (Cic. Rep. 2, 17, 31).

Hac me mente fuisse et senatus ex me te consule audivit et tu in nostris sermonibus conlocutionibusque vidisti (Cic. Fam. 1, 9, 4).

Раздел III, глава 1

a) Perfice, ut ne minus res publica tibi quam tu rei publicae debeas (Cic. Fam. 10, 12, 5).

Sed illud audivimus, M. Crassi, fortissimi viri, virtute consilioque factum, ne ratibus coniunctis freto fugitivi ad Messanam transire possent (Cic. Verr. 2, 5, 2, 5).

Hannibal totis viribus adgressus urbem momento cepit signo dato, ut omnes puberes interficerentur (Liv. 21, 14, 3).

Perfecerat fortuna, ne quid tale scribere possem aut omnino cogitare (Cic. Fam. 4, 13, 1).

Nemo laborat, ut obscura sua cupiditas esse videatur (Cic. Verr. 2, 5, 48, 126).

Vercingetorix animo laborabat, ut reliquas civitates adiungeret, atque eas donis pollicitationibusque alliciebat (Caes. B. G. 7, 31, 1).

Sponsio illa ne fieret, laborasti (Cic. Verr. 2, 3, 57, 132).

Non tam ut prosim causis elaborare soleo, quam ut ne quid obsim (Cic. De or. 2, 72, 295).

b) Stude, non ut plus aliquid scias, sed ut melius (Sen. Ep. 89, 23).

Equidem soleo dare operam, ut de sua quisque re me ipse doceat et ut ne quis alius adsit (Cic. De or. 2, 24, 102).

Sed, mi Plance, incumbe, ut belli extrema perficias (Cic. Fam. 10, 19, 2).

Quantum iuniores patrum plebi se magis insinuabant, eo acrius contra tribuni tendebant, ut plebi suspectos eos criminando facerent (Liv. 3, 15, 2).

Miltiades maxime nitebatur, ut primo quoque tempore castra fierent (Nep. Miltiad. 1, 4, 5).

Consulere vivi ac prospicere debemus, ut illorum (liberorum) solitudo et pueritia quam firmissimo praesidio munita sit (Cic. Verr. 2, 1, 58, 153).

Navam idoneam ut habeas, diligenter videbis (Cic. Fam. 16, 1, 2).

Videndum est enim primum, ne obsit benignitas et iis ipsis, quibus benigne videbitur fieri et ceteris, deinde, ne maior

benignitas sit quam facultates, tum, ut pro dignitate cuique tribuatur (Cic. Off. 1, 14, 42).

Videndum est in vita, ne forte quid discrepet (Cic. Off. 1, 40, 145).

Sic tibi, mi Paete, persuade me dies et noctes nihil aliud agere, nihil curare nisi ut mei cives salvi liberique sint (Cic. Fam. 9, 24, 4).

Nunc admoneo, ut animum tuum non mergas in istam sollicitudinem (Sen. Ep. 24, 16).

In eo quoque plebs superior fuit, quod tenuit, ne consules in proximum annum crearentur (Liv. 4, 30, 16).

Datames primum experiri voluit, ut sine armis propinquum ad officium reduceret (Nep. Datam. 2, 3).

Cavendum autem est, praesertim si ipse aedifices, ne extra modum sumptu et magnificentia prodeas (Cic. Off. 1, 39, 140).

Caveamus, quantum efficere et consequi possumus, ut ne quod in nobis insigne vitium fuisse dicatur (Cic. Qu. fr. 1, 1, 38).

c) Peto igitur a te vel, si pateris, oro, ut homines miseros et fortuna, quam vitare nemo potest, magis quam culpa, calamitosos conserves incolumis (Cic. Fam. 9, 13, 3).

Nunc a te illud primum rogabo, ne quid invitus mea causa facias (Cic. Fam. 13, 1, 2).

Id modo simul orant ac monent, ut ipsis ab invidia caveatur, nec suo sanguine ad supplicia patrum plebem adsuefaciant (Liv. 3, 52, 11).

(Caesar) adhortatus (est) milites, ne necessario tempore itineris labore permoveantur (Caes. B. G. 7, 40, 4).

Hirtius ... mihi, ut absim, vehementer auctor est (Cic. Att. 15, 5, 2).

Quae ratio poetas maximeque Homerum inpulit, ut principibus heroum, Ulixi Diomedis Agamemnoni Achilli, certos deos discriminum et periculorum comites adiungeret (Cic. N. D. 2, 66, 166).

Caesar ... suis imperavit, ne quod omnino telum in hostes ricerent (Caes. B. G. 1, 46, 2).

Deliberantibus Pythia respondit, ut moenibus ligneis se munirent (Nep. Them. 2, 6).

Caesar enim per litteras Trebonio magnopere mandaverat, ne per vim oppidum expugnari pateretur, ne gravius permoti milites et defectionis odio et contemptione sui et diutino labore omnes puberes interficerent (Caes. B. C. 2, 13, 3).

(Galli) statuunt, ut decem milia hominum delecta ex omnibus copiis in oppidum mittantur (Caes. B. G. 7, 21, 2).

Labienus ... ne quam occasionem rei bene gerendae dimitteret, cogitabat (Caes. B. G. 5, 57, 1).

... Hortensius excogitavit, ut legem de religione Fufius tribunus plebis ferret (Cic. Att. 1, 16, 2).

Permixto paene senatus populi concilio consensus est, ut classem quinquaginta navium Hasdrubal Aegimurum traiceret (Liv. 30, 24, 11).

Responsum est mihi cupere quidem universos, ut a me rationes coloniae legerentur (Plin. Ep. 10, 47, 1).

Faveo enim saeculo, ne sit sterile et effetum, mireque cupio, ne nobiles nostri nihil in domibus suis pulchrum nisi imagines habeant (Plin. Ep. 5, 17, 6).

d) Veremur, ne forte non aliorum utilitatibus, sed propriae laudi nervisse videamur (Plin. Ep. 1, 8, 13).

Omnis labores te excipere video; timeo, ut sustineas (Cic. Fam. 14, 2, 3).

Pavor ... ceperat milites, ne mortiferum esset vulnus Scipionis (Liv. 24, 42, 2).

Sed vereor, ne auf eripiat causa regia nobis aut deseratur (Cic. Fam. 1, 5a, 3).

Non enim vereor ne non scribendo te expleam (Cic. Fam. 2, 1, 1).

Neque enim sum veritus ne sustinere tua (beneficia) in me vel innumerabilia non possem (Cic. Fam. 2, 6, 2).

Neque enim verebor, ne sim ei molestus, cui iucundum erit etiam propter se ipsum, quom me esse gratum videbit (Cic. Fam. 1, 8, 5).

e) Plura ne scribam, dolore impediatur (Cic. Att. 11, 13, 5).

Obstitisti videlicet, ne ex Italia transire in Siciliam fugitivorum copiae possent (Cic. Verr. 2, 5, 2, 5).

Teneri non potui, quin tibi apertius illud idem his litteris declararem (Cic. Att. 15, 14, 2).

...Nec se tenuit, quin contra suum doctorem librum etiam ederet... (Cic. Acad. 2, 4, 12).

Si ... (te) infirmitas valetudinis tuae tenuit, quominus ad ludos venires, fortunae magis tribuo quam sapientiae tuae (Cic. Fam. 7, 1, 1).

Non deterret sapientem mors, ... quominus in omne tempus rei publicae ... consulat (Cic. Tusc. 1, 38, 91).

- f) Non dubito, quin ad te omnes tui scripserint (Cic. Fam. 5, 8, 1).

Tamen mihi dubium non est, quin hoc tempore bono viro Romae esse miserrimum sit (Cic. Fam. 6, 1, 1).

Cave dubites, quin omnia de salute ac reditu tuo perfecta sint (Cic. Fam. 6, 12, 5).

- g) Alterum facio, ut caveam; alterum, ut non credam, facere non possum (Cic. Att. 2, 20, 1).

Splendor vester facit ut peccare sine summo rei publicae detrimento ac periculo non possitis (Cic. Verr. 2, 1, 8, 22).

Perfecit (Demosthenes) meditando, ut nemo planius eo locutus putaretur (Cic. De or. 1, 61, 260).

Faciendum mihi putavi, ut tuis litteris brevi responderem (Cic. Fam. 3, 8, 1).

(Caesar) committendum non putabat, ut pulsus hostibus dici posset eos ab se per fidem in colloquio circumventos (Caes. B. G. 1, 46, 3).

Non committam ut sit illustrior illa ipsa res, de qua disputem, quam oratio mea (Cic. Rep. 1, 24, 38).

Neque enim ita generati a natura sumus, ut ad ludum et iocum facti esse videamur, ad severitatem potius et ad quaedam studia graviora atque maiora (Cic. Off. 1, 29, 103).

- h) Iam prope erat, ut ne consulum quidem maiestas coerceret iras hominum (Liv. 2, 23, 14).

Relinquebatur, ut neque longius ab agmine legionum discedi Caesar pateretur (Caes. B. G. 5, 19, 3).

Credo quibusdam usu venire, ut abhorreant a Latinis (Cic. Fin. 1, 3, 8).

Ita fit, ut omnino nemo esse possit beatus (Cic. Tusc. 2, 6, 16).

Sulpicius 'Inesperanti mihi', inquit, 'et Cottae, sed valde optanti utrique nostrum cecidit, ut in istum sermonem, Crasse, delaberemini' (Cic. De or. 1, 21, 96).

Id aliquot de causis acciderat, ut subito Galli belli renovandi legionisque opprimendae consilium caperent (Caes. B. G. 3, 2, 2).

- i) Ah nescis, quam doleam (Ter. Heaut. 934).

Abi, vise, redieritne iam an nondum domum (Ter. Phorm. 445).

Dubito, num idem tibi suadere, quod mihi, debeam (Plin. Ep. 6, 27, 1).

Ego quid agam? Qua aut terra aut mari persequar eum, qui ubi sit, nescio? (Cic. Att. 7, 22, 2)

Scis, quae recta sit linea: quid tibi prodest, si, quid in vita rectum sit, ignoras? (Sen. Ep. 88, 13)

Ideo constituendum est, quid velimus, et in eo perseverandum (Sen. Ep. 23, 8).

Cogito mecum, quam multi corpora exerceant, ingenia quam pauci; quantus ad spectaculum non fidele et lusorium fiat concursus, quanta sit circa artes bonas solitudo; quam inbecilli animo sint quorum lacertos umerosque miramur (Sen. Ep. 80, 2).

Ipse (Caesar) Divitiacum Haeduum magnopere cohortatus docet, quanto opere rei publicae communisque salutis intersit manus hostium distineri, ne cum tanta multitudine uno tempore confligendum sit (Caes. B. G. 2, 5, 2).

Scire enim cupio, quid agas, quid expectes, quam longum istum tuum discessum a nobis futurum putes (Cic. Fam. 7, 10, 3).

Quomodo fabula, sic vita: non quam diu, sed quam bene acta sit, refert (Sen. Ep. 77, 20).

Est enim hoc Gallicae consuetudinis, uti et viatores etiam invitos consistere cogant et, quid quisque eorum de quaque re audierit aut cognoverit, quaerant (Caes. B. G. 4, 5, 2).

I.

a) Cum Caesar in Galliam venit, alterius factionis principes erant Haedui, alterius Sequani (Caes. B. G. 6, 12, 1).

Multi enim anni sunt, cum ille (M. Fadius) in aere meo est et a me diligitur propter summam suam humanitatem et observantiam (Cic. Fam. 15, 14, 1).

Permuli anni iam erant, cum inter patricos magistratus tribunosque nulla certamina fuerant (Liv. 9, 33, 3).

Aliquot enim sunt anni cum vos duo delegi quos praecipue colerem et quibus essem, sicut sum, amicissimus (Cic. Att. 9, 11A, 2).

Tu cum Romae eras, hoc mihi certum ac iucundissimum vacanti negotium erat tecum id otii tempus consumere (Cic. Fam. 8, 3, 1).

Res agitur per eosdem creditores, per quos, cum tu aderam, agebatur (Cic. Fam. 1, 1, 1).

Itaque cum sumus necessariis negotiis curisque vacui, tum aveamus aliquid videre, audire, addiscere cognitionemque rerum aut occultarum aut admirabilium ad beate vivendum necessariam ducimus (Cic. Off. 1, 4, 13).

Is, qui non defendit iniuriam neque propulsat, cum potest, iniuste facit (Cic. Off. 3, 18, 74).

Praeposteros habes tabellarios: etsi me quidem non offendunt, sed tamen, cum a me discedunt, flagitant litteras, cum ad me veniunt, nullas afferunt (Cic. Fam. 15, 17, 1).

Sed profecto mors tum aequissimo animo oppetitur, cum suis se laudibus vita occidens consolari potest (Cic. Tusc. 1, 45, 109).

Iamque paulum a fuga aberant, quom (= cum) Sulla profligatis iis, quos adversum ierat, rediens ab latere Mauris incurrit (Sall. Jug. 101, 8).

Vix annus intercesserat ab hoc sermone cohortationis meae, cum iste (Sulpicius) accusavit C. Norbanum, defendente me (Cic. De or. 2, 21, 89).

Vixdum satis patebat iter, cum perfugae certatim ruunt per portam (Liv. 27, 28, 11).

Vixdum epistolam tuam legeram, cum ad me currens ad illum (Caesarem) Postumus Curtius venit nihil nisi classes loquens et exercitus (Cic. Att. 9, 2b, 3).

Erant, qui Magonem cum classe ea copiisque omissa Italia in Hispaniam averterent, cum Sardiniae recipiendae repentina spes adfulsit (Liv. 23, 32, 7).

Hannibal iam scalis aliisque omnibus ad oppugnationem paratis subibat muros, cum repente in eum nihil minus quam tale quicquam timentem patefacta porta erumpunt Romani (Liv. 29, 7, 8).

Treveri magnis coactis peditatus equitatusque copiis Labienum cum una legione, quae in eorum finibus hiemabat, adoriri parabant. Iamque ab eo non longius bidui via aberant, cum duas venisse legiones missu Caesaris cognoscunt (Caes. B. G. 6, 7, 1-2).

Cum de tuis rebus gestis agebatur, inserviebam honori tuo (Cic. Fam. 3, 13, 1).

Praecepta vestra, Romani, et prior legatio fuit, cum Hannibalem, tanquam suo consilio Saguntum oppugnantem deposcebatis (Liv. 21, 18, 4).

b) Pridie Nonas Iunias, cum essem Brundisii, litteras tuas accepi (Cic. Fam. 3, 4, 1).

Antigonus in proelio, cum adversus Seleucum et Lysimachum dimicaret, occisus est (Nep. Reges, 3, 2).

(Metellus) moriens, cum iam ceteris ex partibus oppressa mens esset, extremum sensum ad memoriam reipublicae conservabat (Cic. Cael. 24, 59).

Thucydides ... libros hos ipsos tum scripsisse dicitur, cum a republica remotus atque ... in exilium pulsus esset (Cic. De or. 2, 13, 56).

Caesari cum id nuntiatum esset eos (Helvetios) per provinciam nostram iter facere conari, maturat ab urbe proficisci et, quam maximis potest itineribus, in Galliam ulteriorem contendit et ad Genavam pervenit (Caes. B. G. 1, 7, 1).

Qui (Alexander) cum interemisset Clitum familiarem suum,

vix a se manus abstinuit (Cic. Tusc. 4, 37, 79).

L. Lucceius, meus familiaris, homo omnium gratissimus, mirificas tibi apud me gratias egit, cum diceret omnia te cumulatissime et liberalissime procuratoribus suis pollicitum esse (Cic. Fam. 13, 42, 1).

Qui (homo) C. Caesarem, mitem hominem et a caede abhorrentem, saepe increpuit, saepe accusavit, cum adfirmaret illum numquam, dum haec natio viveret, sine cura futurum (Cic. Sest. 63, 132).

Maiores nostri, convenae pastoresque, cum in his locis nihil praeter silvas paludesque esset, novam urbem tam brevi aedificarunt (Liv. 5, 53, 9).

Nam cum solitudo et vita sine amicis insidiarum et metus plena sit, ratio ipsa monet amicitias comparare (Cic. Fin. 1, 20, 66).

Cum sint in nobis consilium ratio prudentia, necesse est deos haec ipsa habere maiora (Cic. N. D. 2, 31, 79).

(Themistocles) cum minus esset probatus parentibus, quod et liberius vivebat et rem familiarem neglegebat, a patre exheredatus est (Nep. Them. 1, 2).

(Dionysius) cum in communibus suggestis consistere non audebat, contionari ex turri alta solebat (Cic. Tusc. 5, 20, 59).

Si honesta sunt, quae facis, omnes sciant; si turpia, quid refert neminem scire, cum tu scias? O te miserum, si contemnis hunc testem! (Sen. Ep. 43, 5).

(Socrates) cum facile posset educi e custodia, noluit (Cic. Tusc. 1, 29, 71).

(Phocion) fuit enim perpetuo pauper, cum divitissimus esse posset (Nep. Phoc. 1, 2).

Cuius (Socratis) ingenium variosque sermones immortalitati scriptis suis Plato tradidit, cum ipse litteram Socrates nullam reliquisset (Cic. De or. 3, 16, 60).

Quorum (Marcelli, Scipionis, Mummii) domus cum honore et virtute florerent, signis et tabulis pictis erant vacuae (Cic. Verr. 2, 1, 21, 55).

Vide, quanta caritas sit patriae: cum homini sit iratus, tamen reipublicae causa defendit Antonium (Cic. Phil. 8, 6, 18).

II.

- a) Ut ager quamvis fertilis sine cultura fructuosus esse non potest, sic sine doctrina animus (Cic. Tusc. 2, 5, 13).

Ut in seminibus vis inest earum rerum, quae ex his progignuntur, sic in causis conditae sunt res futurae (Cic. Div. 1, 56, 128).

Ut corpora nostra lente augescunt, cito extinguuntur, sic ingenia studiaque opprimeris facilius, quam revocaveris (Tac. Agr. 3, 1).

Ut enim quisque maxime ad suum commodum refert, quaecumque agit, ita minime est vir bonus ut qui virtutem praemio metiuntur, nullam virtutem nisi malitiam putent (Cic. Leg. 1, 18, 49).

Haec omnia ut invitis ita non adversantibus patriciis transacta sunt (Liv. 3, 55, 15).

Nam ut Hortensius consul designatus domum reducebatur e campo cum maxima frequentia ac multitudine fit obviam casu ei multitudini C. Curio (Cic. Verr. 1, 7, 18).

Horum (Venetorum) auctoritate finitimi adducti, ut sunt Gallorum subita et repentina consilia, eadem de causa Trebium Terrasidiumque retinent (Caes. B. G. 3, 8, 3).

(Pelopidas) in quo proelio, Alexandrum ut animadvertit, incensus ira equum in eum concitavit proculque digressus a suis coniectu telorum confossus concidit (Nep. Pelop. 5, 4).

Fuga satellitum ut iacentem videre (= viderunt) regem facta est (Liv. 24, 7, 7).

Quem (Paulum) ut vidi, equidem vim lacrimarum profundi, ille autem me complexus atque osculans flere prohibebat (Cic. Rep. 6, 14, 14).

(Numa Pompilius) homines Romanos instituto Romuli bellicis studiis ut vidit incensos, existimavit eos paulum ab illa consuetudine esse revocandos (Cic. Rep. 2, 13, 25).

Ut quisque istius animum aut oculos offenderat, in lautumias statim coniciebatur (Cic. Verr. 2, 5, 55, 143).

- b) Mater consequitur; iam ut limen exirem, ad genua accidit lacrimans misera (Ter. Hec. 378–379).

Qui (Bruttius ager) ut omnis coleretur, exiguus tamen tanto alendo exercitui erat (Liv. 28, 12, 7).

Ut circumspiciamus omnia, quae populo grata atque iucunda sunt, nihil tam populare, quam pacem, quam concordiam, quam otium reperiemus (Cic. Agr. 1, 8, 23).

Ut enim rationem Plato nullam afferret ..., ipsa auctoritate me frangeret: tot autem rationes attulit, ut velle ceteris, sibi certe persuasisse videatur (Cic. Tusc. 1, 21, 49).

Раздел III, глава 3

I.

- a) Ex eo tempore neque pax neque bellum cum Veientibus fuit, res proxime in formam latrocinii venerat: legionibus Romanis cedebant in urbem, ubi abductas senserant legiones, agros incursabant, bellum quiete, quietem bello in vicem eludentes (Liv. 2, 48, 5).

Ubi frumento aut pabulo opus erat, cohortes cum omni equitatu praesidium agitabant; exercitus partem ipse, reliquos Marius ducebat, sed igni magis quam praeda ager vastabatur. Duobus locis haud longe inter se castra faciebant; ubi vi opus erat, cuncti aderant, ceterum, quo fuga atque formido latius cresceret, divorsi agebant (Sall. Jug. 55, 4-7).

Non prius sum conatus misericordiam aliis commovere, quam misericordia sum ipse captus (Cic. De or. 2, 47, 195).

... (Epaminondas) neque prius bellare destitit, quam Messene restituta urbem eorum (Lacedaemoniorum) obsidione clausit (Nep. Epam. 8, 4).

Novissimum ab Sabinis bellum ortum, multoque id maximum fuit: nihil enim per iram aut cupiditatem actum est, nec ostenderunt bellum prius quam intulerunt (Liv. 1, 11, 5).

Plus dolet, quam necesse est, qui ante dolet, quam necesse est (Sen. Ep. 98, 8).

Priusquam huiusce modi rei initium expedio, pauca supra repetam (Sall. Jug. 5, 3).

Si nostri oblitus es, dabo operam, ut istuc veniam, antequam plane ex animo tuo effluo (Cic. Fam. 7, 14, 1).

Dionysio, dum existimabam vagos nos fore, nolui molestus esse (Cic. Att. 7, 26, 3).

Dum Carthaginienses incolumes fuere, iure omnia saeva patiebamur (Sall. Jug. 14, 10).

li (Galli), dum pari certamine res geri potuit, magnum hostium numerum pauci sustinere (= sustinuerunt) (Caes. B. C. 1, 51, 5).

(Cato) quoad vixit, virtutum laude crevit (Nep. Cato, 2, 4).

Ut aegroto, dum anima est, spes esse dicitur, sic ego, quoad Pompeius in Italia fuit, sperare non destiti (Cic. Att. 9, 10, 3).

Tiberius enim Gracchus ... tam diu laudabitur, dum memoria rerum Romanarum manebit (Cic. Off. 2, 12, 43).

De comitiis, donec rediit Marcellus, silentium fuit (Liv. 23, 31, 9).

Nostri acriter in eos impetu facto reppulerunt neque finem sequendi fecerunt, quoad subsidio confisi equites, cum post se legiones viderent, praecipites hostes egerunt (Caes. B. G. 5, 17, 3).

- b) Quod ubi coeptum est fieri et equis concitatis Iuliani impetum fecissent, Pacideius suos equites exporrigere coepit in longitudinem, ut haberent facultatem turmas Iulianas circumfundi et nihilo minus fortissime acerrimeque pugnare (Bell. Afr. 78, 4).

Nunc quoque consul, priusquam castra videat aut hostem, innuit (Liv. 22, 39, 6).

Tempestas minatur, antequam surgat (Sen. Ep. 103, 2).

In optimis quoque, antequam erudias, virtutis materia, non virtus est (Sen. Ep. 90, 46).

Facta potestate ex oppido (Lentulus Spinther) mittitur neque ab eo prius Domitiani milites discedunt, quam in conspectum Caesaris deducatur (Caes. B. C. 1, 22, 2).

Antequam de praeceptis oratoriis dicamus, videtur dicendum de genere ipsius artis, de officio, de fine, de materia, de partibus (Cic. Inv. 1, 4, 5).

In omnibus autem negotiis, priusquam aggrediare, adhibenda est praeparatio diligens (Cic. Off. 1, 21, 73).

Prius paene, quam ipsi liberi sitis, dominari iam in adversarios vultis (Liv. 3, 53, 7).

Numidae, prius quam ex castris subveniretur, sicuti iussi erant, in proximos collis discedunt (Sall. Jug. 54, 10).

(Aristides) interfuit ... pugnae navali apud Salamina, quae facta est priusquam poena liberaretur (Nep. Arist. 2, 1).

(Mithridates Datamem) ferro transfixit priusque quam quisquam posset succurrere, interfecit (Nep. Datam. 11, 5).

Exspecta, amabo te, dum Atticum conveniam (Cic. Att. 7, 1, 4).

Itaque subsedi in ipsa via, dum haec, quae longiorem desiderant orationem, summam tibi perscriberem (Cic. Att. 5, 16, 1).

Nunc et Scaevola quoniam in Tusculanum ire constituit, paulum requiescet, dum se calor frangat (Cic. De or. 1, 62, 265).

Itaque dum locus comminus pugnandi daretur, aequo animo singulas binis navibus obiciebant (Caes. B. C. 1, 58, 4).

Obsidio deinde per paucos dies magis quam oppugnatio fuit, dum vulnus ducis curaretur (Liv. 21, 8, 1).

Thracēs nihil se moverunt, donec (Romani) armati transirent (Liv. 38, 40, 9).

Ipsē (Caesar) interea, quoad legiones collocatas munitaque hiberna cognovisset, in Gallia morari constituit (Caes. B. G. 5, 24, 8).

II.

- a) A. Manlius Torquatus bello Gallico filium suum, quod is contra imperium in hostem pugnaverāt, necari iussit (Sall. Cat. 52, 30).

Amicitiam non spe mercedis adducti, sed quod omnis eius fructus in ipso amore inest, expetendam putamus (Cic. Lael. 9, 31).

Itaque non tam ista me sapientiae, quam modo Fannius commemoravit, fama delectat, falsa praesertim, quam quod amicitiae nostrae memoriam spero sempiternam fore (Cic. Lael. 4, 15).

Sed quia natura mutari non potest, idcirco verae amicitiae sempiternae sunt (Cic. Lael. 9, 32).

Vos, Quirites, quoniam iam est nox, venerati Iovem illum, custodem huius urbis et vestrum, in vestra tecta discedite (Cic. Cat. 3, 12, 29).

Concedo et quod animus aequus est et quia necesse est (Cic. Amer. 50, 145).

- b) (Damocles) exoravit tyrannum, ut abire liceret, quod iam beatus nollet esse (Cic. Tusc. 5, 21, 62).

Aristides ... nonne ob eam causam expulsus est patria, quod praeter modum iustus esset? (Cic. Tusc. 5, 36, 105).

III.

- a) Quamquam adscensus difficilis erat et prope obruebantur telis anxisque, assuetudine tamen succedendi muros et pertinacia animi subierunt primi (Liv. 27, 18, 13).

Quamquam premuntur aere alieno, dominationem tamen expectant, rerum potiri volunt, honores, quos, quieti republica desperant, perturbata se consequi posse arbitrantur (Cic. Cat. 2, 9, 19).

Cui (Caesari) quamquam gratia referri tanta non potest, quanta debetur, habenda tamen est tanta, quantam maximam animi nostri capere possunt (Cic. Phil. 3, 2, 4).

Haec victor hostis imperat; haec, quamquam sunt gravia atque acerba, fortuna vestra vobis suadet (Liv. 21, 13, 8).

- b) (Sapiens) quamvis se ipso contentus sit, amicis illi opus est (Sen. Ep. 9, 15).

Nulla enim avaritia sine poena est, quamvis satis sit ipsa poenarum (Sen. Ep. 115, 16).

Homines, quamvis in turbidis rebus sint, tamen, si modo homines sunt, interdum animis relaxantur (Cic. Phil. 2, 16, 39).

Fremant omnes licet, dicam, quod sentio (Cic. De or. 1, 44, 195).

Sed omnia licet concurrant, Idus Martiae consolantur (Cic. Att. 14, 4, 2).

Раздел III, глава 4

- a) Avaritiam si tollere vultis (= vultis), mater eius est tollenda — luxuries (Cic. De or. 2, 40, 171).

Perit libertas, nisi illa contemnimus, quae nobis iugum imponunt (Sen. Ep. 85, 28).

Si vera potius, quam dictu speciosa dicenda sunt, cupido imperii duos cognatos vicinosque populos ad arma stimulat (Liv. 1, 23, 7).

Ne illi vehementer errant, si illam meam pristinam lenitatem perpetuam sperant futuram (Cic. Cat. 2, 3, 6).

Etenim si ille tali ingenio exitum non reperiēbat, quis nunc reperiet? (Cic. Att. 14, 1, 1)

Respiraro, si te videro (Cic. Att. 2, 24, 5).

Camillus in utraque vestra fortuna suam gloriam videt, ego, ni restituitur pugna, quod miserrimum est, fortunam cum omnibus, infamiam solus sentiam (Liv. 6, 24, 9).

Sed plane, quando aut ubi te visurus sim, nisi ad me scripseris, ne suspicari quidem possum (Cic. Fam. 3, 6, 5).

- b) Sim enim impudens, si plus postulem, quam homini a rerum natura tribui potest (Cic. Fam. 11, 21, 3).

Quorum si alterum sit optandum, malim equidem indisertam prudentiam, quam stultitiam loquacem (Cic. De or. 3, 35, 142).

Orationes (Thucydidis) ... ego laudare soleo, imitari neque possum, si velim, nec velim fortasse, si possim (Cic. Brut. 83, 287).

Sed omnes omnium caritates patria una complexa est, pro qua quis bonus dubitet mortem oppetere, si ei sit profuturus? (Cic. Off. 1, 17, 57)

Sed de studiis partium et omnis civitatis moribus si singillatim aut pro magnitudine parem disserere, tempus quam res maturius me deseret (Sall. Jug. 42, 5).

Pro quibus beneficiis vix satis gratus videar, si singulis animam quam nequeo concesserim (Sall. Hist. 2, 47, 5).

- c) Si esset in iis fides, in quibus summa esse debebat, non laboraremus (Cic. Fam. 1, 1, 4).

Num igitur eum, si tum esses, temerarium civem aut crudelem putares? (Cic. Phil. 8, 4, 14)

Cur igitur et Camillus doleat, si haec post trecentos et quinquaginta fere annos eventura putaret, et ego doleam, si ad de-

cem milia annorum gentem aliquam urbe nostra potituram putem? (Cic. Tusc. 1, 37, 90)

Si venisses ad exercitum, a tribunis militaribus visus esses; non es autem ab his visus: non es igitur ad exercitum profectus (Cic. Inv. 1, 47, 87).

In ipsa enim Graecia philosophia tanto in honore nunquam fuisset, nisi doctissimorum contentionibus dissensionibusque viguisset (Cic. Tusc. 2, 2, 4).

Aurum et argentum, aes, ferrum frustra natura divina genuisset, nisi eadem docuisset, quemadmodum ad eorum venas perveniretur (Cic. Div. 1, 51, 116).

- d) Si sciens fallo, tum me Iuppiter optimus maximus domum, familiam remque meam pessimo leto adficiat (Liv. 22, 53, 11).

(Lucius Quinctius) 'mirer', inquit, 'si vana vestra, patres conscripti, auctoritas ad plebem est?' (Liv. 3, 21, 4)

Neque tu hoc dicere audebis nec, si cupias, licebit (Cic. Verr. 2, 2, 69, 167).

Quid est enim Sicilia, si agri cultionem sustuleris et si aratorum numerum ac nomen exstinxeris? (Cic. Verr. 2, 3, 97, 226)

Quadam autem in argumentatione infirma est propositio, nisi adiuncta sit approbatio (Cic. Inv. 1, 36, 62).

Turpis enim excusatio est et minime accipienda cum in ceteris peccatis, tum si quis contra rem publicam se amici causa fecisse fateatur (Cic. Lael. 12, 40).

Persas Indos aliasque si adiunxisset (Alexander) gentes, impedimentum maius quam auxilium traheret (Liv. 9, 19, 5).

Qui (maiores nostri) mortuis tam religiosa iura tribuerunt, quod non fecissent profecto, si nihil ad eos pertinere arbitrarentur (Cic. Lael. 4, 13).

Nisi Latini sua sponte arma sumpsissent, capti et deleti eramus (Liv. 3, 19, 8).

Utiam si multum superesset aetatis, parce dispensandum erat, ut sufficeret necessariis (Sen. Ep. 48, 12).

II.

- a) Id etsi difficile est, tamen mihi videtur esse prudentiae tuae (Cic. Fam. 1, 9, 26).

Nam, etsi, quem exitum acies habitura sit, divinare nemo potest, tamen et belli exitum video, et, si id minus, hoc quidem certe, cum sit necesse alterum utrum vincere, qualis futura sit vel haec vel illa victoria (Cic. Fam. 6, 3, 2).

Ista veritas, etiamsi iucunda non est, mihi tamen grata est (Cic. Att. 3, 24, 2).

Honestum, ... etiamsi in alio cernimus, tamen nos movet atque illi, in quo id inesse videtur, amicos facit (Cic. Off. 1, 17, 55).

- b) Etiamsi corpus constringatur, animo tamen vincula inici nulla possint (Cic. Fin. 3, 22, 75).

Equidem, etiamsi oppetenda mors esset, domi atque in patria (esse) mallet, quam in externis atque alienis locis (Cic. Fam. 4, 7, 4).

Rectum est ... etiam in illis contentionibus, quae cum inimicissimis fiunt, etiamsi nobis indigna audiamus, tamen gravitatem retinere, iracundiam repellere (Cic. Off. 1, 38, 137).

Раздел III, глава 5

- a) Ego tibi illam Aciliam legem restituo, qua lege multi semel accusati, semel dicta causa, semel auditis testibus condemnati sunt (Cic. Verr. 2, 1, 9, 26).

Tum lex Porcia aliaeque leges paratae sunt, quibus legibus exsilium damnatis permissum est (Sall. Cat. 51, 40).

Itaque omnis gratia, potentia, honos, divitiae apud illos sunt aut, ubi illi volunt (Sall. Cat. 20, 8).

(Diodorus) Lilybaei multos iam annos habitat, homo et domi nobilis et apud eos, quo se contulit, propter virtutem splendidus et gratosus (Cic. Verr. 2, 4, 18, 38).

Caesar, quod hostes equitatu superiores esse intellegebat et interclusis omnibus itineribus nulla re ex provincia atque Italia sublevare poterat, trans Rhenum in Germaniam mittit ad eas civitates, quas superioribus annis pacaverat, equitesque ab

his arcessit et levis armaturae pedites, qui inter eos proeliari consuerant (Caes. B. G. 7, 65, 4).

(Tarquinius Superbus) mortuus (est) Cumis, quo se post fractas opes Latinorum ad Aristodemum tyrannum contulerat (Liv. 2, 21, 5).

(Caesar) in Lingones contendit, ubi duae legiones hiemabant (Caes. B. G. 7, 9, 4).

- b) Sunt autem multi, et quidem cupidi splendoris et gloriae, qui eripiunt aliis, quod aliis largiantur (Cic. Off. 1, 14, 43).

Quaesita enim virtus est non quae relinqueret naturam, sed quae tueretur (Cic. Fin. 4, 15, 41).

Hanc sibi iste (Verres) urbem (Messanam) delegerat quam haberet adiutricem scelerum, furtorum recepticem, flagitiorum omnium consciam (Cic. Verr. 2, 5, 62, 160).

Audies ex me fortasse, quod non omnes probent (Cic. Brut. 49, 183).

Mea quidem sententia paci, quae nihil habitura sit insidiarum, semper est consulendum (Cic. Off. 1, 11, 35).

Nam est innocentia adfectio talis animi, quae noceat nemini (Cic. Tusc. 3, 8, 16).

Incidunt multae saepe causae, quae conturbent animos utilitatis specie (Cic. Off. 3, 10, 40).

Multa enim e corpore existunt quae acuant mentem, multa quae obtundant (Cic. Tusc. 1, 33, 80).

Secutae sunt continuos complures dies tempestates, quae et nostros in castris continerent et hostem a pugna prohiberent (Caes. B. G. 4, 34, 4).

Talem igitur te esse oportet, qui primum te ab impiorum civium tui dissimillimorum societate seiungas (Cic. Fam. 10, 6, 3).

Nemo est enim, qui nesciat, quo minus discessio fieret, per adversarios tuos esse factum (Cic. Fam. 1, 4, 2).

Ea est Romana gens, quae victa quiescere nesciat (Liv. 9, 3, 12).

Dies deinde praestituta capitalisque poena, qui non remigrasset Romam (Liv. 6, 4, 5).

Xerxes ... praemium proposuit, qui invenisset novam voluptatem (Cic. Tusc. 5, 7, 20).

Miseret tui me, qui hunc tantum hominem facias inimicum tibi (Ter. Eun. 802).

Facis adeo indigne iniuriam illi, qui non abstineas manum (Ter. Heaut. 565).

Iniquos es, qui me tacere de re tanta postules (Ter. Heaut. 1011).

O magna vis veritatis, quae contra hominum ingenia, calliditatem, sollertiam contraque fictas omnium insidias facile se per se ipsa defendat (Cic. Cael. 26, 63).

Id tulit factum graviter Indutimarus, suam gratiam inter suos minui, et, qui iam ante inimico in nos animo fuisset, multo gravius hoc dolore exarsit (Caes. B. G. 5, 4, 4).

Inde barbari dissipati, quibus nec certa imperia nec duces essent, vertunt impetum in suos (Liv. 7, 24, 8).

Cuius tu fidem in pecunia perspexeris, verere verba ei credere? (Ter. Phorm. 60–61)

Egomēt, qui sero ac leviter Graecas litteras attigissem, tamen, cum pro consule in Ciliciam proficiscens Athenas venissem, complures tum ibi dies sum propter navigandi difficultatem commoratus (Cic. De or. 1, 18, 82).

Qui per tot annos Hieronem filiumque eius Gelonem nec vestis habitu nec alio ullo insigni differentes a ceteris civibus viderent, ei conspexere purpuram ac diadema ac satellites armatos, quadrigisque etiam alborum equorum interdum ex regia procedentem more Dionysi tyranni (Liv. 24, 5, 3–4).

Octo hominum milia tenebat Hannibal, non quos in acie cepisset, aut qui periculo mortis diffugissent, sed qui relictī in castris fuissent a Paulo et a Varrone consulibus (Cic. Off. 3, 32, 114).

Контрольные тексты

Разделы I, II

Studeamus ergo nec desidiaē nostrae praetendamus alienam (Plin. Ep. 4, 16, 3).

Cautus adito neu desis operae neve immoderatus abundes (Hor. Serm. 2, 5, 88–89).

Ossa quieta, precor, tuta requiescite in urna,
Et sit humus cineri non onerosa tuol (Ov. Am. 3, 9, 67–68).

Quae loca et nationes ob calorem aut asperitatem, item solitudines minus frequentata sunt, de iis haud facile conpertum naraverim (Sall. Jug. 17, 2).

Fac, quaeso, qui ego sum, esse te (Cic. Fam. 7, 23, 1).

Meminerimus autem etiam adversus infimos iustitiam esse servandam (Cic. Off. 1, 13, 41).

Iniecta autem mihi spes quaedam est velle mecum Ser. Sulpicium colloqui (Cic. Att. 10, 7, 2).

Satisne igitur videor vim verborum tenere, an sum etiam nunc vel Graece loqui vel Latine docendus? (Cic. Fin. 2, 5, 15)

Cur ego non laeter meum consulatum ad salutem populi Romani prope fatalem exstitisse? (Cic. Cat. 4, 1, 2)

Utilitatis duae partes videntur esse, incolumitas et potentia. Incolumitas est salutis rata atque integra conservatio; potentia est ad sua conservanda et alterius attenuanda idonearum rerum facultas (Cic. Inv. 2, 56, 169).

Ipse Pompeius ab inimicis Caesaris incitatus et quod neminem dignitate secum exaequari volebat, totum se ab eius amicitia averterat et cum communibus inimicis in gratiam redierat ... rem ad arma deduci studebat (Caes. B. C. 1, 4, 4–5).

Naves Antiatium partim in navalia Romae subductae, partim incensae, rostrisque earum suggestum in foro exstructum adornari placuit, Rostraque id templum appellatum (Liv. 8, 14, 12).

Vim mali significantes poetae impendere apud inferos saxum Tantalo faciunt (Cic. Tusc. 4, 16, 35).

(Athenienses Alcibiadem) corruptum a rege (Persarum) capere Cymen noluisse arguebant (Nep. Alcib. 7, 2).

Volux adveniens quaestorem appellat dicitque se a patre Boccho obviam illis simul et praesidio missum (Sall. Jug. 106, 1).

Perfecto ponte, magnis quinque civitatibus ad amicitiam adiunctis, expedita re frumentaria, extinctis rumoribus de auxiliis legionum, quae cum Pompcio per Mauritaniam venire dicebantur, multae longinquiores civitates ab Afranio desciscunt et Caesaris amicitiam sequuntur (Caes. B. C. 1, 60, 15).

Fulvia insolentia <e> Curi causa cognita tale periculum rei publicae haud occultum habuit, sed sublato auctore de Catilinae conurbatione quae quoque modo audierat compluribus narravit (Sall. Cat. 23, 4).

Prima luce ex superioribus locis, quae Caesaris castris erant coniuncta, cernebatur equitatus nostri proelio novissimos illorum premi vehementer ac nonnunquam sustineri extremum agmen atque interrumpi, alias inferri signa et universarum cohortium impetu nostros propelli, dein rursus conversos insequi. Totis vero castris milites circulari et dolere hostem ex manibus dimitti, bellum non necessario longius duci (Caes. B. C. 1, 64, 1-2).

Nunc vero quid faciat Hortensius? Avaritiaene crimina frugalitatis laudibus deprecetur? At hominem flagitiosissimum, libidinosissimum nequissimumque defendit. An ab hac eius infamia ac nequitia vestros animos in aliam partem fortitudinis commemoratione traducat? (Cic. Verr. 2, 2, 78, 192)

Раздел III

Гл. 1.

Opto, ut in hoc iudicio nemo improbus praeter eum qui iam pridem inventus est reperiatur (Cic. Verr. 1, 17, 50).

(Caesar) veritus, ne noctu ex oppido profugerent, duas legiones in armis excubare iubet (Caes. B. G. 7, 11, 6).

Ardeo cupiditate incredibili neque, ut ego arbitror, reprehendenda, nomen ut nostrum scriptis inlustretur et celebretur tuis (Cic. Fam. 5, 12, 1).

De voluntate tua, ut simul simus, vel studio potius et cupiditate non dubito (Cic. Att. 12, 26, 1).

O me perditum, o afflictum! Quid nunc? Rogem te, ut venias, mulierem aegram et corpore et animo confectam? non rogem? Sine te igitur sim? (Cic. Fam. 14, 4, 3)

(Marcius Rufus) magistris imperat navium ut primo vespere omnes menphas ad litus appulsas habeant (Caes. B. C. 2, 43, 1).

Vide, mi Parmeno, etiam, sodes, ut mihi haec certa et clara attuleris. Ne me in breve conicias tempus gaudio hoc falso frui (Ter. Hec. 841-842).

Nos autem id videamus, quod in nobis ipsis esse debet, ut quicquid acciderit, fortiter et sapienter feramus et accidisse hominibus meminerimus (Cic. Att. 14, 13, 3).

In primis id, quod scribis, omnibus rebus cura et provide, ne quid ei desit, de qua scis me miserrimum esse (Cic. Att. 11, 3, 3).

Itaque missi iuniores patrum in castra, quae tum in monte Vecilio erant, nuntiant decemviris, ut omni ope ab seditione milites contineant (Liv. 3, 50, 1).

In me ipso saepissime experior, ut exalbecam in principiis dicendi et tota mente, atque omnibus artibus contremiscam (Cic. De or. 1, 26, 121).

Exordienda causa servandum est, ut lenis sit sermo et usitata verborum consuetudo, ut non apparata videatur oratio esse (Herenn. 1, 7, 11).

Vos autem, Adherbal et Hiempsal, colite, observate talem hunc virum, imitamini virtutem et enitimini, ne ego meliores liberos nupsisse videar quam genuisse (Sall. Jug. 10, 8).

Apud hostes auxiliares cedentes secunda acies, Afri et Carthaginienses, adeo non sustinebant, ut contra etiam, ne resistentes pertinaciter primos caedendo ad se perveniret hostis, pedem referrent (Liv. 30, 34, 5).

Quam (Siciliam) iste (Verres) per triennium ita vexavit ac perdidit, ut ea restitui in antiquum statum nullo modo possit, vix autem per multos annos innocentesque praetores aliqua ex parte recreari aliquando posse videatur (Cic. Verr. 1, 4, 12).

Sic enim mihi perspicere videor, ita natos esse nos, ut inter omnes esset societas quaedam, maior autem, ut quisque proxime accederet (Cic. Lael. 5, 19).

Causam ostendemus Ulixi fuisse quare interfecerit Aiacen (=

Aiacem). Inimicum enim acerrimum de medio tollere volebat, a quo sibi non iniuria summum periculum metuebat. Videbat illo incolumi se incolumem non futurum; sperabat illius morte se salutem sibi comparare (Herenn. 2, 19, 28).

Consul ubi ea parari cognovit, dispositis praesidiis, ut res atque tempus monebat, convocato senatu refert, quid de iis fieri placeat, qui in custodiam traditi erant (Sall. Cat. 50, 3).

Sed confecto proelio tum vero cerneret, quanta audacia quantaque animi vis fuisset in exercitu Catilinae (Sall. Cat. 61, 1).

(Q. Titurius Sabinus) huic (cuidam Gallo) magnis praemiis pollicitationibusque persuadet, uti ad hostes transeat, et, quid fieri velit, edocet (Caes. B. G. 3, 18, 2).

Reliquum est, ut, et quid agatur, quoad poteris, explores scribasque ad me, et quid ipse coniectura assequare (Cic. Att. 7, 13, 4).

Magnum esse solem philosophus probabit; quantus sit, mathematicus qui usu quodam et exercitatione procedit (Sen. Ep. 88, 27).

Гл. 2.

At vero Polyphemum Homerus, cum immanem ferumque finxisset, cum ariete etiam colloquentem facit eiusque laudare fortunas (Cic. Tusc. 5, 39, 115).

Pythagoras cum ad cetera animo officioque ducis fungebatur, tunc vero unus ne caperetur urbs causa fuit; succendi enim aedificia proxima muro iussit (Liv. 34, 39, 9).

Cum in Africam venissem, ... nihil mihi fuit potius quam ut Masinissam convenirem, regem familiae nostrae iustis de causis amicissimum (Cic. Rep. 6, 9, 9).

At Romae Lentulus cum ceteris, qui principes coniurationis erant paratis ut videbatur magnis copiis constituerant, uti, quom (= cum) Catilina in agrum Aefulanum cum exercitu venisset, L. Bestia tribunus plebis contione habita quereretur de actionibus Cicero-
nis bellique gravissimi invidiam optumo consuli inponeret... (Sall. Cat. 43, 1).

Itaque (Miltiades) cum ipse pro se dicere non posset, verba fecit frater eius Stesagoras (Nep. Miltiad. 7, 5).

Cum multa sint in philosophia et gravia, et utilia, accurate copi-

oseque a philosophis disputata, latissime patere videntur ea, quae de officiis tradita ab illis et praecepta sunt (Cic. Off. 1, 2, 4).

Haec cum viderem, quid agerem, iudices?... Contenderem contra tribunum plebis privatus armis? (Cic. Sest. 19, 42-43)

Ut primum post discessum latronis vel potius desperatam fugam libere senatus haberi potuit, semper flagitavi, ut convocaremur (Cic. Phil. 5, 11, 30).

Гл. 3.

(Principes Galliae) in primis rationem esse habendam dicunt, priusquam eorum clandestina consilia efferantur, ut Caesar ab exercitu intercludatur (Caes. B. G. 7, 1, 6).

Is (P. Rullus) videlicet antequam veniat in Pontum, litteras ad Cn. Pompeium mittet (Cic. Agr. 2, 20, 53).

(Romani) prius in hostium castris constiterunt, quam plane ab his videri aut, quid rei gereretur, cognosci posset (Caes. B. G. 3, 26, 3).

Ego autem a patre ita eram deductus ad Scaevolam sumpta virili toga, ut, quoad possem et liceret, a senis latere numquam discederem (Cic. Lael. 1, 1).

Facio libenter, ut, quoniam intervallo locorum et temporum diiuncti sumus, per litteras tecum quam saepissime conloquar (Cic. Fam. 1, 7, 1).

Omnis homines, qui sese student praestare ceteris animalibus, summa ope niti decet, ne vitam silentio transeant veluti pecora, quae natura prona atque ventri oboedientia finxit... Quo mihi rectius videtur ingeni quam virium opibus gloriam quaerere et, quoniam vita ipsa qua fruimur brevis est, memoriam nostri quam maxime longam efficere (Sall. Cat. 1, 1-3).

Гл. 4.

Dicam tuis, ut eum (librum meum), si velint, describant ad teque mittant (Cic. Fam. 12, 17, 2).

Emoriar, si non hanc uxorem duxero! (Ter. Eun. 888)

Peream male, si non optimum erat! (Hor. Serm. 2, 1, 6-7)

Moriar, si magis gauderem, si id mihi accidisset! (Cic. Att. 8, 6, 4)

Ne vivam, si scio (Cic. Att. 4, 17, 5).

Neque diutius Numidae resistere quivissent, ni (= nisi) pedites cum equitibus permixti magnam cladem in congressu facerent (Sall. Jug. 59, 3).

(Regulus) iuratus missus est ad senatum, ut, nisi redditi essent Poenis captivi nobiles quidam, rediret ipse Carthaginem (Cic. Off. 3, 26, 99).

Danda opera est, ne qua amicorum discidia fiant; sin tale aliquid evenierit, ut exstinctae potius amicitiae quam oppressae (esse) videantur (Cic. Lael. 21, 78).

Si ceteri (rumores) falsi soleant esse, argumentabimur hunc esse verum (Herenn. 2, 8, 12).

Librum ... misi exigenti tibi, missurus, etsi non exegisses (Plin. Ep. 3, 13, 1).

Te autem etsi mallem in meis rebus expertum quam etiam in tuis, tamen in molestia gaudeo eam fidem cognosse hominum non ita magna mercede, quam ego maxime dolore cognoram (Cic. Fam. 1, 9, 3).

Quid igitur timeam, si aut non miser post mortem aut beatus etiam futurus sum? (Cic. Sen. 19, 67).

Num igitur, si (Scipio) ad centesimum annum vixisset, senectutis eum suae paeniteret? (Cic. Sen. 6, 19)

Гл. 5.

Etenim quis mortalium, quoi (= cui) virile ingenium est, tolerare potest illis divitias superare, quas profundant in extruendo mari et montibus coaequandis, nobis rem familiarem etiam ad necessaria deesse? (Sall. Cat. 20, 11)

Nos hic valemus recte et, quo melius valeamus, operam dabimus (Cic. Fam. 11, 23, 1).

Mihi crede, nihil ex ista provincia potes, quod iucundius sit, deportare (Cic. Fam. 7, 15, 2).

In eo ipso vis maxima est, ut simus ii, qui haberi velimus (Cic. Off. 2, 13, 44).

Quid enim videatur ei magnum in rebus humanis, cui aeternitas omnis totiusque mundi nota sit magnitudo! (Cic. Tusc. 4, 17, 37)

Ubi enim istum invenias, qui honorem amici anteponat suo? (Cic. Lael. 17, 64)

Sed postquam senatus de bello eorum accepit, tres adolescentes in Africam legantur, qui ambos reges adeant, senatus populi que Romani verbis nuntient velle et censere eos ab armis discedere, <de controversiis suis iure potius quam bello disceptare>: ita seque illisque dignum esse (Sall. Jug. 21, 4).

Ex quo fit ut laudandus is sit qui mortem oppetat pro re publica, quod deceat cariorem nobis esse patriam quam nosmet ipsos (Cic. Fin. 3, 19, 64).

Et natura Quinctius erat lenior, et saevitia infelix collegae, quo is magis gauderet ingenio suo effecerat (Liv. 2, 60, 1).

Nec tam est enitendum ut bona, quae nobis data non sint, sequamur, quam ut vitia fugiamus (Cic. Off. 1, 31, 114).

(Postumius) ... cohorti suae, quam delectam manum praesidii causa circa se habebat, dat signum, ut, quem suorum fugientem viderint, pro hoste habeant (Liv. 2, 20, 5).

Romae ... plebis victoria fuit in eo, ut, quae mallent, comitia haberent ... (Liv. 4, 56, 1).

Restat ut doceam atque aliquando perorem omnia, quae sint in hoc mundo, quibus utantur homines, hominum causa facta esse et parata (Cic. N. D. 2, 61, 154).

Et tamen veremur, ut hoc, quod a tam multis et quod tot locis perferatur, natura patiatur? (Cic. Tusc. 2, 20, 46)

Ne quid mihi prorogetur, quod ne intercessor quidem sustinere possit, horreo (Cic. Att. 5, 21, 3).

Quemadmodum igitur membris utimur prius quam didicimus, cuius ea utilitatis causa habeamus, sic inter nos natura ad civilem communitatem coniuncti et consociati sumus (Cic. Fin. 3, 20, 66).

Unum enim mihi restabat illud, quod forsitan non nemo vir fortis et acris animi magnique dixerit: 'Restitisses, repugnasses, mortem pugnans oppetisses' (Cic. Sest. 20, 45).

Qui (dei) quam ob rem colendi sint non intellego nullo nec accepto ab iis nec sperato bono (Cic. N. D. 1, 41, 116).

Magna culpa Pelopis, qui non erudierit filium nec docuerit, quatenus esset quidque curandum (Cic. Tusc. 1, 44, 107).

Et quamquam omnis virtus nos ad se allicit facitque, ut eos diligamus, in quibus ipsa inesse videatur, tamen iustitia et liberalitas id maxime efficit (Cic. Off. 1, 17, 56).

Magna vis est conscientiae ... et magna in utramque partem, ut neque timeant, qui nihil commiserint, et poenam semper ante oculos versari putent, qui peccarint (Cic. Mil. 23, 61).

Sic te diva potens Cypri,
sic fratres Helenae, lucida sidera,
ventorumque regat pater
obstrictis aliis praeter Iapyga,
navis, quae tibi creditum
debes Vergilium: finibus Atticis
reddas incolumem precor
et serves animae dimidium meae.

(Hor. Carm. I, 3, 1-8)

Serus in caelum rodeas diuque
laetus intersis populo Quirini,
neve te nostris vitiis iniquum
ocior aura
tollat: hic magnos potius triumphos,
hic ames dici pater atque princeps,
neu sinas Medos equitare inultos
te duce, Caesar.

(Hor. Carm. I, 2, 45-52)

Niger rudentis Euris inverso mari
fractosque remos differat;
insurgat Aquilo, quantus altis montibus
frangit trementis ilices;
nec sidus atra nocte amicum adpareat,
qua tristis Orion cadit;
quietiore nec feratur aequore.

(Hor. Epod. 10, 5-11)

Vivamus, mea Lesbia, atque amemus,
Rumoresque senum severiorum
Omnes unius aestimemus assis.
Soles occidere et redire possunt:
Nobis cum semel occidit brevis lux,
Nox est perpetua una dormienda.
Da mi basia mille, deinde centum,
Dein mille altera, dein secunda centum,
Deinde usque altera mille, deinde centum.
Dein, cum milia multa fecerimus,
Conturbabimus illa, ne sciamus,

Aut ne quis malus invidere possit,
Cum tantum sciat esse basiorum.

(Catull. 5)

Odi et amo. Quare id faciam, fortasse requiris.
Nescio, sed fieri sentio et excrucior.

(Catull. 85)

Haec mea, si casu miraris, epistula quare
Alterius digitis scripta sit: aeger eram.
Aeger in extremis ignoti partibus orbis,
Incertusque meae paene salutis eram.
Quem mihi nunc animum dira regione iacenti
Inter Sauromatas esse Getasque putes?
Nec caelum patior, nec aquis assuevimus istis,
Terraque nescio quo non placet ipsa modo.
Non domus apta satis, non hic cibus utilis aegro,
Nullus, Apollinea qui levet arte malum,
Non qui soletur, non qui labentia tarde
Tempora narrando fallat, amicus adest.

(Ov. Tr. 3, 3, 1-12)

Рекомендуемые грамматики, учебники и словари латинского языка

Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Ч. 1 (теоретическая). 3-е изд. М., 1950.

Соболевский С. И. Хрестоматия для перевода с латинского языка на русский. Ч. 1. М., 1939.

Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Ч. 2 (практическая). Синтаксис. М., 1947.

Боровский Я. М., Болдырев А. В. Учебник латинского языка. М., 1975.

Мирошенкова В. И., Федоров Н. А. Учебник латинского языка. 2-е изд., М., 1985.

Латинский язык. 4-е изд. / Под ред. В. Н. Ярхо, В. И. Лободы. М., 1993.

Покровская Э. А., Кацман Н. Л. Латинский язык. 3-е изд. М., 1987; 4-е изд. М., 1996.

Дерюгин А. А., Лукьянова Л. М. Латинский язык. 2-е изд. М., 1986.

Гончарова Н. А. Латинский язык: Практическое пособие по лексике и грамматике. Минск, 1989.

Подосинов А. В., Щавелева Н. И. Lingua Latina. Введение в латинский язык и античную культуру. Уч. пос. для гимназий, лицеев и школ с гуманитар. профилем. Ч. I—III. М., 1994.

Подосинов А. В. Lingua Latina. Введение в латинский язык и античную культуру. Ч. IV, кн. 1, 2. Хрестоматия латинских текстов. М., 1995.

Кацман Н. Л., Культышева И. С., Ульянова И. Л. Учебник латинского языка для лицеев и гимназий. М., 1995.

Kühner R., Stegmann C. Ausführliche Grammatik der Lateinischen Sprache. II Teil: Satzlehre. Bd. 1, 2. 2 Aufl. Hannover, 1914 (Nachdruck: Hannover, 1988).

Leumann M., Hofmann J. B., Szantyr A. Lateinische Grammatik. Bd. 1, 2. München, Bd. 1 — 1977, Bd. 2 — 1964.

Ernout A., Thomas F. Syntaxe Latine. 2 éd. Paris, 1953.

Riemann O. Syntaxe Latine. 6 éd. Paris, 1920.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 3-е изд. М., 1986¹.

Oxford Latin dictionary. Fasc. 1—8. Oxford, 1968—1982.

¹ Здесь названы только наиболее полные из отечественных и зарубежных словарей. При работе с пособием можно пользоваться и другими словарями, находящимися в распоряжении читателя.

Указатель имен¹

Аверинцев С. С. 80
 Адамец П. 28
 Адмони В. Г. 19
 Алисова Т. Б. 28, 29, 31, 56, 59
 Арутюнова Н. Д. 10
 Балли Ш. 18, 49
 Беличова-Кржижкова Е. см. Кржижкова Е.
 Белошапкова В. А. 15
 Бенвенист Э. 37, 40, 118, 129
 Бондаренко В. Н. 19
 Брёндаль В. (Brøndal V.) 37
 Булыгина Т. В. 66
 Вендлер З. см. Vendler Z.
 Володин А. П. 19
 Вольф Е. М. 17, 98
 Гак В. Г. 17, 20, 49, 74, 103, 111
 Гордезиани Р. В. 57
 Гуревич А. Я. 80, 81
 Ельмслев Л. см. Hjelmslev L.
 Есперсен О. 22
 Зализняк Анна А. 68
 Звегинцев В. А. 17
 Зелинский Ф. 57
 Карттунен Л. 51
 Карцевский С. 17
 Касевич В. Б. 107
 Кнабе Г. С. 60
 Колосова Т. А. 48, 49
 Кондаков Н. И. 87, 105
 Кржижкова Е. 20, 23, 28, 55
 Курилович Е. 37, 38
 Лопатина М. Г. 8, 73, 121
 Лосев А. Ф. 20, 51, 81, 85, 123
 Лотман Ю. М. 81
 Ляпон М. В. 105
 Нахов И. М. 51
 Падучева Е. В. 18

Пешковский А. М. 18, 37
 Постовалова В. И. 80
 Потебня А. А. 37
 Репина Т. А. 31, 47
 Рестап П. 20
 Реферовская Е. А. 111
 Сабанеева М. К. 9, 34, 101, 124
 Савельева О. М. 57
 Славянская М. Н. 48, 69, 73, 75, 78
 Соболевский С. И. 9, 82, 92
 Степанов Ю. С. 5, 66, 129
 Тахо-Годи А. А. 51, 115
 Тронский И. М. 77, 86, 119, 120
 Федоров Н. А. 13
 Фере Г. 16
 Хинтика Я. 10
 Холодович А. А. 111
 Храковский В. С. 19, 107
 Черемисина М. И. 48, 49
 Шведова Н. Ю. 88, 105
 Шендельс Е. И. 19
 Якобсон Р. 37, 38
 Ярхо В. Н. 51, 57
 Allcroft A. H. 109, 114
 Baratin M. 108
 Bassols de Climent M. 113
 Bolkestein A. M. 33, 72
 Brunot F. 83
 Elerick Ch. 120
 Ernout A. 73, 86, 92
 Fraser B. 117
 Fridh A. 73, 89
 Griffe M. 73, 76
 Harris M. B. 108
 Haydon J. H. 109, 114
 Hjelmslev L. 37, 38
 Hoff F. 17
 Hofmann J. B. 9

Hyart Ch. 73, 78
 Jarcho V. N. см. Ярхо В. Н.
 Karcevsky S. см. Карцевский С.
 Katz J. J. 105
 König E. 117
 Köhner R. 82
 Langendoen D. T. 105
 Lavency M. 83, 84, 88, 118, 126
 Leumann M. 9
 Lyons J. 24
 Mariner Bigorra S. 14, 23
 Martin R. 110
 Meillet A. 73, 86, 121
 Moignet G. 86
 Nutting H. C. 106, 109, 110, 116
 Orlandini A. 24
 Palmer F.-R. 29, 31
 Pinkster H. 13, 17
 Riemann O. 86, 92
 Ronconi A. 10, 16, 115

Rosen H. 112
 Rosen H. B. 112
 Russell B. 51
 Scherer A. 10, 89
 Seiler H. 59
 Serbat G. 60
 Snell B. 57
 Stegmann C. 82
 Stephens L. 78
 Szantyr A. 9
 Tesařová-Nováková Dr. 34
 Thomas F. 9, 15, 73, 86, 92
 Touratier C. 4, 9, 73, 75, 94, 99, 103, 118
 Vairel H. 11, 105, 108
 Vendler Z. 10, 33, 50, 77, 87, 99
 Vendryès J. 86, 121
 Wackernagel J. 9, 75, 78, 87, 94, 104
 Wagner R.-L. 121
 Wierzbicka A. 105

¹ Полное название цитируемых работ приводится в тексте при их первом упоминании.

Список сокращений

Bell. Afr.	= De bello Africano
Bell. Hisp.	= De bello Hispaniensi
Caes.	= C. Julius Caesar, 100—44 гг. до н. э.
B. G.	= Commentarii de bello Gallico
B. C.	= Commentarii de bello civili
Cato	= M. Porcius Cato, 234—149 гг. до н. э.
R. R. (De agr.)	= Res rustica (De agri cultura)
Catull.	= C. Valerius Catullus, 87—54 гг. до н. э.
Cic.	= M. Tullius Cicero, 106—43 гг. до н. э.
Acad.	= Academica
Agr.	= De lege agraria
Amer.	= Pro S. Roscio Amerino
Att.	= Epistulae ad Atticum
Balb.	= Pro L. Balbo
Brut.	= Brutus, sive De claris oratoribus
Cael.	= Pro M. Caelio
Cat.	= In L. Catilinam
Cluent.	= Pro A. Cluentio
Dei.	= Pro rege Deiotaro
De or.	= De oratore
Div.	= De divinatione
Fam.	= Epistulae ad familiares
Fin.	= De finibus
Inv.	= De inventione
Lael.	= Laelius, sive De amicitia
Leg.	= De legibus
Mil.	= Pro T. Annio Milone
N. D.	= De natura deorum
Off.	= De officiis
Phil.	= In M. Antonium orationes Philippicae
Pis.	= In L. Pisonem
Planc.	= Pro Cn. Plancio
Pomp.	= Pro lege Manilia de imperio Cn. Pompei
Qu. fr.	= Epistulae ad Quintum fratrem
Rab. Post.	= Pro C. Rabirio Postumo
Rep.	= De re publica
Sen.	= Cato Major, sive De senectute
Sest.	= Pro P. Sestio
Sulla	= Pro P. Sulla
Tusc.	= Tusculanae disputationes

Vatin.	= Pro P. Vatinio
Verr.	= In C. Verrem
Curt.	= Q. Curtius Rufus, I в. н. э.
De gestis Alexandri Magni regis Macedonum	
Herenn.	= Ad Herennium
Hor.	= Q. Horatius Flaccus, 65—8 гг. до н. э.
Carm.	= Carmina
Epist.	= Epistulae
Epod.	= Epodi
Serm.	= Sermones
Liv.	= Titus Livius, 59 г. до н. э. — 17 г. н. э.
Ab urbe condita	
Mart.	= M. Valerius Martialis, ок. 42—101/104 гг.
Nep.	= Cornelius Nepos, ок. 100— после 32 гг. до н. э.
Vitae:	
Miltiad.	= Miltiades
Them.	= Themistocles
Arist.	= Aristides
Alcib.	= Alcibiades
Thras.	= Thrasybulus
Chabr.	= Chabrias
Datam.	= Datames
Epam.	= Epaminondas
Pelop.	= Pelopidas
Phoc.	= Phocion
Tim.	= Timoleon
Reges	= Reges
Cato	= M. Cato
Att.	= Atticus
Ov.	= P. Ovidius Naso, 43 г. до н. э. — 18 г. н. э.
Am.	= Amores
F.	= Fasti
Pont.	= Epistulae ex Ponto
Rem.	= Remedia amoris
Tr.	= Tristia
Plaut.	= T. Maccius Plautus, 253 — ок. 184 гг. до н. э.
Amph.	= Amphitruo
Curc.	= Curculio
Most.	= Mostellaria
Stich.	= Stichus
Plin. N. H.	= C. Plinius Secundus (major), 23/24—79 гг. Naturalis historia

Plin. Ep.	= C. Plinius Caecilius Secundus (minor), 61/62 — ок. 114 гг.
Quint. Inst.	Epistulae = M. Fabius Quintilianus, ум. 95 г. н. э. = Institutiones
Sall. Cat.	= C. Sallustius Crispus, ок. 86—35 гг. до н. э. = Conjuratio Catilinae
Hist.	= Historia
Jug.	= Bellum Jugurthinum
Sen.	= M. Annaeus Seneca: philosophus, ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э. = Epistulae ad Lucilium
Ep.	= De ira
Ira	= De tranquillitate animi
Tranq.	= C. Cornelius Tacitus, ок. 55 — после 117 гг.
Tac. Agr.	= Agricola
Ann.	= Annales
Hist.	= Historiae
Ter.	= P. Terentius Afer, ок. 190—159 гг. до н. э.
Ad.	= Adelphoe
Andr.	= Andria
Eun.	= Eunuchus
Heaut.	= Heautontimorumenos
Hec.	= Hecyra
Phorm.	= Phormio
Tib.	= Albius Tibullus, ок. 54—19 гг. до н. э.
Varro R. R.	= M. Terentius Varro, 116—27 гг. до н. э. = De re rustica
Verg.	= P. Vergilius Maro, 70—19 гг. до н. э.
Aen.	= Aeneis
Ecl.	= Eclogae

Перечень таблиц

1. Функция латинского конъюнктива в простом предложении.....	18
2. Роль отрицания в латинском высказывании.....	24
3. Соотношение модальных значений, формирующих модальность латинского высказывания.....	58
4. Модальное содержание условных периодов в латинском языке.....	115
5. Функционально-семантическая характеристика придаточных определительных в латинском языке.....	125

Оглавление

Введение.....	4
Раздел I. Простое предложение.....	7
Глава 1. Этот многозначный конъюнктив.....	7
Глава 2. Для чего в предложении употребляется отрицание?.....	18
Глава 3. Что можно выразить глаголами posse и debere.....	24
Приложение. Сколько значений может быть у одной падежной формы? («Синтаксис падежей»).....	37
Раздел II. Осложненное предложение.....	48
Глава 1. Инфинитивные обороты: «внутренний мир» человека.....	48
Глава 2. Причастные обороты: характеристика объектов и ситуаций.....	58
Раздел III. Сложное предложение.....	64
Глава 1. Римляне были целеустремленными людьми (Объектно-целевая ориентация действия).....	64
Глава 2. Как римляне воспринимали окружающий мир (Установление связей между описываемыми событиями).....	80
Глава 3. Расходились ли римляне во взглядах на действительность? (Дифференциация точек зрения).....	91
Глава 4. «Если...» (Условные суждения).....	105
Глава 5. Охарактеризовать — значит объяснить... (Выразительные возможности развернутых определений).....	117
Заключение.....	129
Хрестоматия.....	130
Рекомендуемые грамматики, учебники и словари латинского языка.....	168
Указатель имен.....	170
Список сокращений.....	172
Перечень таблиц.....	174

Учебное издание

Мария Акоповна Таривердиева

**От латинской грамматики — к латинским текстам
(Латинское предложение: форма и смысл)**

Зав. редакцией **Т. А. Савчук**

Редактор **И. С. Кульшиева**

Художник обложки **М. В. Борисов**

Компьютерная верстка **П. А. Чикин**

Корректор **И. С. Кульшиева**

Лицензия ЛР 064380 от 4.01.96 г.

Сдано в набор 27.06.96. Подписано в печать 11.12.96.

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,00.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 2809.

«Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».
117571, Москва, просп. Вернадского, 88,
Московский педагогический государственный университет,
тел./факс 932-56-19, тел. 437-99-98.

Отпечатано в ГУИПП «Курск».
305007, Курск, ул. Энгельса, 109.